ТОМ 3, №1, 2025
eISSN 2949-1843
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частно-правовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

www.lawandorder-donstu.ru
DOI 10.23947/2949-1843

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Том 3, № 1, 2025

Учредитель и издатель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4 – Уголовно-правовые науки
5.1.5 – Международно-правовые науки

Индексация и архивация:	РИНЦ, CyberLeninka, CrossRef
Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Периодичность	4 выпуска в год
Адрес учредителя и издателя	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Телефон	+7 (863) 2–738–372
Сайт	https://lawandorder-donstu.ru
Дата выхода в свет	31.03.2025

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843
DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 3, no. 1, 2025

Founder and Publisher — Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Conferring the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

– Theoretical and Historical Legal Sciences
– Public Law (State Legal) Sciences
– Private Law (Civil Law) Sciences
– Criminal Law Sciences
– International Legal Sciences

Indexing and Archiving	RISC, CyberLeninka, CrossRef
Name of the Body that Registered the Publication	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Periodicity	4 issues per year
Address of the Founder and Publisher	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
E-mail	pravonauka2022@donstu.ru
Telephone	+7 (863) 2–738–372
Website	https://lawandorder-donstu.ru
Date of Publication	31.03.2025

Содержание

Content

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340:378.1

Оригинальное эмпирическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18

EDN: HXJZTF

Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России

А.Я. Рыженков ✉
Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Российская Федерация
✉ 4077778@list.ru

Аннотация

Введение. В настоящий момент набирает актуальность вопрос об использовании в высшем образовании как цифровых технологий, которые уже хорошо зарекомендовали себя в других сферах общественной жизни (большие данные, цифровые библиотеки, интернет вещей и другие), так и цифровых технологий, которые только недавно появились в открытом доступе, и использование которых в системе образования пока осуществляется редко (однако это неизбежно произойдет в будущем). К последней категории относится искусственный интеллект, разновидностью которого выступает нейросеть ChatGPT 4.0. В России о необходимости внедрения искусственного интеллекта (ИИ) прямо говорится в Указе Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г., которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В Распоряжении Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» подчеркивается, что целью цифровой трансформации является достижение высокого уровня «цифровой зрелости» образовательными организациями высшего образования, научными организациями и ответственным отраслевым федеральным органом исполнительной власти. Указанные нормативные требования обусловливают необходимость исследования перспектив внедрения технологий ИИ во всех видах образовательных учреждений, в том числе на юридических факультетах. Цель исследования – проанализировать организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта и обосновать преимущества и угрозы использования нейросетей (на примере ChatGPT) в процессе проведения учебных занятий на юридических факультетах российских университетов.

Материалы и методы. В процессе исследования использовались общепринятые в России методы научного познания: диалектический метод, анализ, синтез, конкретно-исторический, логический, сравнительно-правовой, системный методы и другие.

Результаты исследования. В ходе исследования проанализирована теория и практика использования искусственного интеллекта (на примере нейросети ChatGPT) в образовательной деятельности на юридических факультетах. Обоснована необходимость включения в учебный процесс (например, в магистратуре) специальных учебных дисциплин, раскрывающих особенности использования искусственного интеллекта в юридической деятельности. Выявлены преимущества и угрозы от использования искусственного интеллекта, возможные регламенты его применения в учебном процессе. Рассмотрены этические вопросы использования искусственного интеллекта, обобщен опыт различных российских и зарубежных вузов, определяющих допустимость его применения.

Обсуждение и заключение. Человечество стоит на пороге новой промышленной революции, поэтому воспрепятствовать развитию искусственного интеллекта уже невозможно. В самое ближайшее время под воздействием ChatGPT изменится не только концепция высшего образования, набор компетенций преподавателя и студента, но и само понимание этики, допустимости и параметров использования искусственного интеллекта и иных цифровых технологий. Изменится идеология и философия высшего образования, что повлечет правовые, методические, технические и иные последствия в виде внесения изменений в российский закон об образовании, отражающих новую цифровую реальность. В тех странах, где возобладает консервативный взгляд на новые цифровые

образовательные технологии, начнется отставание от передовых стран мира. Формирование новой цифровой модели компетенций выпускника будет происходить на фоне других изменений общественной жизни, включая использование интернета вещей, дронов и роботов, искусственного интеллекта, больших данных, нанотехнологий и многого другого. И хотя большая часть этих преобразований не имеет прямого отношения к праву, их использование приобретет внешнюю правовую форму, и потребуются юристы, компетентные разрешать цифровые споры. Именно для этого на юридических факультетах следует внедрять цифровые технологии, обучая этому студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая трансформация, цифровые технологии, ChatGPT 4.0, этика использования искусственного интеллекта, образовательная деятельность

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Рыженков А.Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):9–18. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18

Original Empirical Research

Organisational, Legal and Ethical Aspects of Using the Artificial Intelligence in Educational Process at Law Faculties in Russia

Anatoly Ja. Ryzhenkov
Kalmyk State University, Elista, Russian Federation
✉ 4077778@list.ru

Abstract

Introduction. In higher education, the issue of using digital technologies that have already proved their value in other areas of social life (big data, digital libraries, the Internet of Things, etc.), and those that have recently become publicly available and still are rarely used in the education system (but are sure to be used in the future) is gaining relevance nowadays. The latter include the artificial intelligence, with ChatGPT 4.0 neural network being one of its types. In Russia, the need to implement the artificial intelligence (AI) is directly stated in the Executive Order of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019, where the National AI Development Strategy for the period until 2030 has been approved. The Russian Federation Government Directive No. 3759-r “On Approval of the Strategic Direction in the Field of Science and Higher Education Digital Transformation” of December 21, 2021 emphasizes that the goal of digital transformation is to achieve a high level of “digital maturity” in higher education organizations, scientific organizations and the responsible sectoral body of federal executive power. The above regulatory requirements induce the research on the prospects of AI technology implementation in educational institutions of all types, including law faculties. The objective of the research is to analyse the organisational, legal and ethical aspects of using the artificial intelligence and justify (on an example of ChatGPT) the advantages and threats of integrating the neural networks in the study process at law faculties of Russian universities.

Materials and Methods. In the research, the commonly accepted in Russia methods of scientific cognition were used: the dialectical method, analysis, synthesis, historical case-specific method, logical, comparative legal, systemic methods, and others.

Results. In the frame of the research, the theory and practice of using the artificial intelligence in educational process at law faculties have been analysed on an example of ChatGPT neural network. The need of embedding into the curriculum (e.g., at Master's level) the special academic courses that present the features of using the artificial intelligence in juridical practices has been justified. The advantages and threats of using the artificial intelligence, possible regulations for its use in the study process have been identified. Ethical issues of using the artificial intelligence have been investigated, and the experience of various Russian and foreign universities that accept its usage has been summarised.

Discussion and Conclusion. Humanity is on the threshold of a new industrial revolution, therefore it is impossible to hinder the development of artificial intelligence any longer. Under the influence of ChatGPT, not only the concept of higher education and a list of teacher and student competencies will change in the nearest future, but also the very understanding of ethics, acceptability and parameters of using the artificial intelligence and other digital technologies. The ideology and philosophy of higher education will change, which will entail legal, methodological, technical and other consequences resulting in adoption of the new digital-reality-related amendments to the Russian Law on Education. The countries where a conservative approach to the new digital educational technologies prevails, will be lagging behind the advanced countries of the world. Formation of a new digital model of graduate’s competencies will happen against the background

of other social life changes, including the use of the Internet of Things, unmanned aerial vehicles, robots, artificial intelligence, big data, nanotechnology and many other things. Although the majority of these innovations are not directly related to law, their use will require a legal framework, and lawyers competent in resolving digital disputes will be needed. This is precisely why digital technologies should be integrated into education and taught to students of law faculties.

Keywords: artificial intelligence, digital transformation, digital technologies, ChatGPT 4.0, ethics of using artificial intelligence, educational process

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof, which contributed to enhancement of the quality of the article.

For Citation. Ryzhenkov AJa. Organisational, Legal and Ethical Aspects of Using the Artificial Intelligence in Educational Process at Law Faculties in Russia. *Legal Order and Legal Values.* 2025;3(1):9–18. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18

Введение. Одной из наиболее характерных особенностей общественной жизни последних лет является широкое внедрение цифровизации в самые различные сферы жизни государства и общества. Единого и универсального определения цифровизации не существует, однако в самом общем виде под ней понимается использование современных компьютерных технологий в публичном управлении, бизнесе и бытовой жизни граждан. Это проявляется в упрощении доступа к государственным и муниципальным услугам, автоматизации производственных процессов, повышении комфортности и удобства, гарантированности работы систем жизнеобеспечения.

В рамках этой общей тенденции цифровизация высшего образования занимает особое место. Благодаря цифровизации удалось пережить пандемию COVID-19 посредством использования платформы ZOOM и иных подобных систем, обеспечить равный доступ к знаниям для жителей сел и мегаполисов, внедрить в высшее образование новые технологии (игровые, мультимедийные и многие другие). При этом после пандемии эта тенденция не просто не исчезла, а, наоборот, вышла на новый уровень. В настоящий момент набирает актуальность вопрос об использовании в высшем образовании как цифровых технологий, которые уже хорошо зарекомендовали себя в других сферах общественной жизни (большие данные, интернет-платформы, интернет вещей и другие), так и цифровых технологий, которые только недавно появились в открытом доступе, и использование которых в системе образования пока осуществляется редко, однако это неизбежно произойдет в будущем.

Именно к последней категории относится искусственный интеллект, разновидностью которого выступает нейросеть ChatGPT 4.0. В России о необходимости развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) прямо сказано в Указе Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490, которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1]. Как отмечается в данном документе, благодаря реализации Стратегии должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций (в том числе научных) и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка. Это является вполне реалистичным потому, что Российская Федерация обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта.

В Распоряжении Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования»[2] подчеркивается, что целью цифровой трансформации является достижение высокого уровня «цифровой зрелости» образовательными организациями высшего образования, научными организациями и ответственным отраслевым федеральным органом исполнительной власти. Эти нормативные требования обусловливают необходимость исследования перспектив внедрения технологий ИИ во всех видах образовательных учреждений, в том числе на юридических факультетах.

Цель исследования – проанализировать организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта и обосновать преимущества и угрозы использования нейросетей (на примере ChatGPT) в процессе проведения учебных занятий на юридических факультетах российских университетов.

Материалы и методы. В процессе исследования были использованы общепринятые методы научного познания. Диалектический метод позволил рассмотреть исследуемое явление как комплексный и многогранный процесс, включающий взаимодействие организационных, правовых и этических аспектов. Анализ и синтез использовались для выявления отдельных элементов рассматриваемой проблемы и их последующего объединения

[1] *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации*. Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10.10.2019. URL: https://base.garant.ru/72838946/#friends (дата обращения: 23.01.2025).
[2] *Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования*. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3759-р от 21.12.2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403203308/ (дата обращения: 23.01.2025).

в единое системное представление. Логический метод обеспечил последовательность и непротиворечивость в анализе данных и построении выводов. В статье также был использован ряд частнонаучных методов. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления российского законодательства, регулирующего использование искусственного интеллекта в образовании, с нормативными актами зарубежных стран. Конкретно-исторический метод позволил изучить процесс становления и развития нормативно-правовой базы и практики использования ИИ в образовательной деятельности. Системный метод обеспечил возможность рассмотреть использование ИИ в образовании как целостную систему, включающую технологические, правовые и этические компоненты.

Результаты исследования. В настоящий момент научное сообщество активно обсуждает перспективы перехода к новой концепции развития промышленности Индустрия 5.0. При этом если главной идеей Индустрии 4.0 было сокращение численности рабочей силы для оптимизации производства, то цель Индустрии 5.0 – создать условия, когда люди будут работать бок о бок с передовыми технологиями и роботами с искусственным интеллектом для улучшения рабочих процессов. В ближайшие годы ожидается, что искусственный интеллект будет обеспечивать 95 % взаимодействия с клиентами, а его использование вырастет примерно на 54 % в годовом исчислении и достигнет 22,6 млрд долларов [1]. В рамках этой глобальной тенденции происходят серьезные изменения и в плане цифровизации образования, включая расширенное использование искусственного интеллекта на юридических факультетах. В различных научных исследованиях предпринимаются попытки оценить процентную долю текущей работы юриста, которая вскоре может быть автоматизирована с помощью искусственного интеллекта. По оценкам некоторых экспертов, ИИ может автоматизировать от 23 до 44 % юридических задач [2]. Однако это потребует от практикующих юристов знания цифровых технологий. На это обстоятельство уже начинают реагировать, причем в различных зарубежных странах (где стали появляться вакансии инженера по юридическим вопросам GPT), так и в России (где руководители крупнейших российских банков уже неоднократно заявляли, что сегодня нет нужды в юристах, которые не разбираются в цифровых технологиях, или, как минимум, в нейронных сетях) [3]. Между тем, как среди практикующих юристов, так и среди преподавателей юридических факультетов нет единства мнений о соотношении плюсов и минусов внедрения искусственного интеллекта, регламентах (этических, правовых) его использования (практикующими юристами, студентами и преподавателями), рисков и угроз для качества образования и юридической помощи [4]. Диапазон мнений достаточно широк – от призывов полностью запретить всякое использование искусственного интеллекта до предложений о внедрении в учебный процесс специальных учебных курсов по его изучению. Попробуем подробнее разобраться в этом непростом вопросе. Итак, каковы могут быть плюсы от использования искусственного интеллекта? В самом общем виде их несколько. Нейросети избавляют студентов и преподавателей (равно как и практикующих юристов) от многих видов рутинной вспомогательной работы, например, подбора судебной практики по определенным категориям дел, нормативных актов или литературы по конкретной теме исследования. Последнее обстоятельство имеет большую важность потому, что существующие в большинстве стран мира (включая РФ) справочные правовые системы (в которых практикующие юристы и читают тексты законов) включают гиперссылки на другие законы и подзаконные акты, однако наличие тех или иных гиперссылок зависит лишь от желания разработчиков такой справочной системы. Исходя из личного опыта можно утверждать, что такие гиперссылки довольно фрагментарны. В результате, когда адвокат готовится к процессу, он может получить только часть необходимой ему правовой информации, остальную часть ему приходится искать по отдельному запросу. Это очень неудобно, и потому подготовка нейросетью соответствующего перечня нормативных актов может восполнить пробелы официальных справочных систем. Наряду с этим, ChatGPT может подсказывать нестандартные решения юридических проблем (практических или теоретических), корректировать язык и стиль юридических документов, писать черновики законопроектов, договоров, исковых заявлений, искать статистику и иные сведения. В самих университетах с помощью нейросетей можно создавать уникальные образовательные планы, оптимизировать административные задачи (создание расписаний, проверка заданий и оценивание), освобождая время преподавателей для более творческой работы [5]. Технологии ИИ могут помочь в анализе больших объемов данных, например, выявляя тренды успеваемости студентов. ChatGPT способствует развитию креативности студентов, предоставляет доступ к множеству идей и решений на основе уже существующих данных [6].

Однако у этой технологии есть и свои минусы. Во многих университетах мира были зафиксированы случаи недобросовестного использования нейросетей студентами для написания курсовых и дипломных работ. Российский государственный гуманитарный университет уже предложил ограничить доступ к ChatGPT в образовательных организациях по причине его негативного влияния на процесс обучения (после того, как студент этого вуза

признался, что защитил диплом, написанный нейросетью)[3]. Наличие побочных эффектов от применения в учебном процессе ChatGPT признается и в других странах мира: в ряде школ Нью-Йорка запретили его использовать на школьных устройствах, поскольку он не развивает навыки критического мышления у школьников[4].

Существуют примеры недобросовестного использования нейросетей и в правовой науке, из-за чего на сайтах многих журналов (например, входящих в издательскую группу Springer) появились специальные указания на необходимость сообщать об использовании нейросетей при подаче научной статьи для публикации. Риски от использования ИИ отмечают и практикующие юристы. Правоохранительные органы часто испытывают сложности с квалификацией различных деяний, при совершении которых использовался искусственный интеллект, поскольку нормативная база имеет пробелы. Отмечаются случаи нарушения прав интеллектуальной собственности и личных прав, несанкционированный доступ к персональным данным с помощью ИИ, уязвимости в области кибербезопасности, которые вполне могут разрушить жизнь человека [7]. Существуют и факты легкомысленного использования сгенерированных ИИ текстов в юридической практике. Например, недавно в США суд пришел к выводу о том, что адвокаты недобросовестно исполняли свои обязанности, когда представили в ходе своего участия в судебном процессе несуществующие судебные решения с поддельными цитатами, созданными с помощью искусственного интеллекта ChatGPT. За это в 2023 г. судья Манхэттена наложил на этих двух адвокатов штраф в размере 5000 долл., однако репутационные последствия для их юридической практики будут намного серьезнее[5]. Другой аспект рисков использования нейросетей состоит в том, что загруженная в них информация локализована определенной датой, поэтому любые сведения и события, произошедшие после нее, не будут включены в их наборы данных. Кроме того, не все общедоступные данные в Интернете используются нейросетями, что влечет определенные пробелы в знаниях. Некоторые протестированные экспертами модели с трудом находили надежные источники данных и часто извлекали информацию с непрофессиональных и ненадежных веб-сайтов. И хотя нейросети можно обучить доступу к определенным веб-сайтам, такие данные все равно необходимо перепроверять, поскольку нейросеть можно легко ввести в заблуждение ложной информацией [8].

Однако на этом риски использования нейросетей не заканчиваются. Существуют опасения, что развитие нейросетей приведет к сокращению количества вакансий младших юристов в юридических фирмах, и тогда прекратится преемственность в юридической профессии. Однако я не думаю, что это будет так, поскольку творческие возможности нейросетей в юридической профессии пока ограничены, и носят по большей части вспомогательный характер. Другая сторона этой (на мой взгляд, преувеличенной) тревоги состоит в том, что массовое внедрение цифровых технологий в учебный процесс университетов приведет к изменению традиционных отношений как между самими преподавателями, так и между преподавателями и студентами, затруднит их общение и взаимопонимание. Отдельные консервативно настроенные представители юридической профессии в ходе общения с экспертами по искусственному интеллекту даже утверждали, что искусственный интеллект полностью разрушит человеческое общество, и люди станут рабами роботов. Эти фантазии часто вызывают смех у экспертов в области искусственного интеллекта, в результате чего они теряют интерес к дальнейшему диалогу. В результате технологии искусственного интеллекта до сих пор не хватает полноценной интеграции с юридической профессией. Другими словами, возникает замкнутый круг: у специалистов по искусственному интеллекту нет необходимого запаса юридических знаний. И хотя у них есть исключительные навыки в области программирования, они ограничены тем, что никогда раньше не контактировали с преподавателями юриспруденции, поэтому не могут понять требований к продукции, которая необходима юридическому факультету. Из-за этого многие продукты искусственного интеллекта не соответствуют ожиданиям юристов, их реальная роль относительно невелика. Поэтому в настоящее время развитие искусственного интеллекта в сфере юриспруденции носит поверхностный характер, хотя и есть отдельные представители двух профессий, которые занимаются совместным изготовлением цифровых продуктов [9]. Между тем, подобное неприятие новейших цифровых технологий чем-то напоминает идеи движения луддитов в Англии первой четверти XIX в., протестовавших против промышленной революции и ломавших «неправильные» станки на заводах. В итоге промышленную революцию они не остановили, но причинили убытки владельцам заводов. Сегодняшняя ситуация отчасти похожа: нам предстоит непростой выбор – отторжение новых цифровых технологий, ломающих традиционный уклад (в том числе преподавания на юридических факультетах) либо освоение таких технологий, переход к новым моделям подготовки юристов, цифровизации правовой практики. В последнем аспекте с каждым годом такая работа идет все масштабнее: юристы используют ChatGPT для создания проектов юридических документов, которые затем редактируют,

[3] *В России предложили запретить чат-бот ChatGPT в вузах и школах.* URL: https://www.sostav.ru/publication/chatgpt-58860.html (дата обращения: 22.01.2025).
[4] *Нейросеть ChatGPT заблокирована в США.* URL: https://www.securitylab.ru/news/535510.php (дата обращения: 22.01.2025).
[5] *Weiser B. ChatGPT Lawyers Are Ordered to Consider Seeking Forgiveness.* New York Times. 2023. June 22.

что делает процесс их составления более упорядоченным и эффективным; проводят юридические исследования, поскольку у ChatGPT есть возможность получать и анализировать юридическую информацию (включая судебные дела и законодательство) и обобщать результаты исследований. Рассмотрение влияния ChatGPT на науку, преподавание и практику дает нам возможность подумать о том, как нам следует готовить студентов к новым стандартам их будущей работы. Юридические вузы не могут позволить себе игнорировать достижения в области цифровых технологий, поэтому ChatGPT дает новый импульс для переосмысления правовых учебных программ, чтобы обеспечить подготовку студентов к переходу на цифровой формат работы. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2018 г., когда 31 штат США потребовал от своих юристов понимания рисков и преимуществ технологий, а штат Флорида ввел требование о непрерывном юридическом образовании в области технологий [10]. В настоящий момент Юридическая школа Гарварда запустила Инициативу по искусственному интеллекту, а Юридическая школа Вандербильт объявила о создании юридической лаборатории ИИ.

Калифорнийский университет в Беркли стал первым университетом, который ввел степень магистра права со специализацией в области искусственного интеллекта (обучение начнется летом 2025 г.). Данная программа направлена на подготовку студентов к вызовам и возможностям, которые открывают новые технологии, и будет включать в себя такие темы, как меры по регулированию ИИ законами об искусственном интеллекте[6]. В других вузах США и Великобритании сегодня также происходит формирование междисциплинарной интеграции ИИ и права. Юридические факультеты сотрудничают с факультетами компьютерных наук, инженерными колледжами и т.д., и предлагают междисциплинарные курсы (например, «Технологии искусственного интеллекта и правовое регулирование» или «Анализ и применение больших данных в юриспруденции»). На этих курсах студенты не только получают юридические знания, но и глубокое понимание технических принципов, логики алгоритмов и процедур обработки данных ИИ. Например, в курсовом проекте по деликтной ответственности в области искусственного интеллекта студентам необходимо проанализировать дела, используя юридические знания, и в то же время понять, как ИИ принимает решения по определению субъекта ответственности [11]. Однако наиболее предпочтительным является предложение рассматривать ИИ не как отдельную или факультативную дисциплину, а включить его в процесс преподавания всех юридических дисциплин. Внедряя ИИ в основную учебную программу, юридические школы смогут гарантировать, что студенты не только узнают об этих инструментах, но и сумеют использовать их. Проведенный недавно в США социологический опрос показал, что юридические школы имеют большие планы развивать и далее преподавание ИИ юристам. Более половины юридических вузов, принявших участие в соцопросе (55 %), сообщили, что они предлагают занятия, посвященные обучению студентов искусственному интеллекту. Более того, подавляющее большинство (83 %) сообщили о наличии таких учебных возможностей, в том числе в клиниках, где студенты могут научиться эффективно применять инструменты ИИ[7]. Аналогичным образом в Австралии 86 % (32/37) государственных университетов, имеющих юридические факультеты, предлагают по крайней мере один предмет в области права и технологий[8], а в Китае Шанхайский университет политических наук и права готовит специалистов, обладающих практическими знаниями как в сфере ИИ, так и в сфере юриспруденции [12]. Повышенный интерес к этой проблеме в США объясняется отчасти тем, что GPT-4 недавно сдал Единый экзамен на адвоката. Более того, на рынок США вышли новые специализированные продукты: LexisNexis[9] представила Lexis+AI, который был специально создан, разработан и обучен для использования в юридической практике, и стал доступным для 100 % аккредитованных юридических школ. В отличие от большинства нейросетей, которые ориентированы на Интернет, и, следовательно, могут воспроизводить неточную информацию, Lexis+AI опирается исключительно на закрытую, но обширную базу данных из проверенных источников. Это означает, что пользователи знают, что они могут доверять его результатам. В начале осеннего семестра 2024 г. почти каждая третья юридическая школа, аккредитованная Американской ассоциацией юристов, имела в своей учебной программе ту или иную форму обязательного обучения искусственному интеллекту Lexis+. Все это развеивает миф о «противостоянии юриста и машины», растет понима-

[6] *Collitt R. AI is preparing the next generation of lawyers.* URL: https://www.lexisnexis.com/html/ai-is-preparing-the-next-generation-of-lawyers/?srsltid=AfmBOorxBnZsKXpAPKJj-xKoa82YU1P9vvTBswPNciW-v7GkBXeLuSiA (дата обращения: 23.01.2025).

[7] Cynthia Cwik et al. AI and Legal Education Survey Results 2024. The ABA Task Force on Law and Artificial Intelligence. AI and Legal Education Working Group.

[8] *Nassau O. Exploring generative AI and legal education.* URL: https://www.cli.collaw.com/latest-news/2024/09/04/exploring-generative-ai-and-legal-education (дата обращения: 22.01.2025).

[9] LexisNexis – это международная компания, работающая в сфере информационных услуг (предоставление онлайн-доступа к многоотраслевым базам данных). Основана в 1977 г. Д. Уилсоном, с 1994 года принадлежит Reed Elsevier. Это крупнейшая в мире онлайн-библиотека юридической, архивной и деловой информации.

ние потенциала ИИ, и постепенно становится популярной фраза: «ИИ не заменит юристов, но юристы, использующие ИИ, превзойдут тех, кто его не использует»[10]. По большому счету, ИИ может изменить жизнь работников умственного труда так же, как механизация повлияла на работников физического труда в предыдущие столетия. По мере освоения университетами новой технологии (и появления ее новых модификаций) произойдет существенная трансформация учебного процесса. Несомненно, остаются и проблемы, требующие решения, например, связанные с использованием материалов, защищенных авторским правом или с созданием нового контента с применением ChatGPT. Часто возникают и вопросы, связанные с правом собственности на результаты взаимодействия с ИИ или касающиеся правомерности использования данных ИИ. Все эти и многие другие вопросы будут неизбежно подниматься и решаться по мере внедрения новых цифровых технологий в образование и практику.

В случае обеспечения надежного взаимодействия представителей технических (компьютерных) и общественных наук (включая право), эта технология повысит качество образования, даст студентам необходимые навыки цифрового юриста, сделает их более востребованными на меняющемся рынке труда. При этом для перехода на цифровые стандарты не обязательно быть университетом в развитой стране мира. Новые технологии дают равный шанс для всех креативных вузов, но это потребует больших усилий технического, организационного, методического и иного характера.

Практическое внедрение ИИ (включая ChatGPT) в учебный процесс заинтересованных юридических факультетов неизбежно приведет и к дискуссии об этических аспектах новой технологии. Такие этико-правовые аспекты заключаются в использовании студентами нейросетей на экзаменах (списывание), написании нейросетью курсовых и дипломных работ. Главный вопрос состоит в том, где именно проходит грань между осуждаемым и одобряемым использованием студентами ChatGPT. Попробуем разобраться в этом вопросе. Начнем с того, почему такое поведение студентов считается неэтичным? Речь в данном случае идет о нарушении академической честности – категории, юридически слабо разработанной. Если студент использует текст, сгенерированный ИИ и выдает его за свой – это необходимо приравнивать к плагиату, поскольку студент не приложил личных интеллектуальных усилий по его написанию. Кроме того, подготовка студенческих работ путем заимствования текстов, подготовленных ИИ, создает ложное представление об умениях и навыках студента, что вредит как репутации университета, так и самому студенту-юристу, который после окончания вуза попадет на практику. Такое поведение является недобросовестным еще и потому, что ставит студентов, честно и самостоятельно выполняющих все задания преподавателя, в неравное положение, и снижает их мотивацию.

С другой стороны, нельзя призывать к полному запрету использования ИИ, поскольку это будет другой крайностью, не способствующей улучшению подготовки студентов. Решение заключается в том, что ИИ используется как вспомогательный инструмент на семинаре или при самостоятельной подготовке в объеме, определенном преподавателем; необходимы ссылки на ИИ при воспроизводстве текста, сгенерированного с его помощью; другими словами, допускается использование идей и мыслей, но не готового текста ChatGPT. Решение этой проблемы потребует активности от руководства университета, который дорожит своей репутацией. Для этого университет должен принять локальный акт, в котором детально будет урегулирован вопрос об использовании ИИ в учебном процессе. В таком документе следует определить следующие правила: в каких случаях использование ИИ допустимо; критерии цитирования ИИ как источника в эссе, курсовых и дипломных работах; определить дисциплинарные санкции для студентов, нарушающих эти правила. Среди преподавателей и студентов необходимо провести специальные семинары и совещания, на которых подробно разъяснить этические правила использования ИИ. Студентам необходимо подробно разъяснить негативные последствия лично для них при использовании ИИ (кроме дисциплинарных санкций), а именно утрату критического мышления и несоответствие их компетенций тем, которые от них мог бы ожидать их будущих работодатель. При работе с ИИ студентов необходимо обучать методике проверки фактов, сообщаемых ИИ (чтобы не попасть в неприятную ситуацию, приведенную выше, когда два адвоката в США использовали сгенерированный ИИ текст в судебном процессе, сославшись на выдуманные прецеденты). Университету следует разработать и внедрить продвинутое программное обеспечение системы «Антиплагиат», чтобы распознавать сгенерированные ИИ и дословно используемые тексты [13].

В отношении последнего тезиса заметим, что система «Антиплагиат» видит текст, созданный ИИ, если большие фрагменты этого текста взяты дословно, особенно в прошлой версии ChatGPT 3.5. Начиная с версии 4.0., если студент не заимствует текст дословно, а немного редактирует его, и развивает идеи, то в России система «Антиплагиат» часто воспринимает это как оригинальный текст. С учетом этого преподаватели могут давать студентам на семинарах задания, требующие не просто создания текста, но и его глубокого анализа, чаще практиковать публичные обсуждения и дискуссии, в которых каждый студент должен высказать свое мнение,

[10] Collitt R. *AI is preparing the next generation of lawyers.* URL: https://www.lexisnexis.com/html/ai-is-preparing-the-next-generation-of-lawyers/?srsltid=AfmBOorxBnZsKXpAPKJj-xKoa82YU1P9vvTBswPNciW-v7GkBXeLuSiA (дата обращения: 23.01.2025).

и четко аргументировать его по ходу занятия. Таким образом, простой запрет ИИ не является решением проблемы (студенты все равно будут его использовать тайно), поэтому (чтобы не повторить судьбу луддитов) вместо запрета современных технологий процесс их внедрения необходимо возглавить и четко нормативно регламентировать, формируя при этом культуру ответственного отношения к технологиям, и создав обстановку, когда нарушение этих правил влечет репутационные издержки.

В рамках приведенной выше стратегии, затрону и ряд вопросов тактики.

В ведущих вузах различных стран мира уже появились первые своды этических правил, которые регламентируют использование ИИ в учебном процессе университета. Пересказывать их содержание нет практической необходимости, но надо обратить внимание на ряд базовых требований. В Юридическом университете (Англия) любая работа, не являющаяся собственной работой студента, должна включать информацию, что этот контент создан с помощью технологий ИИ. Если нет такой ссылки, это будет наказываться в соответствии с Правилами студенческой дисциплины. ИИ может использоваться для того, чтобы собрать тематическую литературу для критического обзора; как вспомогательный инструмент редактирования для исправления опечаток, языка, произношения; для содействия совместному обучению в учебных группах или при проведении мероприятий с взаимной оценкой. ИИ может использоваться для развития общих навыков: предоставлять студентам базовые знания в новой области изучения предмета, что приведет к генерации новых идей; уточнять, как резюмировать или перефразировать контент, на который будет дана ссылка; совершенствовать у студентов презентационные и коммуникативные навыки; укреплять цифровые навыки, навыки доступа к информации и критической оценки ее достоверности и надежности; подвергать сомнению или принимать критический подход к любому собранному контенту[11].

Аналогичную динамику мы видим и в других университетах. Например, в Мичиганском университете разрешено использование инструментов GenAI при составлении исследовательских работ и заявок на гранты при условии, что автор включит подробные ссылки относительно их использования, а в некоторых случаях – сведения о конкретных подсказках, которые автор использовал для генерации необходимой информации. Такие рекомендации смогут помочь предотвратить плагиат и способствовать прозрачности в отношении контекста и ограничениям конечного продукта работы [14]. Довольно оригинально к этому вопросу подошли в Северном (Арктическом) федеральном университете г. Архангельска, утвердившем в январе 2024 года допустимую норму 40 % сгенерированного текста для выпускных квалификационных работ [15]. Московский городской педагогический университет разрешил студентам использовать технологии ИИ при подготовке выпускных квалификационных работ при условии, что студенты будут сами перепроверять информацию, полученную с помощью инструментов ИИ [16]. Свою позицию по данному вопросу высказала и ООН в виде Рекомендации ЮНЕСКО «Этические аспекты искусственного интеллекта»[12]. Этот опыт требует дальнейшего изучения и использования.

Обсуждение и заключение. Человечество стоит на пороге новой промышленной революции, поэтому воспрепятствовать развитию искусственного интеллекта уже невозможно. В самое ближайшее время под воздействием цифровых технологий изменится не только концепция высшего образования, набор компетенций преподавателя и студента, но и само понимание этики, допустимости и параметров использования ИИ и иных цифровых технологий. Изменится идеология и философия высшего образования, что повлечет правовые, методические, технические и иные последствия после внесения изменений в российский закон об образовании, отражающий новую цифровую реальность.

В тех странах, где возобладает консервативный взгляд на новые цифровые образовательные технологии, начнется отставание от передовых стран мира. Такие страны проиграют, как проиграли луддиты. Формирование новой цифровой модели выпускника будет происходить на фоне других изменений общественной жизни, включая использование интернета вещей, дронов и роботов, больших данных, нанотехнологий и многого другого. И хотя большая часть этих технологий не имеет прямого отношения к праву, их использование приобретет внешнюю правовую форму, и потребуются юристы, компетентные разрешать цифровые споры. Именно для этого на юридических факультетах следует внедрять цифровые технологии, приучая студентов жить в новой реальности.

Юридическим факультетам университетов необходимо инвестировать в подготовку преподавателей, разрабатывать специальные курсы по искусственному интеллекту и законодательству, обновлять учебные программы, чтобы включать в них новые цифровые инструменты. Кроме того, необходимо утверждать этические правила, касающиеся честности, равноправия и ответственного использования ИИ студентами. Последовательно используя новые цифровые инструменты в образовании, мы сможем создать будущее, в котором юридическое образование будет увлекательным, эффективным, более доступным для всех обучающихся. Вопреки опасениям многих

[11] Союз студентов Юридического университета. *Использование искусственного интеллекта студентами.* URL: https://studentsunion.law.ac.uk/main-menu/su-advice/student-use-of-artificial-intelligence (дата обращения: 23.01.2025).

[12] *Рекомендации ЮНЕСКО «Этические аспекты искусственного интеллекта».* URL: https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения: 22.01.2025).

преподавателей, внедрение цифровых технологий не приведет к увольнению профессоров и доцентов, поскольку робот не может сам писать лекции, вносить в них изменения и т.д. Цифровые технологии никогда не заменят человека, и будут всегда носить вспомогательный характер, облегчая жизнь преподавателя, избавляя его от рутинной работы и создавая условия для его творческого развития, экспертной, научной и методической работы.

Список литературы / References

1. Rashid AB, Kausik AK. AI Revolutionizing Industries Worldwide: A Comprehensive Overview of Its Diverse Applications. *Hybrid Advances*. 2024;7:100277.

2. Lewis CD. All in: Strategic Approaches to Incorporating AI into Legal Higher Education. *Kuwait International Law School Journal*. 2021. https://ssrn.com/abstract=4818383 (дата обращения: 22.01.2025).

3. Ромазанова А.Т. Юрист в сфере бизнеса в эпоху цифровизации. В: *Правовое обеспечение безопасности в сфере труда и предпринимательства. Сборник научных статей.* Зайцева Л.В. (отв. ред.). Тюмень; 2020. С. 159–168.

Romazanova AT. Lawyer in the Field of Business in the Era of Digitalization. In: *Collection of Scientific Articles "Legal Support of Security in the Field of Labor and Entrepreneurship"*. Zaitseva LV (Ed.). Tyumen; 2020. P. 159–168. (In Russ.)

4. Анисимов А.П., Рыбак С.В. О некоторых тенденциях и перспективах использования нейросетей в юридической науке. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(4):9–16. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-9-16

Anisimov AP, Rybak SV. About Some Trends and Prospects of Using the Neural Networks in Juridical Science. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(4):9–16. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-9-16 (In Russ.)

5. Ключко Р.Н., Савоневич Е.Л. Цифровая трансформация университета: лучшие практики и актуальные тренды. *Education. Quality Assurance*. 2021;(3(24)):58–63.

Klyuchko RN, Savonevich EL. Digital Transformation of the University: Best Practices and Current Trends. *Education. Quality Assurance*. 2021;(3(24)):58–63. (In Russ.)

6. Рахматов У.К. Использование сервисов искусственного интеллекта в высшем образовании (на примере ChatGPT 3.5). *Извести вузов Кыргызстана*. 2023;(5):70–73.

Rakhmatov UK. Using artificial intelligence services in higher education (on the example of ChatGPT 3.5*). Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy Kyrgyzstana (News of Higher Education Institutions of Kyrgyzstan).* 2023;(5):70–73. (In Russ.)

7. Montagnani ML, Najjar MC, Davola A. The EU Regulatory Approach(es) to AI Liability, and Its Application to the Financial Services Market. *Computer Law and Security Review*. 2024;(53):105984. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105984

8. Ajevski M, Barker K, Gilbert A, Hardie L, Ryan F. ChatGPT and the Future of Legal Education and Practice. *The Law Teacher*. 2023;57(3):352–364. https://doi.org/10.1080/03069400.2023.2207426

9. Hu T, Lu H. Present Development Situation of Artificial Intelligence Law and Thinking on the Talent Cultivation. In: *Proceedings of the 6th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research.* Atlantis Press; 2020. P. 152–156. https://doi.org/10.2991/assehr.k.191217.099

10. Fornasier MO. Legal Education in the 21st Century and the Artificial Intelligence. *Revista Opinião Jurídica (journal of Juridical Opinion)*, 2021;19(31):1–32. https://doi.org/10.12662/2447-6641oj.v19i31.p1-32.2021

11. Dong Y, Min B. The In-depth Integration of Artificial Intelligence and Higher Legal Education Innovative Models, Teaching Efficacy, and Ethical Considerations. *Journal of Current Social Issues Studies*. 2024;1(1):1–16. https://doi.org/10.5281/zenodo.14276639

12. Ma B, Hou Y. Artificial Intelligence Empowers the Integrated Development of Legal Education: Challenges and Responses. *Future Human Image*. 2021;16:43–54. https://doi.org/10.29202/fhi/16/4

13. Кузнецова Т.А. Педагогические аспекты развития цифровой грамотности при использовании нейросетей в дополнительном образовании. *Педагогические технологии*. 2024;(3):65–71.

Kuznetsova TA. Pedagogical Aspects of the Development of Digital Literacy Using Neural Networks in Additional Education. *Pedagogicheskie tekhnologii (Pedagogical technologies).* 2024;(3):65–71. (In Russ.)

14. Jacobowitz L, Jasnow D, Farkas B. Shaping the Future of Higher Education: R2D2 or HAL 9000. *National Law Review*. 2025;15:59. URL: https://natlawreview.com/article/shaping-future-higher-education-r2d2-or-hal-9000 (дата обращения: 29.01.2025).

15. Ладыжец Н.С. Гибридная социальность: социогуманитарные аспекты воздействия разработок в области искусственного интеллекта на развитие высшего образования. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2024;8(1):42–48. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-42-48

Ladyzhets NS. Ladyzhets N.S. Hybrid Sociality: Socio-Humanitarian Aspects of the Impact of Artificial Intelligence Achievements on the Development of Higher Education. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024;8(1):42–48. https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-1-42-48 (In Russ.)

16. Субботина М.В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники? *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(1):176–183.

Subbotina MV. Artificial Intelligence and Higher Education – Enemies or Allies. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. (RUDN Journal of Sociology).* 2024;24(1):176–183. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183 (In Russ.)

Об авторе:

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета (358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11), SPIN-код, ORCID, 4077778@list.ru

***Конфликт интересов*: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Anatoly Ja. Ryzhenkov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Civil Law and Procedure Department, Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, 4077778@list.ru

***Conflict of Interest Statement:* the author declares no conflict of interest.**

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 23.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 20.02.2025
Принята к публикации / Accepted 25.02.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-19-25

EDN: FKZGLD

Цель как критерий самостоятельности фаунистического права: теоретический аспект

С.В. Иванова[1, 2]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

[2] Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, Российская Федерация

✉ servis-05@list.ru

Аннотация

Введение. Решение проблем, связанных с охраной диких животных и их мест обитания, требует эффективного функционирования правовой науки и практики. Однако в российской правовой системе недостаточно уделяется внимание вопросу о месте фаунистического права в системе права. По-прежнему дискуссионным остаётся вопрос о критериях дифференциации отраслей права. В частности, в существующих научных исследованиях недостаточно полно выработаны основополагающие направления государственно-правовой политики, ориентированной на охрану и рациональное использование объектов животного мира и их природной среды обитания. Цель настоящего исследования заключается в анализе цели как одного из критериев, который позволяет рассматривать фаунистическое право как самостоятельную область права.

Материалы и методы. В рамках данного исследования использован ряд научных методов и приемов, позволивших глубже изучить междисциплинарные связи между административным правом, экологическим правом и теорией права. Анализ предмета исследования основывался на формально-логическом и сравнительном методах познания.

Результаты исследования. В ходе проведённого научного исследования была установлена ключевая цель фаунистического права – регулирование отношений, касающихся охраны и устойчивого использования объектов животного мира, сохранения биологического разнообразия. Данная цель представляет собой фундаментальный признак, обосновывающий автономность соответствующей правовой отрасли. В рамках анализа были выявлены и всесторонне изучены специфические признаки, отражающие целевую направленность фаунистического права и затрагивающие интересы как государства, так и общества в процессе эксплуатации природных ресурсов.

Обсуждение и заключение. Изучение целей фаунистического права имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Для достижения этих целей требуется наличие эффективного юридического инструментария и создание соответствующих условий, способствующих их практической реализации. Сформулированные автором предложения и рекомендации представляют собой перспективную теоретическую основу для применения в дальнейших научных исследованиях в данной сфере.

Ключевые слова: цель правового регулирования, фаунистическое право, животный мир, биоразнообразие, интересы общества, экологические потребности, целеполагание, права и свободы личности

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Иванова С.В. Цель как критерий самостоятельности фаунистического права: теоретический аспект. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):19–25. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-19-25

Original Theoretical Research

Purpose as a Criterion of Faunistic Law Autonomous Status: A Theoretical Aspect

Svetlana V. Ivanova[1, 2]

[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin, Orenburg, Russian Federation
servis-05@list.ru

Abstract
Introduction. Solving the problems of wild animals and their habitat protection requires having the efficiently functioning legal science and practices. However, in the Russian legal system, the place of the faunistic law within the legal framework is insufficiently studied. The problem of determining the differentiation criteria for the branches of law remains disputable. Thus, the fundamental directions of the state and legal policy on protection and rational use of the objects of animal world and their natural habitat have not been fully developed in the existing scientific papers. The present research aims to analyse a purpose as one of the criteria entitling the faunistic law to be considered as an independent area of law.
Materials and Methods. A number of scientific methods and techniques that enabled a more in-depth study of the interdisciplinary relationships between the administrative law, environmental law and theory of law were used to conduct the present research. The analysis of the subject of the research was based on the formally-logical and comparative methods of cognition.
Results. In the frame of the present research, the fundamental purpose of the faunistic law was established as regulation of the relationships in the field of protection and sustainable use of the objects of animal world, as well as preservation of biological diversity. This purpose is a basic attribute that justifies the autonomy of the respective branch of law. During the analysis, the specific features defining the faunistic law targets and effecting both the state and social interests in the frame of using the natural resources, have been identified and comprehensively studied.
Discussion and Conclusion. Studying the purposes of the faunistic law has both theoretical and important practical value. To meet these purposes, it is necessary to have the efficient legal tools and create appropriate conditions for their practical implementation. The proposals and recommendations formulated by the author represent a forward-looking theoretical basis applicable for further scientific research in this area.

Keywords: purpose of legal regulation, faunistic law, animal world, biodiversity, social interests, environmental needs, definition of purposes, rights and freedoms of an individual

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement, which contributed to enhancement of the quality of the article.

For Citation. Ivanova SV. Purpose as a Criterion of Faunistic Law Autonomous Status: A Theoretical Aspect. *Legal Order and Legal Values.* 2025;3(1):19–25. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-19-25

Введение. Глобальные экологические проблемы современности, возникающие вследствие антропогенного воздействия на окружающую среду, – такие как потеря биологического разнообразия, изменение климата и процесс опустынивания, – негативно отражаются на экономическом, экологическом, эстетическом и социальном благосостоянии граждан Российской Федерации. Эффективное решение экологических проблем требует адекватного функционирования правовой системы, однако фаунистическое право в нашей стране недостаточно разработано. Необходимы исследования, способствующие выработке основополагающих направлений государственно-правовой политики, ориентированной на охрану и рациональное использование объектов животного мира и их природной среды обитания. Цель настоящего исследования заключается в анализе цели как одного из критериев самостоятельности фаунистического права в российской правовой системе. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, предоставить комплексную характеристику целей фаунистического права; во-вторых, сформулировать и обосновать специфические признаки, которые дифференцируют цели правового регулирования отношений, связанных с охраной и использованием животного мира.

Материалы и методы. В рамках данного исследования был использован ряд научных методов и приемов, таких как эмпирический, диалектический, прогностический и логический подходы к познанию. Применение методов сравнительного и системного анализа позволило глубже изучить междисциплинарные связи между административным правом, экологическим правом и теорией права. Кроме того, исследование основывалось на формально-логическом и сравнительном методах познания.

Результаты исследования. Действующее законодательство Российской Федерации формулирует главные цели, касающиеся устойчивого существования, рационального использования и сохранения генофонда диких животных. Эти цели, имеющие качественный характер, оказывают непосредственное влияние на разработку критериев оценки эффективности правового регулирования. В доктрине права отмечается, что формулирование подобных критериев обусловлено ранее определёнными целями правовых норм. Эти критерии представлены в количественном измерении и оформлены в контексте операциональных определений [1].

Вопрос целевого содержания права издавна вызывал интерес у российских и зарубежных специалистов. Одним из первых исследователей, обратившихся к данной теме, был немецкий правовед Р. фон Иеринг. В своей известной работе «Цель в праве» он акцентировал внимание на том, что цель представляет собой образ желаемого будущего результата, к которому направлено волевое усилие [1]. Он подчеркивал связь между правом и его целями, указывая, что понимание этой связи важно для полного осознания права как системы. Иеринг считал, что не следует рассматривать право исключительно как набор норм и правил; гораздо более значимым является то, что право направлено на достижение определенных социальных и индивидуальных целей. В этом контексте воля, стремящаяся к реализации цели, выступает в качестве движущей силы, позволяющей привести в действие правовые инструменты [2]. В рамках правовой доктрины цель интерпретируется как многослойная и многогранная категория. Она представляет собой конкретный, четко обозначенный результат [3], а также определенное представление о целевой модели, к достижению которой направлены юридические усилия [4]. Следует отметить, что намеченный результат должен удовлетворять потребности в рамках существующих возможностей и определяется через призму предшествующего опыта. Таким образом, цель в праве – как важный компонент более широкого понятия «цель» – трактуется не только как желаемый результат, но и как основа для осуществления юридической деятельности и разработки правовой политики [5].

Основная цель фаунистического права заключается в правовом регулировании общественных отношений, связанных с охраной и рациональным использованием животных как важнейшего компонента природных экосистем. Данная отрасль права направлена на обеспечение сохранения биоразнообразия, поддержание экологического равновесия и устойчивое использование ресурсов животного мира. Центральное место занимает правовая охрана представителей фауны, их естественной среды обитания, а также предотвращение негативного воздействия антропогенной деятельности, угрожающей выживанию диких животных. Таким образом, фаунистическое право выполняет важную экологическую и социально-правовую функцию, способствуя гармонизации взаимодействия общества и природы. Регулирование вопросов, связанных с охраной и использованием объектов животного мира, представляет собой комплекс правовых, экологических и управленческих мер, ориентированных на гармонизацию общественных, экологических и экономических интересов и реализующихся посредством разработки и внедрения норм природоохранного и ресурсного права, интеграции их в систему национального и международного экологического регулирования. Сохранение биологического разнообразия следует рассматривать как многогранную и стратегически важную задачу, решение которой возможно через внедрение целостного подхода, включающего действия по защите, восстановлению и эффективному использованию природных ресурсов. В данном аспекте ключевую роль играют социальные и экономические инструменты, которые обеспечивают создание прочной правовой и институциональной базы [6].

Экологические угрозы мирового и национального масштаба, включая изменение климата, утрату биоразнообразия, разрушение мест обитания диких животных, а также загрязнение атмосферы и водных ресурсов, существенно влияют на жизнь людей. Ключевая цель государственной экологической политики Российской Федерации состоит в решении социально-экономических вопросов, обеспечивающих устойчивое развитие экологии[1]. Эта политика охватывает не только сохранение и восстановление природных ресурсов, но и создание условий для сбалансированного взаимодействия человека и природы, что важно для удовлетворения нужд нынешних и будущих поколений. Настоящая политика ориентирована на обеспечение реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, совершенствование правового регулирования в области охраны природных ресурсов и гарантирование экологической безопасности. В рамках данной концепции важнейшую роль играет строгое соблюдение принципов фаунистического законодательства. Таким образом, изучение, системный анализ и оценка динамики экологических процессов представляют собой ключевые направления для разработки научно обоснованных механизмов управления в данной сфере.

---

[1] *Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года* (утв. Президентом РФ 30.04.2012). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70069264/ (дата обращения: 05.01.2025).

Биологическое разнообразие имеет важнейшее значение для устойчивости экосистем и поддержания жизнедеятельности на планете. В настоящее время большинство государств мира осознают первостепенную значимость сохранения биологического разнообразия и активно участвуют в международных инициативах, направленных на охрану животного мира. Так, для поддержания экологической стабильности планеты и обеспечения благополучия человечества была разработана и ратифицирована Конвенция о биологическом разнообразии[2], в рамках реализации которой предпринимаются меры, направленные на сохранение как растительного, так и животного мира, обеспечивая защиту биологического разнообразия на всех уровнях живой природы. В соответствии с положениями Конвенции, термин «биологическое разнообразие» включает всю совокупность живых организмов и их многообразие, проявляющееся на разных уровнях организации: от генетической изменчивости внутри видов до разнообразия самих видов и экосистем. Данное понятие распространяется на все компоненты живой природы, существующие в наземных, морских и пресноводных биогеоценозах, включая их сложные экологические взаимосвязи и взаимодействия. Биологическое разнообразие представляет собой важнейший ресурс, обеспечивающий устойчивость и функционирование биосферы, что имеет стратегическое значение как на национальном, так и на международном уровнях [7]. Оно содействует поддержанию стабильности экосистем, выполняет ключевую роль в поддержании биосферных процессов и повышает способность природных систем адаптироваться к неблагоприятным изменениям, обусловленным как антропогенным, так и природным влиянием. Биологическое разнообразие играет ключевую роль в восстановлении нарушенных экосистем, способствуя компенсации утраченных природных ресурсов и создавая предпосылки для формирования стабильной и устойчивой среды. Во многих странах параметры, отражающие уровень биологического разнообразия, используются в качестве основы при разработке стратегических направлений государственной экологической политики [8].

В Российской Федерации в рамках реализации международных обязательств, вытекающих из Конвенции о биологическом разнообразии, были разработаны национальная Стратегия и соответствующий План действий[3], направленные на сохранение биологического разнообразия. Основной акцент данной стратегии заключается в поддержании биотического разнообразия природных экосистем на уровне, обеспечивающем их долгосрочную устойчивость, а также в экологически оправданном и рациональном использовании биологических ресурсов. Внимание в данной работе сосредоточено не только на охране природных биоценозов, но и на сохранении генетического и видового разнообразия хозяйственно значимых организмов, включая одомашненные виды растений, животных и культурные формы живых организмов. Ключевая цель стратегии состоит в разработке и продвижении мер, направленных на поддержание сбалансированных природно-антропогенных систем, устойчивых к изменениям окружающей среды и способствующих закреплению экологической стабильности в долгосрочной перспективе [9]. Эти меры предполагают трансформацию подходов к использованию природных ресурсов в сторону максимально бережного и рационального управления, что, в свою очередь, содействует созданию благоприятных условий для жизни человека и достижению устойчивого социально-экономического развития государства. Особое значение также придается сохранению популяционного и видового разнообразия диких животных, так как каждый отдельный вид выполняет уникальную функцию в экосистемах.

Юридическая цель наделена рядом отличительных характеристик, которые определяют её сущность и функции в правовой системе. Во-первых, основа этой цели формируется преимущественно государством через установление юридических норм, что свидетельствует о её институциональной природе. Во-вторых, она служит отражением наиболее значимых общественных интересов и потребностей, что подчеркивает её социальную значимость и актуальность. В-третьих, юридическая цель формально выражается в специфических правовых инструментах, которые обеспечивают ее определение и реализацию, что указывает на существование структурированного подхода к её закреплению. В-четвёртых, характерная черта данной цели заключается в её общеобязательной нормативности для всех субъектов правовых отношений. Наконец, единообразная реализация юридической цели гарантируется государственными органами власти, что свидетельствует о высоком уровне государственного контроля над процессом её достижения [9].

Говоря о целях фаунистического права, можно выделить, во-первых, что они формируются и закрепляются государством посредством положений действующего законодательства, регулирующего отношения в сфере животного мира. В данном контексте государство выступает в качестве основного субъекта, инициирующего и координирующего правовую модель, структурированную в рамках нормативно-правового регулирования. Целеполагание фаунистического права следует рассматривать как явление нормативно предопределённое, институцио-

[2] *Конвенция о биологическом разнообразии* (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 05.01.2025).
[3] *Стратегия и План действий по сохранению биологического разнообразия Российской Федерации.* Москва; 2014. URL: https://www.cbd.int/doc/world/ru/ru-nbsap-v2-ru.pdf (дата обращения: 05.01.2025).

нально гарантированное и имеющее программный характер, направленный на обеспечение охраны, рационального использования и восстановления ресурсов животного мира как объекта биологического разнообразия, а также на поддержание экологического баланса и реализацию международно признанных принципов устойчивого природопользования.

Во-вторых, одной из ключевых целей фаунистического права является обеспечение гармонии между государственными и общественными интересами в процессе использования ресурсов животного мира, направленного на удовлетворение потребностей настоящего и будущего поколений. Основополагающим фактором, лежащим в основе выработки целей, выступает объективная необходимость, порождаемая социальной или экологической потребностью. Осознание данной потребности представляет собой исходный этап в формировании целей, поскольку именно на этом этапе происходит переход потребности на уровень осмысленного интереса. Интерес, в данном случае, играет роль ключевого механизма, побуждающего к достижению идеального представления о результате, который впоследствии превращается в основную цель правового регулирования [10]. Его можно рассматривать как своеобразное связующее звено, выполняющее роль моста между субъектом и задачей, стоящей перед ним [11]. В юридической науке формулирование конкретной цели тесно связано с интересами, правами и свободами личности. По мнению ряда исследователей, цели отражают наиболее важные интересы общества и государства, а также насущные социальные потребности [12]. Данный подход также находит подтверждение в трудах, в которых отмечается фундаментальная связь между потребностями общества, интересами государства и процессом целеполагания, что позволяет рассматривать цели как ключевой элемент правового регулирования [13].

В-третьих, реализация целей фаунистического права напрямую зависит от разработки действенного правового механизма и создания адекватных условий, обеспечивающих его эффективное применение. Отсутствие четко разработанных юридических инструментов и условий для их реализации приводит к утрате значимости правовых целей, которые в таком случае сводятся лишь к декларативным заявлениям или выражению общих намерений со стороны государства [9]. В данном контексте цель фаунистического права может быть охарактеризована как «цель в праве», то есть формализованное намерение, которое еще не прошло стадию практической реализации, но уже закреплено на нормативном уровне [14]. Такое понимание цели делает акцент на процессе трансформации объективных возможностей в идеальную реальность, которая, хотя и находится вне пределов текущей практики, может и должна быть осуществлена в будущем. Реализация целей фаунистического права происходит через активное участие субъектов в использовании конкретных юридических механизмов, таких как экологическая экспертиза, государственный надзор, установление нормативов и других инструментов.

Определение устойчивого использования и сохранения животного мира в качестве правового ориентира для обеспечения эффективного удовлетворения общественных интересов представляет собой лишь первый шаг в многоступенчатом процессе. Ключевым аспектом данного подхода является необходимость разработки четко сформулированных и структурированных механизмов его практического применения, без чего возникает риск превращения правовых целей в лишь декларативные лозунги или «благие намерения» государства [15]. Одним из центральных элементов цели регулирования отношений в рамках фаунистического права выступает её обеспеченность государственной поддержкой. В случаях, когда действия участников правовых отношений выходят за пределы предписанных нормами правового поведения, задействуются государственные механизмы, включающие использование принудительных мер с целью восстановления правового порядка и достижения установленных законодательством задач [16].

На основании вышеизложенного анализа специфических характеристик, присущих целям фаунистического права, можно прийти к выводу, что указанные цели представляют собой нормативно закреплённую модель оптимального поведения, которая устанавливается законодателем. Участники правоотношений в данной сфере обязаны ориентироваться на реализацию этой модели, в основе которой лежит принцип обеспечения охраны и рационального использования ресурсов животного мира. При этом акцентируется необходимость соблюдения интересов не только текущих, но и последующих поколений. Структурные компоненты указанной цели охватывают задачи, связанные с обеспечением устойчивого и рационального использования всех элементов фаунистического разнообразия, формированием условий, необходимых для его долгосрочного существования, сохранением генетического разнообразия диких животных, а также охраной животного мира как неотъемлемой составляющей природной системы.

Обсуждение и заключение. Исследование целей правового регулирования в рамках различных отраслей права требует анализа их сложной иерархической структуры, включающей множество уровней и взаимосвязанных элементов [17]. Так, некоторые ученые подчёркивают, что есть базовые (главные) цели, а есть производные (подчинённые): базовые цели коррелируют с определёнными отраслями права, что предопределяет их стратегический характер; подчинённые цели охватывают более детализированные уровни правового регулирования,

включая подотрасли, институты права и отдельные правовые нормы [18]. Подобная иерархическая классификация представляется наиболее теоретически обоснованной, поскольку обеспечивает концептуальную согласованность и структурированную целостность правовой системы. Следовательно, можно выделить главную цель фаунистического права – обеспечение устойчивого использования и охраны объектов животного мира, а также подчиненные цели – сохранение биоразнообразия, что представляет собой значимый аспект институтов фаунистического права, связанных с ресурсами охоты и рыболовства.

Эффективное осуществление правового регулирования в этой области предполагает гармонизацию интересов государства и общества в контексте рациональной эксплуатации животного мира. Это, в свою очередь, создаёт предпосылки для удовлетворения потребностей как современного, так и будущего поколений, способствует повышению уровня социального благосостояния, а также укрепляет основы экологической и экономической устойчивости общества.

Сформулированные в настоящем исследовании предложения и рекомендации представляют собой перспективную теоретическую основу для дальнейших научных исследований в данной правовой области.

Список литературы / References

1. Иеринг Р. *Цель в праве. Т. 1.* Санкт-Петербург: Изд-во Н.В. Муравьева; 1881. 412 с.

Ihering R. *Understanding a Purpose in Law. Vol. 1.* Saint Petersburg: N.V. Murav'ev Publ.; 1881. 412 p. (In Russ.)

2. Пригожин А.И. *Цели и ценности. Новые методы работы с будущим.* Москва: Дело; 2010. 432 с.

Prigozhin AI. *Goals and Values. New Methods of Working with the Future.* Moscow: Delo Publ.; 2010. 432 p. (In Russ.)

3. Карташев В.А. *Система систем. Очерки общей теории и методологии.* Москва; 1995. 415 с.

Kartashev VA. *System of Systems. Essays on General Theory and Methodology.* Moscow; 1995. 415 p. (In Russ)

4. Мызникова Е.А. *Цели в праве: теоретико-правовой анализ.* Дис. канд. юрид. наук. Краснодар; 2011. 215 с.

Myznikova EA. *Purposes in Law: Theoretical and Legal Analysis.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2011. 215 p. (In Russ.)

5. Марченко М.Н. (отв. ред.) *Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 3.* Москва: Норма; 2010. 698 с.

Marchenko MN. (Ed.). *General Theory of State and Law. Academic Course: in 3 Volumes. Vol. 3.* Moscow: Norma Pabl.; 2010. 698 p. (In Russ.)

6. Краснова И.О. О системе экологического права. *Аграрное и земельное право.* 2005;(11):7–23.

Krasnova IO. On the System of Environmental Law. *Agrarian and Land Law.* 2005;(11):7–23. (In Russ.)

7. Кушбокова Д.А. Необходимость и пути сохранения биоразнообразия России. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания.* 2011;(5–1):25–29.

Kushbokova DA. Necessity and Ways of Preserving Biodiversity in Russia. *Intellectual Potential of the 21st Century: Stages of Cognition.* 2011;(5–1):25–29. (In Russ.)

8. Дроздов Н.Н., Криволуцкий Д.А., Лебедева Н.В. Современные представления о биологическом разнообразии. *Биология для школьников.* 2012;(2):2–17.

Drozdov NN, Krivolutskii DA, Lebedeva NV. Modern Concepts on Biological Diversity. *Biology for Schoolchildren.* 2012;(2):2–17. (In Russ.)

9. Малько А.В., Шундиков К.В. *Цели и средства в праве и правовой политике.* Саратов.: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»; 2003. 296 с.

Malko AV, Shundikov KV. *Purposes and Means in Law and Legal Policy.* Saratov: State Educational Institution of Higher Vocational Education “Saratov State Academy of Law” Publ.; 2003. 296 p. (In Russ.)

10. Беляева О.М. Цель права и цель в праве: взгляд через призму учения Р. фон Иеринга. *История государства и права.* 2015;(7):23–27.

Belyaeva OM. The Purpose of Law and the Purpose in Law: A View through the Prism of R. von Ihering Doctrine. *Istoriya gosudarstva i prava (History of the State and Law).* 2015;(7):23–27. (In Russ.)

11. Малько А.В., Субочев В.В. Гарантии осуществления законных интересов. *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2007;(6(275)):138–148.

Malko AV, Subochev VV. Ensuring Implementation of Legitimate Interests. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie (News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence).* 2007; (6(275)): 138–148. (In Russ.)

12. Матузов Н.И., Малько А.В. *Теория государства и права: учебник.* Москва: Юрист; 2006. 541 с.

Matuzov NI, Malko AV. *Theory of State and Law: Textbook.* Moscow: Yurist Publ.; 2006. 541 p. (In Russ.)

13. Алексеев С.С. *Восхождение к праву. Поиски и решения.* Москва: Издательство НОРМА; 2001. 752 с.

Alekseev SS. *Ascent to Law. Searches and Findings.* Moscow: Norma Publ.; 2001. 752 p. (In Russ.)

14. Филимонов В.Д. Норма права и ее функции. *Государство и право.* 2007;(9):5–12.

Filimonov VD. The Norm of Law and Its Functions. *State and Law.* 2007;(9):5–12. (In Russ.)

15. Керимов Д.А. *Философские проблемы права.* Москва: Мысль;1972. 472 с.

Kerimov DA. *Philosophical Problems of Law.* Moscow: Mysl; 1972. 472 p. (In Russ.)

16. Бринчук М.М. Экологическое право в правовой системе. *Астраханский вестник экологического образования.* 2013;(1(23)):4–20.

Brinchuk MM. Environmental Law in the Legal System. *Astrakhan Bulletin of Ecological Education.* 2013;(1(23)):4–20. (In Russ.)

17. Галлиган Д., Полянский В.В., Старилов Ю.Н. *Административное право: история развития и основные современные концепции.* Москва: «Юристъ»; 2002. 816 с.

Galligan D, Polyansky VV, Starilov YuN. *Administrative Law: History of Development and Main Modern Concepts.* Moscow: Yurist Publ.; 2002. 816 p. (In Russ.)

18. Асадов А.М., Драхенберг Т.В. К вопросу о теологическом критерии дифференциации системы российского права. *Вестник Уральского института экономики, управления и права.* 2011;3(14):3–9.

Asadov AM, Drakhenberg TV. On the Issue of the Theological Criterion for Differentiation of the Russian Legal System. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law.* 2011;3(14):3–9. (In Russ.)

Об авторе:

Светлана Витальевна Иванова, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50), SPIN-код, ORCID, servis-05@list.ru

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci.(Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University Named after O.E. Kutafin (50, Komsomolskaya Str., Orenburg, 460000, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, servis-05@list.ru

Conflict of Interest Statement: **the author declares no conflict of interest.**

***The author has read and approved the final manuscript*.**

Поступила в редакцию / Received 27.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 27.02.2025

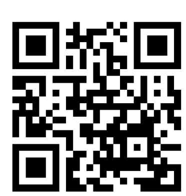
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342.39:340.15

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

EDN: AOZCAN

Нацификация системы государственного управления в Третьем рейхе в 1933–1939 годах: социально-правовой аспект

Е.С. Алехина[1], **Е.А. Паламарчук**[1, 2, 3]

[1] Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[2] Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация
[3] Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Российская Федерация

epalamar@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность изучения политики нацификации, проводившейся в Третьем рейхе в сфере государственной службы, растет не только в связи с давно обозначившейся тенденцией к постепенной реабилитации нацизма в некоторых странах, но в первую очередь вследствие возникновения на Украине, при активном посредничестве США и их европейских союзников, политического режима, в рамках которого была сформирована система государственного управления, в значительной степени основанная на нацистской модели. Таким образом, был создан опасный прецедент, дающий основание предполагать, что в условиях кризиса западной либеральной демократии, демонстрирующей неспособность адекватного ответа на вызовы современности, в ведущих европейских государствах в будущем могут возобладать те же тенденции. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить сущностные аспекты нацификации системы государственного управления в Третьем рейхе в период 1933–1939 гг.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили междисциплинарный и системный подходы, диалектический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования выявлены сущностные аспекты трансформации, которой германская система государственного управления подверглась в довоенный период существования гитлеровского режима. Ее стержневым компонентом стал процесс широкомасштабной нацификации, ускорению которой способствовало привлечение в ряды чиновничьего корпуса ветеранов национал-социалистического движения. Основным критерием профессиональной пригодности государственного служащего в Третьем рейхе официально признавалась не его компетентность, а безоговорочная лояльность политическому режиму и соответствие национал-социалистическим расовым стандартам. Таким образом, в лице государственной бюрократии гитлеровский режим обрел послушный и эффективный инструмент реализации собственных внутри- и внешнеполитических задач.

Обсуждение и заключение. На довоенном этапе существования гитлеровского режима национал-социалисты, осуществив кодификацию немецкого чиновничьего права в пронацистском духе и поставив институты государственной власти под жесткий контроль партийных структур, смогли успешно решить задачу унификации и нацификации чиновничьего корпуса, интегрировав представителей всех звеньев государственного аппарата в политическую систему Третьего рейха. Сделав доступным замещение должностей в государственных структурах для лиц, обладавших заслугами перед национал-социалистическим движением, и части представителей общественных низов и обеспечив таким образом последним рост вертикальной социальной мобильности, власти Германии совершили важный шаг по пути нацификации бюрократического аппарата. В конечном итоге нацистам удалось полностью адаптировать механизм государственного управления к задачам сохранения и упрочения своего политического господства накануне развязывания Второй мировой войны.

Ключевые слова: нацизм, нацификация государственного управления, трансформация системы государственного управления, государственный аппарат, государственные служащие, чиновничество, национал-социализм

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Алехина Е.С., Паламарчук Е.А. Нацификация системы государственного управления в Третьем рейхе в 1933–1939 годах: социально-правовой аспект. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):26–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

Original Theoretical Research

Nazification of the State Governance System in the Third Reich in 1933–1939: the Social and Legal Aspects

Ekaterina S. Alekhina[1], **Evgenii A. Palamarchuk**[1, 2, 3] ✉
[1] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
[2] Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation
[3] Moscow University Named after S.Y. Witte (Rostov Branch), Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ epalamar@mail.ru

Abstract
Introduction. Studying the policy of state service Nazification pursued in the Third Reich is gaining relevance not only due to the long existing trend for gradual rehabilitation of Nazism formed in some countries, but, primarily, due to the emergence in Ukraine, with the active mediation of the United States and its European allies, of a political regime, which has built a system of state governance based to a large extent on the Nazi model. Therefore, a dangerous precedent has been created, making it possible to assume that in conditions of the crisis of the Western liberal democracy and its revealed disability to adequately respond to the challenges of the modern world, the same trends may prevail in the leading European states in the future. The research aims to identify the substantive aspects of Nazification of the state governance system in the Third Reich in the period of 1933-1939.
Materials and Methods. The methodological basis of the research was formed by the interdisciplinary and systemic approaches, dialectical and historical-comparative methods.
Results. The study has determined the substantive aspects of transformation undergone by the German state governance system in the pre-war period of Hitler regime existence. The large-scale Nazification became a backbone of transformation process, and was accelerated by joining the National Socialist movement veterans the ranks of the state officials. In the Third Reich, the main criterion for evaluating the occupational aptitude of a state official was not his competence, but unconditional loyalty to the political regime and fitting into the National Socialist racial standards. Thus, the state bureaucracy represented the obedient and efficient tool for implementing home and foreign policy objectives of Hitler regime.
Discussion and Conclusion. Due to National Socialists' ability to codify the German bureaucratic law in the pro-Nazi spirit during the pre-war period of Hitler regime and to make the state institutions subject to the strict control of the party authorities, they succeeded in reaching the objective of unification and Nazification of the bureaucratic apparatus by integrating the representatives of all levels of state administration into the political system of the Third Reich. By enabling the individuals having merits to the National Socialist movement and some of the lower social class representatives to hold a state positions (thereby ensuring the growth in vertical social mobility to the latter), the German authorities had made a significant step forward in Nazification of the bureaucratic apparatus. Eventually, the Nazis managed to fully adapt the state governance mechanism to the objectives of preserving and strengthening their political dominance on the eve of the World War II outbreak.

Keywords: Nazism, Nazification of state governance, transformation of the state governance system, state apparatus, state officials, bureaucratic apparatus, National Socialism

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof, which enhanced the quality of the article.

For Citation. Alekhina ES, Palamarchuk EA. Nazification of the State Governance System in the Third Reich in 1933–1939: the Social and Legal Aspects. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):26–33. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-26-33

Введение. Несмотря на то, что различные аспекты национал-социализма на протяжении многих десятилетий находятся в центре внимания представителей научного сообщества, реалии современного мира, характеризующегося повышенной турбулентностью системы международных отношений и появлением все новых вызовов, несущих угрозу стабильности и суверенитету отдельных государств, не только не дают оснований для того, чтобы признать этот феномен достоянием прошлого, но, наоборот, повышают актуальность соответствующих исследований. Особый интерес в этой связи представляет изучение места чиновничьего корпуса в социальной структуре общества нацистской Германии и его роли в реализации основных направлений политики Третьего рейха. В целом Гитлер и другие представители нацистской элиты относились к представителям профессионального чиновничества со значительной долей недоверия, что с первых дней нацистского правления предопределило их стремление поставить все звенья государственного управления под жесткий контроль Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП), добившись в короткие сроки ее нацификации с тем, чтобы превратить систему государственной службы в эффективный инструмент реализации внутри- и внешнеполитических целей национал-социалистического режима.

В современных условиях актуальность изучения нацистского опыта в указанной сфере чрезвычайно возрастает не только в связи с давно обозначившейся тенденцией к реабилитации нацизма в прибалтийских государствах и некоторых других странах, но в первую очередь вследствие возникновения на соседней Украине (при активном посредничестве США и их европейских союзников) политического режима, в рамках которого была сформирована система государственного управления, в значительной степени основанная на нацистской модели. Таким образом, был создан опасный прецедент, дающий основание предполагать, что в условиях кризиса западной либеральной демократии, демонстрирующей неспособность адекватного ответа на вызовы современности (такие как миграционная проблема, например), в ведущих европейских государствах в перспективе могут возобладать те же тенденции.

Цель исследования – выявить сущностные аспекты нацификации системы государственного управления в Третьем рейхе в период 1933–1939 гг.

Материалы и методы. В основу работы положен междисциплинарный подход, подразумевающий использование инструментария юриспруденции, исторической науки и политологии, современные методы познания и научного исследования. Диалектический метод дал возможность осуществить комплексный анализ качественной трансформации, которую система государственной гражданской службы претерпела в рамках нацистского режима. Системный подход позволил проанализировать во всей их взаимосвязи специфику и закономерности, отличавшие процесс политического и законодательного регулирования положения государственных служащих в нацистском государстве, механизмы этого регулирования, соответствовавшие логике развития гитлеровского режима. Историко-сравнительный метод был применен для соотношения положения государственных служащих в Третьем рейхе с их прежним социальным статусом. Исследование опирается на принципы историзма и объективности. Принцип историзма позволил проследить поэтапность указанной трансформации в довоенный период существования нацистского политического режима, исходя из учета конкретных исторических реалий, характерных для 1933–1939 гг. Принцип объективности дал возможность выявить основные факторы, способствовавшие осуществлению ускоренной нацификации германского чиновничьего корпуса.

Результаты исследования. Начиная с конца XIX столетия, в Германии отмечалась тенденция к росту численности и влияния кадрового чиновничества. В 1895 г. их доля среди работающих соотечественников составляла 10,8 %; в 1907 г. – 12,6 %; в 1925 г. – 16,5 % (по данным проведенной всеобщей и профессиональной переписи населения) [1]; а к 1933 г. она возросла до 17,1 %, составив 5 517 000 человек [2]. С наступлением мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., особенно тяжело сказавшегося на Германии, представители профессионального чиновничества, чьи уровень и качество жизни резко снизились, стали активно вступать в Национал-социалистическую германскую рабочую партию. Указанная тенденция стала очевидным следствием неспособности последних веймарских кабинетов выработать сколько-нибудь эффективную программу мер по выводу страны из глубочайшей депрессии. На этом фоне обещания Гитлера, в случае его прихода к власти, решить в короткие сроки весь комплекс порожденных кризисом проблем нашли отклик в различных социальных слоях и группах, способствуя стремительному росту политического влияния как НСДАП, так и ее фюрера. Заверения последнего в том, что он добьется укрепления системы государственной службы, вернув ее представителям высокие социальный статус и уровень материального обеспечения, избавив их от перспектив пролетаризации, импонировали чиновничеству всех рангов.

С назначением Гитлера, относившегося к профессиональному чиновничеству с изрядной долей недоверия, имперским канцлером в качестве одной из важнейших государственных задач была провозглашена необходимость мобилизовать чиновников всех категорий и рангов на службу новому политическому режиму, поставив их

под жесткий контроль НСДАП. Это означало их неизбежную нацификацию, носившую поэтапный характер. В частности, кардинальному пересмотру подверглась законодательная основа деятельности государственных служащих. Первым шагом в указанном направлении стало принятие уже 7 апреля 1933 г. «Закона о восстановлении профессионального чиновничества», предусматривавшего соответствующую санацию чиновничьего корпуса. Согласно § 2 данного нормативного правового акта увольнению подлежали лица, принятые на государственную службу после 9 ноября 1918 г., не отвечавшие квалификационным требованиям, включая наличие профессионального образования. Последнее требование, как правило, не соблюдалось в отношении ветеранов нацистской партии, оформивших свое членство в ней до сентября 1930 г. «Старые борцы» пользовались особым благоволением Гитлера, который в одном из своих обращений к ним заявил: «Тот факт, что вы однажды нашли свой путь ко мне и поверили в меня, придал вашей жизни новый смысл и новую цель. Тот факт, что я нашел вас, стал предпосылкой моей собственной жизни и моей борьбы» [3, с. 212]. Они получали право на выплату им на протяжении трех месяцев после выхода в отставку их прежнего жалованья в полном объеме (п. 1), но не могли претендовать на получение денежных пособий (этот запрет распространялся и на их иждивенцев) и пенсий, использование служебного звания, ношение форменной одежды и знаков различия (п. 2). Правда, пункт 3 предусматривал возможность назначения им «при наличии необходимости… особенно в тех случаях, когда на них лежит бремя заботы о находящихся на их иждивении родственниках», пенсии, сумма которой должна была соответствовать «третьей части среднего основного жалованья», получаемого ими на последнем месте службы. Однако здесь же закреплялось положение о том, что эти пенсионные выплаты могли быть в любой момент прекращены.

На основании § 3, получившего в народе наименование «арийского», профессиональной дисквалификации подвергались все чиновники «неарийцы», даже если речь шла о почетных государственных служащих (п. 1). По просьбе президента Германии Пауля фон Гинденбурга, сохранявшего сентиментальную приверженность принципу «окопного братства», исключение (позднее отмененное) было сделано для чиновников еврейского происхождения, состоявших на государственной службе на 1 августа 1914 г., «сражавшихся в мировую войну на фронте за германский рейх или… за его союзников», а также тех, чьи отцы и сыновья погибли на фронте. Параграф 4 наделял руководителей государственных ведомств полномочиями увольнять тех сотрудников, чья предыдущая политическая деятельность давала основание для сомнений в их готовности при любых обстоятельствах и безоговорочно радеть о благе «национального государства». В течение трех месяцев с момента отставки им выплачивалось прежнее жалованье, после чего они получали «три четверти» от суммы полагавшейся им пенсии «и аналогичных пособий на иждивенцев». Одновременно разъяснялось, что пенсионного обеспечения лишались чиновники, отправленные в отставку на основании параграфов 3 и 4, если срок их выслуги составлял менее десяти лет, в том числе и в случаях, когда в соответствии с действовавшим законодательством пенсия должна была назначаться после более короткого срока службы (§ 8). Подача апелляций на решения «об увольнении со службы… и отправке на пенсию» запрещалась (§ 6, п. 1) [4, с. 229–230].

Таким образом, первый этап нацификации германского чиновничьего корпуса ознаменовался тем, что на законодательном уровне было закреплено положение, согласно которому при рассмотрении критериев профессиональной пригодности любого государственного служащего, вне зависимости от его ранга, приоритет отдавался не компетентности, а абсолютной лояльности гитлеровскому режиму и соответствию нацистским расовым стандартам. По сути, так было положено начало чистке всех звеньев государственного аппарата. В то же время Герман Геринг попытался несколько успокоить чиновничество относительно предстоявшего ему «кровопускания», объясняя его необходимость тем, что во времена республиканского правления произошла деградация системы государственной службы, которую теперь требуется восстановить. Проводя совещание с представителями высшей имперской и земельной бюрократии, он заверил собравшихся, что по отношению к тем государственным служащим, которые когда-либо оступились, совершив лишенную политической подоплеки ошибку, продиктованную извинительной для человека слабостью, предусмотренные законом санкции применяться не будут.

Вступление в силу вышеуказанного закона повлекло за собой издание целого ряда предписаний и нормативных правовых актов, разъяснявших некоторые из его положений. Так, в предписании от 11 апреля 1933 г. и во «Втором законе об изменении Закона о восстановлении профессионального чиновничества» от 20 июля того же года уточнялось, что безоговорочному увольнению с государственной службы подлежали все лица, являвшиеся членами Коммунистической партии Германии (КПГ) или организаций, содействовавших целям коммунизма, марксизма или социал-демократии [4]. Согласно предписанию от 6 мая 1933 г. в отставку следовало отправлять даже тех лиц, которые на момент выхода закона уже не состояли в КПГ и указанных организациях, если только они не перешли в НСДАП еще до 30 января 1933 г. Наконец, 22 сентября 1933 г. последовало принятие «Третьего

закона об изменении Закона о восстановлении профессионального чиновничества», аннулировавшего право домочадцев чиновников – членов КПГ, умерших до вступления в силу закона от 7 апреля 1933 г., на получение пенсии по потере кормильца.

Подобные меры породили лавину доносов на конкретных государственных служащих, обвинявшихся в отсутствии лояльности по отношению к режиму, в связи с чем Вильгельм Фрик, возглавивший имперское Министерство внутренних дел, призвал своих подчиненных тщательно проверять кляузы подобного рода. Его поддержал Геринг, уничижительно отозвавшийся о «чиновниках по партийным книжкам» (речь шла о тех представителях государственной службы, которые после назначения Гитлера рейхсканцлером стали в массовом порядке вступать в НСДАП) и высказавший мнение о том, что партийная принадлежность не являлась достаточным основанием для продвижения по карьерной лестнице [5].

Одним из главных барьеров на пути к государственной службе на протяжении всего периода существования режима оставались нацистские расовые стандарты. Еще в 1925 г. в своем знаменитом политическом и идеологическом манифесте Mein Kampf («Моя борьба») Гитлер подчеркивал, что лишь сохранение чистоты крови способно предохранить народ от неизбежных деградации и вымирания [6]. Уже в период с 7 апреля по 31 декабря 1933 г. было принято 36 нормативных правовых актов, направленных на поражение евреев в гражданских правах. Помимо распространения действия «арийского» параграфа на служащих, вступавших в брак с лицами «неарийского» происхождения, устанавливался запрет на практику для адвокатов, врачей больничных касс и представителей иных профессий, связанных с деятельностью подобного рода. На этот раз была оставлена без внимания попытка Гинденбурга заступиться за евреев-ученых [5].

При этом, наряду с законом от 7 апреля, особое значение имел «Закон об изменении чиновничьего права» (принят 30 июня 1933 г.) и «Закон о немецком чиновничестве» (принят 26 января 1937 г.). В преамбуле к последнему закону подчеркивалось, что именно эти законодательные акты послужили краеугольным камнем регулятивной основы адаптации государственной службы к потребностям национал-социалистического государства и положили начало «унификации немецкого чиновничьего права»[1], так как «укорененное в немецком народе, проникнутое национал-социалистическим мировоззрением профессиональное чиновничество, связанное узами верности с фюрером немецкого рейха и народа Адольфом Гитлером, образует основу национал-социалистического государства»[2]. Согласно этому документу, обязанности государственного служащего включали в себя «готовность к самопожертвованию и полную отдачу сил, послушание по отношению к начальнику и благожелательное отношение к сослуживцам», сохранение на протяжении всей своей жизни верности «фюреру, гарантирующему ему свою особую защиту» (§ 3, абз. 1). Отметим, что в Третьем рейхе подобная верность подразумевала, среди прочего, обязанность государственного служащего идти на нарушение нормы любого регулятивного акта, если она противоречила «исторической воле фюрера», официально трактовавшейся как «исключительный источник права», или же не отвечала «интересам немецкого народа» [7, с. 100, 102]. Он должен был безоговорочно отстаивать интересы национал-социалистического государства, во всех своих действиях руководствуясь сознанием того факта, что Национал-социалистическая германская рабочая партия «находится в неразрывной связи с народом» и «является носительницей немецкой государственной мысли», сообщать начальству о ставших известными ему действиях, угрожавших «существованию рейха» или нацистской партии (§ 3, абз. 2). Исключительным правом на принятие решения о привлечении состоявшего в НСДАП государственного служащего к партийному суду обладал Гитлер (§ 7, абз. 4). Закон максимально ограничивал свободу государственных служащих: в любой момент, ссылаясь на служебную необходимость, начальство могло обязать их работать сверхурочно (§ 16, абз. 2), не покидать место жительства даже во время досуга (§ 18), либо предписать проживание в казенной квартире (§ 19). Закон также закреплял требования расового соответствия и верности национал-социалистическому государству в качестве обязательных условий получения доступа в чиновничий корпус (§ 25–26)[3].

Принятие «Закона о немецком чиновничестве», действие которого распространялось на чиновников всех категорий, знаменовало собой завершение кодификации и окончательную унификацию немецкого чиновничьего права, а также усиливало влияние партийных инстанций на сферу государственной службы. Чиновнику предписывалось «служить национал-социалистической идее, носителем которой являлось государство, и Национал-социалистической германской рабочей партии, образующей единое целое с государством»[4]. По словам Ру-

[1] *Begrundung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937.* Deutscher Reichsanzeiger und Preussischer Staatsanzeuger. 1937: 22: 1. РГВА. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.
[2] *Deutsches Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937.* Reichsgesetzblatt. 1937: 1.
[3] *Deutsches Beamtengesetz. Vom 26. Januar 1937.* Reichsgesetzblatt. 1937: 1.
[4] *Begrundung zum Deutschen Beamtengesetz vom 26. Januar 1937.* Deutscher Reichsanzeiger und Preussischer Staatsanzeuger. 1937: 22: 1. РГВА. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 378. Л. 4.

дольфа Гесса, немецкому государственному служащему была доверена роль «исполнителя воли государства, руководимого НСДАП» [8, с. 95]. Для усиления влияния последней на сферу государственного управления в марте 1934 г. под эгидой партии был создан Имперский союз немецких чиновников, вступление в который рассматривалось как «почетная обязанность каждого немецкого чиновника». В утвержденном 5 апреля 1934 г. рейхсминистром юстиции уставе Союза подчеркивалось, что он был призван объединить ранее неорганизованных (в силу разбросанности по многочисленным структурам) государственных служащих всех категорий с целью увеличить отдачу от их усилий по реализации политического курса национал-социалистического государства. Важнейшей задачей Союза провозглашалось превращение государственных служащих в «образцовых национал-социалистов», выступавших «исполнителями воли фюрера» [9]. По мнению немецкого правоведа Крауса Герберта, высказанному в октябре 1933 г., в Третьем рейхе чиновничеству предстояло превратиться из «живого инвентаря ведомств» в «жрецов государства и его мировоззрения» [5, с. 67]. При этом нацисты в значительной степени сохраняли внешние атрибуты прежней германской системы государственного управления, если только те не становились препятствием на пути к осуществлению их планов [10].

Одним из проявлений тенденции к неуклонному ужесточению партийного контроля за всеми звеньями гражданской государственной службы стали льготы, предоставлявшиеся ветеранам НСДАП, оформившим свое членство в ней до сентября 1930 г. «Старые борцы» пользовались, как уже было упомянуто, особым благоволением Гитлера: в большинстве случаев для того, чтобы получить служебное назначение, от старых партийцев не требовалось наличие университетского образования, достаточно было окончить одну из учрежденных новым режимом партийных школ, а для занятия некоторых должностей хватало офицерского звания или предоставления аттестата об окончании средней школы [11]. Помимо этого, чиновникам НСДАП в конце года из средств партийной кассы выплачивалось тринадцатое жалованье [12]. Такие преференции помимо учета прежних заслуг официально обосновывались тем, что политическое руководство рейха видело в них своего рода миссионеров по распространению и упрочению национал-социалистического мировоззрения в чиновничьей среде, на представителей которой им полагалось оказывать «образцово-воспитательное воздействие» [8, с. 71]. Любопытно отметить, что многие из тех, кто все же поступал на государственную службу, демонстративно отказывались вступать в ряды нацистской партии. Последнее обстоятельство побудило Гесса в апреле 1934 г. специальным распоряжением распространить статус «старых борцов» на всех лиц, ставших членами Национал-социалистической германской рабочей партии до 1 апреля 1933 г. [8].

Что же касается остальных, то, несмотря на повышение в 1935 и 1937 гг. должностных окладов служащих высших рангов Имперской канцелярии [13] и обеспечение за счет бюджетных ассигнований достаточно высокого материального уровня чиновникам, состоявшим на службе в таких рейхсминистерствах, как военное, внутренних дел, юстиции, большинству приходилось довольствоваться жалованьем, размер которого был установлен в годы кризиса [14]. Следствием всего этого стало заметное снижение престижности чиновничьей карьеры, обозначившееся уже в 1937–1938 гг. В частности, возросшая продолжительность рабочей недели при низкой оплате труда привела к тому, что бюрократические структуры на местах стали во все большей степени сталкиваться с проблемой кадрового дефицита [15]. Вышеуказанные факторы были не единственной причиной подобной тенденции. В сентябре 1937 г. заместитель полицай-президента Берлина Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург подготовил меморандум, в котором выразил возмущение тем, что, несмотря на проведенные чистки, представители разных звеньев государственного аппарата продолжали подвергаться высмеиванию и дискриминации со стороны партийных функционеров, слыша в свой адрес обвинения в нелояльности и дистанцировании от нужд народа, что, по его мнению, грозило дальнейшей деградацией государственной бюрократии [4]. Та же тональность пронизывает отчет руководства байротского отделения Национал-социалистического союза учителей. В нем отмечалось, что «учитель нашего времени», в поте лица трудящийся в школе и вне ее, выполняя указания фюрера по приданию «новой формы немецкому народу», испытывает все большую горечь по поводу звучащих в его адрес многочисленных едких замечаний, затрагивающих его профессиональную честь, что, наряду со скудным вознаграждением за труд, побуждает роптать даже «наиболее идеалистически настроенных» представителей профессии [15].

Таким образом, в свете вышеприведенных фактов мы, с одной стороны, согласны с мнением М. Броцата о том, что идею о создании безгранично преданной фюреру элитной государственной службы в полной мере реализовать так и не удалось [16]. С другой стороны, признаем, что, несмотря на неудовлетворенность значительной части немецкого чиновничества уровнем своего материального обеспечения и моральный дискомфорт, вызванный настороженным, а нередко и пренебрежительным отношением нацистской политической элиты, в крайне важный для упрочения нацистской власти период 1933–1939 гг. чиновничество, пройдя через процесс нацификации, утратило даже видимость самостоятельности и лишилось права на выдвижение каких бы то ни было требований, касавшихся обеспечения его интересов. В Третьем рейхе государственная служба

приобрела ярко выраженный политизированный характер, став послушным инструментом реализации внутри- и внешнеполитических задач режима.

Обсуждение и заключение. Проведенный комплексный анализ проблемы свидетельствует о том, что уже на довоенном этапе существования гитлеровского режима национал-социалистам удалось решить задачу унификации и нацификации чиновничьего корпуса, интегрировав представителей всех звеньев государственного аппарата в политическую систему Третьего рейха. Успех данного мероприятия стал возможным не только благодаря проведению масштабных чисток, в ходе которых из всех властных структур были удалены лица, не соответствовавшие нацистским расовым, идеологическим и политическим требованиям, но также было обусловлено тем обстоятельством, что любая бюрократия, являясь порождением того или иного государства или режима, может существовать, лишь принимая устанавливаемые им правила игры. Показано, что, сделав доступным замещение должностей в государственных структурах для лиц, обладавших заслугами перед национал-социалистическим движением, и для части представителей общественных низов, которые ранее не могли и помышлять о подобной карьере (по некоторым данным, это пополнение составило более миллиона человек [14]), власти Германии упрочили свое политическое положение накануне развязывания Второй мировой войны.

Список литературы / References

1. Винклер Г.А. *Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии.* Монография. Москва; 2013. 878 с.

Vinkler GA. *Weimar 1918–1933: The History of the First German Democracy.* Monograph. Moscow; 2013. 878 p. (In Russ.)

2. Галкин А.А. *Германский фашизм.* Монография. Москва;1989. 352 с.

Galkin AA. *The German Fascism.* Monograph. Moscow; 1989. 352 p. (In Russ.)

3. Burleigh M. *The Third Reich: A New History*. London: Pan Books. 2001. 965 p.

4. Noakes J, Pridham G. (Eds.). *Documents on Nazism, 1919–1945*. New York: The Viking Press. 1975. 704 p.

5. Muhl-Benninghaus S. *Das Beamtentums in der NS-Diktatur bis zum Ausbruch des Zweiten Weltkrieges: Zu Enstehung, Inhaltund Durchfuhrung der einschlagigen Beamtengesetze*. Dusseldorf: Droste. 1996. 212 s.

6. Гитлер А. *Моя борьба*. Москва; 1992. 598 с.

Hitler A. *Mein Kampf*. Moscow; 1992. 598 p. (In Russ.)

7. Palamarchuk EA. Legal Culture of the Third Reich. In: *Proceedings of the XII Scientific Conference on the Occasion of the Day of the Faculty of Law, International Scientific Conference Held in Pale, October 28, 2023 "Legal Gaps and the Completeness of Law". Vol. V*. East Sarajevo: University of East Sarajevo Faculty of Law. 2024. P. 97–105.

8. Mommsen H. *Beamtentum im Dritten Reich. Mit ausgewahlten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik.* Stuttgart: Deutscher Verlags-Anstalt. 1966. 246 s.

9. РГВА. *Ф. 1363. Оп. 2. Д. 100. Л. 3.*

Russian State Military Historical Archive. *F. 1363. Op. 2. D. 100. L. Z.*

10. Штолляйс М. *История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм*. Монография. Москва; 2017. 663 с.

Stolleis M. *History of Public Law in Germany: Weimar Republic and National Socialism.* Monograph. Moscow; 2017. 663 p. (In Russ.)

11. Orlow D. *The History of the Nazi Party: 1933 – 1945.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1973. 535 p.

12. Aycoberry P. *The Social History of the Third Reich. 1933–1945*. New York: The New Press; 1999. 380 p. URL: https://archive.org/details/socialhistoryoft00ayco (accessed: 01.02.2025).

13. Caplan J. Civil Service Support for National Socialism: An Evaluation. In book: *Der «Fuhrerstaat»: Mythos und Realitat*. Stuttgart: Klett Cotta. 1981. P. 167–193.

14. Grunberger R. *The 12-Year Reich. A Social History of Nazi Germany 1933–1945*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1971. 535 p. URL: https://archive.org/details/12yearreichsocia0000grun/page/n1/mode/2up (accessed: 01.02.2025).

15. Kershaw I. *Popular Opinion and Political Dissent in the Third Reich: Bavaria 1933–1945*. Oxford: Clarendon Press, Oxford University Press; 1984. 425 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Popular_Opinion_and_Political_Dissent_in.html?id=QAPmule8mdcC&redir_esc=y (accessed: 01.02.2025).

16. Broszat M. *The Hitler State: the Foundation and Development of the Internal Structure of the Third Reich*. London; New York: Longman; 1981. 378 p.

Об авторах:

Екатерина Сергеевна Алехина, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, ket_as@mail.ru

Евгений Александрович Паламарчук, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры «Теория и история государства и права» Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону (344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия/Советская, д. 2/32; профессор кафедры «Гражданское право и процесс» филиала Московского университета им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону (344018, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, д. 78), SPIN-код, ORCID, epalamar@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.С. Алехина: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Е.А. Паламарчук: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Ekaterina S. Alekhina, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, ket_as@mail.ru

Evgenii A. Palamarchuk, Dr.Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (2/32, 9th Ln., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation), Professor of the Civil Law and Procedure Department, Moscow University Named after S.Y. Witte (Rostov Branch) (78, Nefedov Str., Rostov-on-Don, 344018, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, epalamar@mail.ru

Claimed Contributorship:

ES Alekhina: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

EA Palamarchuk: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 27.02.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

УДК 340.13:342.3

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-34-45

EDN: LGMKFV

Эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях стратегии национальной безопасности Российской Федерации

И.Г. Сагирян ✉, **А.С. Петренко**

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ sagiryan@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность изучения понятия «национальная безопасность» связана прежде всего с теми изменениями в геополитической обстановке, которые происходят в мире в период новейшей истории. Военные конфликты, техногенные и экологические катастрофы, террористические акты, вызовы, связанные с развитием новых информационных технологий, побуждают руководителей государства адекватно реагировать на происходящее. В связи с этим целесообразно рассмотреть трактовки концепта «национальная безопасность», представленные в разных редакциях стратегии национальной безопасности Российской Федерации, сквозь призму исторического развития и современных установок, с учетом внешних и внутренних угроз. Целью исследования является изучение и анализ эволюции концепта «национальная безопасность» в стратегии национальной безопасности Российской Федерации в условиях изменяющегося мира.

Материалы и методы. Объектом исследования является концепт «национальная безопасность» как сложное и многоаспектное понятие в стратегии национальной безопасности Российской Федерации (редакции 2009, 2015 и 2021 гг.). В исследовании был применен диалектический метод познания как основной, а также использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сопоставительный и формально-юридический методы.

Результаты исследования. Проанализирована эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях стратегии национальной безопасности РФ и дана его современная трактовка. Рассмотрен динамичный характер общественных отношений, обусловливающих необходимость постоянного переосмысления и адаптации данного концепта к меняющимся реалиям. Обосновано, что суть понятия «национальная безопасность» изменяется в зависимости от внутренних и внешних вызовов и угроз, с которыми сталкивается государство в тот или иной период своего исторического развития, что находит отражение в нормативных правовых документах, регламентирующих основные принципы и приоритеты государственной политики в области обеспечения безопасности страны.

Обсуждение и заключение. Выводы, сделанные в результате исследования, призваны дополнить и расширить научное представление о сущностных характеристиках концепта «национальная безопасность», представленного в стратегии национальной безопасности РФ, мерах по совершенствованию правового обеспечения национальной безопасности в современных геополитических реалиях, а также могут послужить основой для дальнейших научных гипотез и изысканий в данной области.

Ключевые слова: национальная безопасность Российской Федерации, стратегия национальной безопасности, концепт «национальная безопасность», угроза, вызов, правовое регулирование, санкции

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Сагирян И.Г., Петренко А.С. Эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях стратегии национальной безопасности Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):34–45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-34-45

Original Theoretical Research

Evolution of the “National Security” Concept in Three Editions of the National Security Strategy of the Russian Federation

Inga G. Sagiryan ✉, **Antonina S. Petrenko**

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ sagiryan@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research on the “national security” concept is induced primarily by geopolitical changes taking place in the world in the contemporary period of history. Heads of the states have to adequately respond to the events happening around, such as military conflicts, anthropogenic and environmental disasters, terrorist attacks, challenges caused by the development of new information technologies. Therefore, studying the interpretations of the “national security” concept in different editions of the National Security Strategy of the Russian Federation through the prism of historical development and modern attitudes, taking into account external and internal threats, is expedient. The research is aimed at investigating and analysing the evolution of the “national security” concept in the National Security Strategy of the Russian Federation in the changing world settings.

Materials and Methods. The object of the study is the “national security” concept as a complicated and multifaceted notion used in the National Security Strategy of the Russian Federation (in 2009, 2015 and 2021 editions). The dialectical method has been used as the main method of cognition, additionally, the general scientific methods of analysis and synthesis, comparative and dogmatic legal methods were used.

Results. Evolution of the “national security” concept in three editions of the National Security Strategy of the Russian Federation has been analysed and modern interpretation of the concept has been provided. The dynamic nature of social relationships that determines the need for constant reinterpretation and adaptation of this concept to the changing realities has been studied. Dependence of the changes in the essence of the “national security” concept on the internal and external challenges and threats faced by the state at the certain period of historical development has been substantiated. This is reflected in the regulatory legal documents stipulating the basic principles and priorities of the state policy on ensuring the security of the country.

Discussion and Conclusion. The conclusions drawn as a result of the study should complement and expand the scientific understanding of the essential characteristics of the “national security” concept stipulated in the National Security Strategy of the Russian Federation, as well as of the measures designated to improve the legal support of the national security in the contemporary geopolitical realities. Moreover, the research results can serve a basis for further scientific hypotheses and research in this area.

Keywords: national security of the Russian Federation, National Security Strategy, “national security” concept, threat, challenge, legal regulation, sanctions

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement, which contributed to the enhancement of the quality of the article.

For Citation. Sagiryan IG, Petrenko AS. Evolution of the “National Security” Concept in Three Editions of the National Security Strategy of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):34–45. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-34-45

Введение. В первой четверти XXI в. Россия переживает далеко не простые времена, связанные с процессом формирования нового миропорядка. Глава государства В.В. Путин неоднократно заявлял о том, что эпоха глобальных коренных изменений началась, и Россия к ним готова. «Всеобщий мир и всеобъемлющее развитие могут быть обеспечены только на основе мнения каждого народа, при уважении права каждого государства на свой суверенный курс, на свое мировоззрение, на свои традиции и религиозные представления», – подчеркнул президент, выступая на Международном форуме «Взаимосвязь времен и цивилизаций – основа мира и развития» в Ашхабаде в октябре 2024 г.[1]

На заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи в ноябре 2024 г.[2] круг вопросов, очерченный для обсуждения темы «Прочный мир – на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности

[1] Пленарное заседание Международного форума «Взаимосвязь времен и цивилизаций – основа мира и развития». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75303 (дата обращения: 15.01.2025).

[2] Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: https://ru.valdaiclub.com/events/own/xxi-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday/ (дата обращения: 15.01.2025).

для развития в XXI веке», говорит о том, что проблемы безопасности стали краеугольным камнем всей общественной жизни России. Наша страна сталкивается с колоссальным количеством вызовов и угроз. На фоне непрерывных боев в зоне специальной военной операции за освобождение новых территорий от неофашистов Россия ведет еще более непримиримую борьбу за свою национальную идентичность и суверенитет. В.В. Путин назвал шесть принципов нового мироустройства: открытость к взаимодействию, многообразие мира, максимальная представительность, справедливость, равноправие и безопасность для всех. Последний принцип представляет для нас наибольший интерес, так как подчеркивает право государства на обеспечение своей безопасности. Безопасность для всех подразумевает отсутствие блокового подхода, противоречащего многополярному миру. Любые военно-политические блоки препятствуют гармоничному развитию общества, провоцируют международные и межнациональные конфликты, целью которых были и остаются политическая дестабилизация и экономический спад. В настоящее время в мире существует только один военный блок – НАТО, который, по мнению нашего президента, дал себе право вмешиваться во внутренние дела суверенного государства. Ведь конфликт на Украине является результатом многолетней целенаправленной политики США и Запада по нанесению стратегического поражения России.

Говоря о принципе безопасности для всех, необходимо обратить внимание на важное заявление В.В. Путина о том, что Россия в данный момент становится по-настоящему суверенным государством. Вопреки ожиданиям США и западноевропейских стран, Россия не только не ослабила, но значительно укрепила свои позиции, став четвертой экономикой мира. Россия устояла под давлением санкций, укрепила свою обороноспособность и заняла выгодные позиции в плане боеготовности. На таком же высоком уровне находится отечественная оборонная промышленность.

Понимание того, как происходило становление и развитие понятия «национальная безопасность», важно по нескольким взаимосвязанным причинам. Во-первых, изучение истории позволяет определить, какие события и факторы, угрозы и вызовы влияли на формирование концепта «национальная безопасность» и приводили к изменениям в политике безопасности. Это понимание дает возможность оценить текущую ситуацию и определить серьезность нынешних угроз с целью выработки более эффективной долгосрочной стратегии безопасности страны. Анализ событий прошлого и настоящего национальной безопасности способствует прогнозированию будущих тенденций и изменений. Во-вторых, понимание сущностных трансформаций концепта «национальная безопасность» обеспечивает развитие теории безопасности и формирование новых подходов в условиях изменяющегося миропорядка, что позволяет своевременно реагировать на создание новых правовых документов в виде стратегий, рассчитанных на перспективу. Наконец, в-третьих, понимание исторического контекста и текущего состояния национальной безопасности позволяет принимать обоснованные и взвешенные решения, способствующие более эффективному использованию ресурсов и достижению целей безопасности.

По поводу актуальной трактовки понятия «национальная безопасность» в научных кругах ведутся дискуссии. Ряд ученых предлагает расширить содержание понятия, включив в него не только военные и политические аспекты, но и экономические, социальные, технологические, экологические и пр. [1]. Другие исследователи считают, что в условиях стремительно развивающихся информационных технологий приоритет нужно отдавать кибербезопасности – как критически важной для защиты инфраструктуры от информационных угроз [2–5]. В любом случае круг вопросов, затрагивающих понятие «национальная безопасность», касается поиска путей адаптации к новым угрозам и вызовам, с которыми сталкивается Россия.

Целью исследования является изучение и анализ эволюции концепта «национальная безопасность» в стратегии национальной безопасности Российской Федерации в условиях изменяющегося мира.

Материалы и методы. В исследовании был использован диалектический метод познания для рассмотрения динамики стратегии национальной безопасности Российской Федерации как юридического документа. Методы анализа и синтеза позволили разобрать все три редакции стратегии (за 2009, 2015 и 2021 гг.) на отдельные элементы, изучить трактовки национальной безопасности в каждой редакции и обобщить полученные результаты. Формально-юридический метод позволил проанализировать содержание сути национальной безопасности, а также правовые нормы, которые содержатся в стратегии национальной безопасности, и оценить их соответствие законодательству РФ и принятой в науке права доктрине. Сопоставительный метод позволил выявить сходства и различия между разными редакциями стратегии. Анализ тенденций развития концепта помог предсказать возможные изменения в подходах к обеспечению национальной безопасности.

Результаты исследования. Понятие «национальная безопасность» традиционно входит в сферу интересов философского, политического, социологического и экономического познания. Между тем теоретические исследования последних лет установили, что национальная безопасность является и юридической категорией, так как отражает состояние общественных отношений между личностью и государством с точки зрения обеспечения эффективного противодействия внешним и внутренним угрозам, что создает условия для стабильного

развития общества и права. Как справедливо утверждает профессор А.И. Овчинников, «основой теории национальной безопасности является юридическая наука, так как именно Конституция и иные нормативные акты определяют государственные задачи по ее обеспечению. Кроме того, осуществление мероприятий по обеспечению национальной безопасности происходит строго в соответствии с конституционным принципом верховенства прав и свобод человека» [6, с. 18].

Впервые появившись в американской политической системе, термин «национальная безопасность» использовался для обозначения элементов внешней политики США. Такая же концепция национальной безопасности свойственна и западноевропейской политической системе, отражая в большей степени оборонно-наступательную стратегию. В СССР концепция национальной безопасности носила преимущественно идеологический характер и интерпретировалась в контексте защиты социалистических ценностей от угроз капиталистического мира. В советскую эпоху в науке и в политическом лексиконе использовали термин «государственная безопасность», которая рассматривалась именно в свете обеспечения безопасности общества и личности. Таким образом, мы видим, что, несмотря на некоторую тождественность терминов, в Советском Союзе в приоритете были внутригосударственные интересы, связанные с жизнедеятельностью человека в обществе, а американская и западноевропейская модели фокусировались главным образом на обеспечении обороноспособности в случае внешних угроз. Такое положение было связано с длительным противостоянием двух сверхдержав – США и СССР, а также с жесткой конфронтацией между капиталистическим и социалистическим лагерями.

С началом перестройки в 1985 г. и последующим распадом СССР в российском научном и политическом сообществе произошла значительная трансформация понимания сущности национальной безопасности. Многие исследователи начали разрабатывать комплексные подходы, рассматривая безопасность на самых разных уровнях. Термин «национальная безопасность» был впервые использован в законе 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации»[3] (утратил силу), где говорилось об обеспечении национальной безопасности в сфере информатизации. Россия вступила в новую информационную эпоху, и защита ее интересов в этой сфере приобрела актуальное значение.

Развитие и конкретизация понятия «национальная безопасность» произошли с принятием Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента Б.Н. Ельцина в декабре 1997 г.[4] В рамках послания Президента Федеральному собранию была предложена всеобъемлющая трактовка этого понятия, согласно которой национальная безопасность представляет собой комплексную систему защиты интересов трёх ключевых субъектов: личности, общества и государства. В справочнике по терминологии в оборонной сфере, изданном Министерством обороны РФ, национальная безопасность трактуется как «состояние общественных отношений, гарантирующее защищённость жизненно важных интересов страны от внешних и внутренних угроз. Основными объектами национальной безопасности выступают: личность, её права и свободы; социальные и национальные группы, их внутренняя целостность, самоуправление; общество, его материальные и духовные ценности; государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. В России под национальной безопасностью понимается безопасность её многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в стране. Основные положения национальной безопасности сформулированы в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ № 24 от 10 января 2000 г.[5] Концепция состоит из четырёх разделов: Россия в мировом сообществе; национальные интересы России; угрозы национальной безопасности РФ; обеспечение национальной безопасности»[6]. Из определения явствует, что сохранение нации как уникальной культурно-исторической и политической общности предполагает защиту не только государственного устройства, но и национальных ценностей, традиций и образа жизни. Личность, ее права и свободы являются главным субъектом национальной безопасности.

Приход к власти В.В. Путина и принятие в 2000 г. Концепции национальной безопасности стало важной вехой в правовом регулировании национальной безопасности в России. Анализ документа свидетельствует о том, что это был качественный сдвиг. В 3-м разделе Концепции перечислены внешние и внутренние угрозы, предстающие перед Российской Федерацией и связанные с глобальными проблемами: сокращение ВВП, снижение инновационного и научно-технического потенциала страны; проявление сепаратизма в ряде субъектов РФ; ослабление единого экономического пространства; социальная дезорганизация и дифференциация общества ввиду упадка

---

[3] *Об информации, информатизации и защите информации*. Федеральный закон № 24-ФЗ от 20.02.1995. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887/ (дата обращения: 09.01.2025).

[4] *Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 1300 от 17.12.1997. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782 (дата обращения: 09.01.2025).

[5] *О Концепции национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/ (дата обращения: 09.01.2025).

[6] *Справочник по терминологии в оборонной сфере.* Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141685/?print=1 (дата обращения: 09.01.2025).

реальных доходов большинства населения; отсутствие единого правового пространства, несоблюдение норм и основополагающих принципов Конституции РФ в ряде субъектов; расширение НАТО на Восток.

С течением времени спектр угроз в области национальной безопасности не только не сократился, но расширился и приобрел новые формы – распространились информационные войны, НАТО продолжило своё расширение на Восток. Законодательная база 1990-х гг. оказалась недостаточной для решения возникающих проблем национальной безопасности, поэтому стратегии менялись после каждого относительно крупного конфликта. Период после завершения Второй чеченской кампании ознаменовался существенными изменениями в геополитической ситуации и осознанием Россией своей роли на международной арене. Переломным моментом стала Мюнхенская речь В.В. Путина в 2007 г., в которой он четко обозначил позицию России относительно расширения НАТО на Восток, критически оценил натоцентричную модель и подверг сомнению концепцию однополярного западно-ориентированного мира, охарактеризовав её как потенциальную угрозу глобальной стабильности. «Процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот – это серьезно провоцирует фактор, снижающий уровень доверия»[7].

Это и другие подобные заявления стали предвестником нарастающей напряженности в международных отношениях, которая вскоре материализовалась в форме российско-грузинского конфликта 2008 г. Этот конфликт, завершившийся военной победой России, послужил решительным толчком для переосмысления существующей концепции национальной безопасности страны. Исход конфликта, с одной стороны, продемонстрировал военный потенциал России, но с другой – выявил необходимость адаптации стратегии национальной безопасности к новым реалиям международной политики. Это осознание нашло отражение в заявлении Президента Д.А. Медведева на заседании Государственного Совета в 2009 г., где он подчеркнул необходимость разработки принципиально нового стратегического документа. Результатом стало принятие первой в истории современной России Стратегии национальной безопасности[8], ознаменовавшей переход от реактивного подхода к проактивному в вопросах обеспечения национальной безопасности.

В Конституции РФ термин «национальная безопасность» не имеет четкого определения, однако ст. 79.1, введённая после проведения общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ, трактует национальную безопасность как совокупность мер, направленных на поддержание международного мира и, что очень важно, «невмешательство во внутренние дела государства». Вместе с тем в нормативных правовых актах Российской Федерации чаще используются более узкие понятия, такие как «государственная безопасность» и «безопасность», что отражает устаревший подход к этой проблематике. Во-первых, национальная безопасность является составной частью более широкого понятия безопасности, которое выступает фундаментальным условием существования личности, общества и государства. Она обеспечивает сохранение и преумножение материальных и духовных ценностей, накопленных обществом. Во-вторых, в контексте Российской Федерации как многонационального государства концепция национальной безопасности охватывает интересы всех наций и национальных групп, входящих в состав страны.

С точки зрения права понятие «национальная безопасность» представляется неоднозначным в связи с отсутствием его правовой категории. Несмотря на попытку раскрыть его содержание в действующей редакции Стратегии национальной безопасности РФ от 2021 г.[9], предложенная трактовка остается упрощенной и не отражает всей полноты понятия. Причина кроется в широкой сфере применения термина – от информационной и военной до ядерной и экономической безопасности. Правоведы признают отсутствие унифицированного определения национальной безопасности. «Существует актуальная и обусловленная потребность в изменениях и дополнениях нормативно-правовых актов в сфере национальной безопасности России, а также самого понятия «национальная безопасность» [7, с. 22]. Обусловлено это не только многоаспектностью термина, но и его постоянной эволюцией в ответ на меняющиеся глобальные вызовы. Потребность в четком содержательном определении национальной безопасности остается актуальной.

По нашему мнению, «безопасность» – не утопичное отсутствие опасности как таковой, напротив, её стоит рассматривать как способность общества сохранять свою идентичность в условиях эволюционных преобразований. В этой связи концепция безопасности может быть рассмотрена как динамическая характеристика общества, отражающая его способность эффективно реагировать на современные вызовы и потенциальные угрозы. Такие угрозы являются результатом сложных исторических процессов и текущих событий и могут иметь как внешнее,

---

[7] Выступление Президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (Германия, 10 февраля 2007 года). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (дата обращения: 10.01.2025).

[8] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года*. Указ Президента Российской Федерации № 537 от 12.05.2009. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87685/ (дата обращения: 10.01.2025).

[9] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.01.2025).

так и внутреннее происхождение. К внешним факторам, влияющим на безопасность, можно отнести, например, специальные военные операции или геополитические конфликты. К внутренним угрозам относятся организованная преступность, дефицит квалифицированных кадров в ключевых отраслях, проблемы, связанные с нелегальной миграцией, и др.

Говоря о нормативно-правовой регламентации, стратегия национальной безопасности занимает важное, но не исключительное место, являясь частью более широкой системы правовых актов, где верховенствует Конституция РФ. Первостепенным условием национальной безопасности в российском контексте является обеспечение безопасности многонационального народа страны: поскольку именно народ, согласно ст. 3 Конституции, является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, то, следовательно, национальная безопасность напрямую связана с защитой интересов, прав и свобод всех граждан страны независимо от их национальной принадлежности.

Чтобы проследить эволюцию концепта «национальная безопасность» в отечественном правовом поле, проанализируем три редакции стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Совершенно очевидно, что первая стратегия в 2009 г. стала правовым ответом на те вызовы, которые были брошены обществу в определенный период его исторического развития, и вобрала в себя те изменения в жизни страны, которые произошли в первое десятилетие XXI в. В этом нормативно-правовом акте национальная безопасность трактовалась как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства».

«Состояние защищенности» стало основополагающим принципом документа, поскольку, начиная с 2000 г., Россия столкнулась с проблемами, которые в корне изменили ее внутреннее состояние. В первую очередь, речь идет об актах терроризма, захлестнувших нашу страну в начале столетия, когда с приходом к власти В.В. Путина Россия утвердилась на пути демократического развития и заявила о безусловном следовании избранному курсу. К числу самых тяжелых событий отнесем начало Второй Чеченской войны, следствием которой стали: теракт на станции метро «Белорусская» в Москве (2001 г.); захват заложников на Дубровке во время демонстрации мюзикла «Норд-Ост», теракты в Грозном и Каспийске, погромы на Манежной площади в Москве (2002 г.); теракт на рок-фестивале «Крылья», серия терактов в Моздоке, в электропоезде Кисловодск–Минеральные Воды, в гостинице «Националь» (2003 г.); теракт в Грозном, в результате которого погиб первый президент Чечни Ахмат Кадыров, взрывы в самолетах в небе над Тульской и Ростовской областями, теракт у станции метро «Рижская» в Москве, захват здания школы в Беслане (2004 г.); нападение боевиков на Нальчик (2005 г.); теракт в Новгородской области, в результате которого сошел с рельсов пассажирский поезд (2007 г.); взрыв в поезде «Новый экспресс» (2009 г.). За сухой констатацией фактов более чем пятнадцатилетней давности – погубленные жизни сотен ни в чем не повинных людей, ставших жертвами попыток устрашения и дестабилизации общества.

В этот же период Россия столкнулась с чрезвычайными ситуациями и катастрофами техногенного и экологического характера: гибель российской подводной лодки «Курск» в Баренцевом море (2000 г.); затопление сибирского города Ленск (2001 г.); катастрофа пассажирских лайнеров Ту-154, летевшего из Екатеринбурга во Владивосток (2001 г.), и Ту-154М, летевшего из Израиля в Новосибирск 2001 г.); авиакатастрофа над Боденским озером (2002 г.); авария на электроподстанции «Чагино» (2005 г.); катастрофа А-320 в Сочи (2006 г.); катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС (2009 г.); пожар в клубе «Хромая лошадь» (2009 г.).

Для стабилизации политической и экономической обстановки как внутри страны, так и за ее пределами, был предпринят ряд мер. Так, в 2001 г. Россия и Китай инициируют создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с целью сохранения и обеспечения стабильности границ государства на фоне процессов глобализации и роста экстремизма и терроризма. В 2002 г. Россия подписывает декларацию «Отношения Россия–НАТО: новое качество», определившую новый формат отношений между Россией и Североатлантическим альянсом. В 2005 г. стартуют четыре национальных проекта – «Образование», «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Развитие АПК», – направленные на обеспечение достойного качества и уровня жизни граждан. Важным решением для улучшения демографической ситуации в стране становится выплата материнского капитала на второго и последующих детей (в том числе усыновленных). В 2006 г. Россия председательствует на 32-м саммите «Большой восьмерки» в Стрельне, среди главных пунктов повестки которого – обсуждение энергетической безопасности и борьба с инфекционными заболеваниями. (Примечательно, что вопросы энергетической безопасности совсем скоро приобретут иной, более серьезный статус, – в том же 2006 г. начнется газовая война между Украиной и Россией.) Признавая роль цифровизации в контексте качественного экономического развития, Россия устанавливает для себя цифровой приоритет и содействует развитию информационных технологий, одним из самых ярких результатов этой деятельности стал запуск в 2008 г. в МГУ им. Ломоносова самого мощного

в России суперкомпьютера «СКИФ МГУ». Наряду с этим Россия признает киберспорт спортивной дисциплиной. Для защиты своей территориальной целостности в Калининградской области размещены ракеты «Искандер-М» – в ответ на размещение американских радаров ПРО в Чехии и Польше (2008 г.).

Таким образом, Стратегия национальной безопасности 2009 г. отреагировала на происходящее внутри государства и за его пределами. Реализация Стратегии была рассчитана до 2020 г., однако жизнь внесла свои коррективы, и в 2015 г. появилась новая редакция Стратегии, в которой понятие национальной безопасности расширилось, поскольку страна нацелилась на сохранение своего суверенитета и взяла курс на устойчивое развитие всех сфер жизни общества. Приоритетными направлениями защиты стали суверенитет, независимость, территориальная целостность. «Сегодня, несмотря на появление и развитие новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексную структуру, наблюдается укрепление позиций России в геополитическом пространстве. Для предотвращения и парирования угроз национальной безопасности необходимо выстраивание международных отношений, прежде всего направленных на защиту национальных интересов России. Наша страна показывает свою готовность к защите прав и свобод граждан, в том числе вне пределов ее территории. Защита суверенитета, независимости, территориальной целостности государства остаются незыблемыми и неизменными» [8, с. 52].

В Стратегии национальной безопасности РФ от 31 декабря 2015 г.[10] национальная безопасность понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности». По сравнению с предыдущим документом, в новой редакции Стратегии, помимо защиты суверенитета, говорится о защите независимости, а к территориальной целостности добавилась государственная. Кроме этого, в определение национальной безопасности включена оборона и перечислены все виды безопасности. Во второй редакции Стратегии акцент делается на экономическую и социальную политику, поэтому в ней «регламентируется окончание экономического и политического кризисов, получивших развитие в конце XX в., большое значение уделено дальнейшему всестороннему развитию нашей страны и предотвращению угроз для нее» [9, с. 191].

Предпосылки для расширения понятия национальной безопасности в Стратегии возникли из-за событий в жизни страны, которые произошли с 2010 г. Продолжились террористические атаки в виде серии взрывов в Грозном и международном аэропорту «Домодедово» (2011 г.); атака на Грозный (2014 г.), когда бандиты провели в столице Чечни сразу несколько масштабных терактов, в результате чего был введен режим контртеррористической операции. Участились экологические катастрофы: лесные пожары на территории Московской, Владимирской, Новгородской, Нижегородской, Ульяновской областей (2014 г.); наводнение в Краснодарском крае, в результате которого пострадал город Крымск (2012 г.); выброс сероводорода на юго-западе Москвы в 2014 г. Чрезвычайные ситуации: катастрофа пассажирского лайнера Boeing-733 при посадке в аэропорту Казани (2013 г.); пожар в торговом центре «Адмирал» в Казани (2015 г.); катастрофа на рыболовецком траулере «Дальний Восток», который затонул у берегов полуострова Камчатка в Охотском море (2015 г.); крушение российского чартера над Синайским полуостровом (2015 г.). Внутри страны усложнилась криминогенная обстановка: общество потрясло преступление невиданной жестокости, произошедшее в 2010 г. в станице Кущевской Краснодарского края, – массовое убийство девяти человек, из которых два ребенка. В Белгороде массовый убийца, известный как «белгородский стрелок», расстрелял из огнестрельного оружия шесть человек в центре города. В криминологический обиход надолго вошло выражение «массовое убийство».

На фоне многочисленных катастроф отчетливо выделяются экономические проблемы, связанные с банковским кризисом, который закончился обвалом рубля и «черным вторником» (1994 г.). Центробанк отказался от валютного коридора и отпустил рубль. Резкое ослабление рубля к доллару США и евро было вызвано разными причинами: обвалом мировых цен на нефть, введением экономических санкций в отношении многих российских компаний, а также банковским кризисом в стране. Стало очевидно, что коллективный Запад во главе со США поставил перед собой первостепенную задачу – добиться стратегического поражения России. Другими словами, попросту уничтожить Россию, прекратив ее государственность. «Россию первоначально планируют запретить на уровне правосознания (нейролингвистическом и визуальном), а в дальнейшем уничтожить на тотальном уровне (по примеру Византии или Югославии как ее «культурного прообраза»), чего допустить нельзя» [10, с. 99].

[10] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 10.01.2025).

К 2014 г. против России было введено три пакета санкций, которые ударили по нефтегазовому и финансовому секторам экономики страны. Россия ответила на санкции, запретив импорт некоторых продовольственных товаров из стран Европы, США и Канады и начав масштабный проект импортозамещения.

Надо отметить, что новый виток открытого противостояния между Западом и Россией начался в 2014 г., после вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. В связи с присоединением Крыма в Конституцию РФ были внесены поправки, изменяющие порядок вхождения новых субъектов в федерацию. В это же время пророссийские активисты захватили административный центр в украинском Донецке и провозгласили создание Донецкой Народной Республики, независимой от Киева. В ответ НАТО приостановил все практическое гражданское и военное сотрудничество с Россией.

Между тем социально-экономическое развитие в стране набирало обороты. Российская Федерация официально присоединилась к Всемирной торговой организации. В России начал действовать объединенный Верховный Суд – единый высший судебный орган по гражданским, уголовным, административным делам и по разрешению экономических споров. Главным общенациональным событием в России в 2015 г. стал 70-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Приуроченные к дате праздничные события проходили на протяжении всего года.

К 2021 г. возникли веские предпосылки для создания третьей редакции стратегии национальной безопасности: давление экономических санкций усилилось (США и европейские страны ввели против России 13 пакетов санкций самой разной направленности), дипломатическое давление не ослабевало, налицо намеренное злоупотребление международным законодательством, оказание информационного и психологического воздействия на общество, включая всплеск скулшутинга (стрельба в городской гимназии № 175 в Казани; массовая стрельба в Пермском государственном университете; стрельба в офисном центре в Москве; массовое убийство в Керченском политехническом колледже). Помимо этого, Россия столкнулась с еще более серьезной опасностью, связанной с преступлениями экстремистского и террористического характера в Интернете, – кибератаки на объекты жизненно важной инфраструктуры выросли в геометрической прогрессии. В ответ на эти вызовы государство в 2016 г. создает национальную гвардию Российской Федерации (Росгвардия), в задачи которой, помимо прочего, входит охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и борьба с экстремизмом и терроризмом. В 2018 г. Россия открывает Крымский мост. В 2020 г. – успешно борется с COVID-19, разработав, зарегистрировав и применив вакцину от коронавируса «Спутник V».

В третьей по счету Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»[11]. В третьей Стратегии состояние защищенности распространяется уже не на триединство личность-общество-государство, а на национальные интересы Российской Федерации, под которыми понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Эта защита направлена на противодействие широкому комплексу угроз, включая противоправные посягательства, общественно опасные деяния, социальные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера (стихийные бедствия, аварии, катастрофы). «Появление этих нормативно-правовых документов свидетельствует о развитии общей теории национальной безопасности в России, а анализ их содержания позволяет утверждать, что сложилось определенное государственное видение в плоскости построения понятийного аппарата, раскрывающего основные характеристики явлений, связанных со сферой национальной безопасности» [11, с. 17].

В контексте законодательства России система национальной безопасности включает в себя девять ключевых взаимосвязанных элементов. Первостепенное значение придается сохранению и развитию человеческого капитала страны, при этом население России рассматривается как основной носитель государственного суверенитета и главное богатство страны. Для стимулирования роста человеческого потенциала внедряются программы, нацеленные на улучшение здоровья граждан, увеличение продолжительности и повышение качества жизни, однако стратегической задачей и отчасти национальной проблемой является повышение уровня рождаемости.

Вторым важным элементом является обороноспособность государства. Как показывает практика, развитый и эффективный военно-промышленный комплекс и мощные вооруженные силы служат гарантом территориальной целостности и международного авторитета страны. Основные задачи в этой сфере включают поддержание военной безопасности, охрану государственных границ и создание условий для мирного развития.

---

[11] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.* Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.01.2025).

Третий элемент охватывает вопросы государственной и общественной безопасности. Эта область находится в ведении правоохранительных органов и специальных служб, обеспечивающих соблюдение законности и правопорядка. Верховенство Конституции РФ и строгое следование законам являются фундаментом безопасности как государства в целом, так и каждого его жителя. Для укрепления этого аспекта принимаются меры по усилению роли правоохранительных структур, совершенствованию законодательства и повышению значимости правовых норм в жизни общества.

В современных условиях особую актуальность приобретает информационная безопасность, составляющая четвертый элемент системы. Меры в этой области направлены на противодействие кибератакам, регулирование информационного пространства и защиту персональных данных граждан.

Пятый элемент касается экономической безопасности. В условиях глобального экономического кризиса и санкционного давления Россия предпринимает шаги по трансформации традиционных рынков и развитию новых секторов экономики. Страна обладает значительными природными, человеческими и сырьевыми ресурсами, что создает основу для укрепления экономической стабильности.

Шестой элемент – научно-технологическое развитие, играющее ключевую роль в повышении качества жизни населения. Инновации способствуют появлению новых рынков, укреплению оборонно-промышленного комплекса и улучшению здравоохранения.

Седьмой элемент национальной безопасности тесно связан с предыдущими и охватывает вопросы экологической безопасности и рационального природопользования. Эта сфера напрямую влияет на развитие человеческого потенциала и здоровье нации.

Восьмым элементом национальной безопасности является сохранение культурного наследия страны, поддержание её ценностных ориентиров и обычаев, а также проявление уважения к многообразию народов и языков. Данный компонент фокусируется на охране традиционных российских духовно-нравственных устоев, культурного наследия и исторической памяти. Духовно-нравственная безопасность предполагает защиту общества от деструктивного влияния радикально настроенных социальных групп, таких как экстремистские политические движения или деструктивные религиозные культы, которые могут негативно воздействовать на мировоззрение и моральные устои граждан. В современном мире наблюдается тенденция к уничтожению традиционных ценностей. Более того, во многих западных странах наблюдается утрата значимости семейных и родовых связей. В периоды, когда территориальная целостность государства находится под угрозой, особую важность приобретают такие ценности, как патриотизм, семейные узы и историческая память. Российская Федерация предпринимает шаги по усилению своего влияния в глобальном гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве как часть стратегии по сохранению и продвижению этих ценностей.

Девятый элемент касается международных отношений. Исторический опыт демонстрирует, что изолированным странам сложно поддерживать стабильность, поэтому Россия стремится к укреплению связей с дружественными государствами, создавая и вступая во взаимовыгодные союзы (БРИКС, ОДКБ и др.). Соответственно, обеспечение стратегической стабильности и развитие взаимовыгодного международного сотрудничества является одной из главных задач. В рамках этого направления страна последовательно реализует меры по защите национальных интересов и укреплению своих позиций на международной арене.

При анализе понятия «национальная безопасность», его структурных элементов и эволюции неизбежно возникает вопрос – какие именно факторы могут представлять угрозу для национальной безопасности Российской Федерации? Можно выделить два основных кластера угроз: традиционные и современные. Традиционные угрозы включают в себя ряд устоявшихся вызовов, с которыми государство сталкивается на протяжении длительного времени; они, в свою очередь, подразделяются на внешние и внутренние. К внешним традиционным угрозам относятся: терроризм и экстремизм (международный); расширение и усиление военно-политических альянсов; деятельность транснациональных корпораций и конгломератов, направленная на подрыв внутренней и внешней политической стабильности России. Внутренние традиционные угрозы включают: попытки подрыва конституционного строя; угрозы территориальной целостности государства, в том числе с применением силовых методов; военные мятежи и попытки дестабилизации работы органов государственной власти; деятельность незаконных вооруженных формирований; развитие сепаратистских настроений в различных регионах страны; проблемы, связанные с нелегальной миграцией.

В эпоху цифровых технологий угрозы национальной безопасности приобрели новые формы, сохраняя при этом свою фундаментальную опасность. Среди ключевых современных угроз национальной безопасности можно выделить следующие:

– кибертерроризм: использование цифровых технологий для осуществления террористических актов или угроз;

– киберэкстремизм: распространение экстремистских идеологий и вербовка сторонников через интернет-пространство;

– деятельность иностранных агентов влияния: использование цифровых платформ для воздействия на общественное мнение и политические процессы;

– тактические медиа: манипулирование информацией в СМИ и социальных сетях для достижения определенных политических или социальных целей;

– сепаратизм и религиозный экстремизм: пропаганда сепаратистских идей и радикальных религиозных течений;

– антироссийская пропаганда в цифровом пространстве: целенаправленное распространение информации, направленной на подрыв авторитета и интересов Российской Федерации.

Вышеперечисленные угрозы несут в себе такую же угрозу национальной безопасности, что и традиционные формы. Их цифровая оболочка не только не снижает их опасность, но и усиливает воздействие за счет быстроты распространения информации и широты охвата аудитории в современном информационном обществе.

Таким образом, в России современная концепция национальной безопасности нашла отражение в целом ряде нормативных документов: в федеральных законах и указах Президента РФ, посвященных стратегии национальной безопасности государства. Между тем многочисленные трактовки национальной безопасности вносят семантический диссонанс и не способствуют обобщению понятия. Согласимся с мнением С.М.И. Мусаева, что «в правотворчестве в ходе составления юридических документов стратегической (общетеоретической) направленности во вред однозначному и унифицированному определению главных задач, объектов (областей), инструментов, способов и механизмов обеспечения общенациональной безопасности, зачастую утверждаются формальные, показные нормы-установки, что приводит к отрицательным последствиям и в сфере правоприменения» [12, с. 61].

Обсуждение и заключение. Концепт «национальная безопасность» претерпевает юридическую и семантическую трансформацию в зависимости от социальных, экономических и политических реалий существования государства в тот или иной исторический период. По этой причине не представляется возможным спрогнозировать и учесть все потенциальные вызовы и угрозы, с которыми может столкнуться страна. Нам представляется, что, ввиду стремительных изменений, происходящих в современной геополитической системе, стратегия национальной безопасности как юридический документ жизнеспособна от трех до пяти лет, а дальше потребуется следующая редакция Стратегии. Можно выдвинуть гипотезы о том, какие виды национальной безопасности будут актуальны в ближайшей перспективе. Полагаем, что это будет космическая безопасность, нацеленная на предотвращение угроз и рисков, связанных с исследованием и использованием космического пространства, и включающая в себя: защиту космических объектов от внешних воздействий, обеспечение безопасности космических полетов, предотвращение размещения оружия в космическом пространстве и использование его в международных военных конфликтах в космосе. Приглашаем коллег присоединиться к исследованию этого важного направления.

Список литературы/ References

1. Семичева А.С. Становление и сущность общей теории национальной безопасности Российской Федерации. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки.* 2015;1(6):3–7.

Semicheva AS. Formation and Nature of the General Theory of National Security of the Russian Federation. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Journal of Legal Sciences*. 2015;1(6):3–7. (In Russ.)

2. Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Взаимосвязь национальной безопасности и стратегии государственного развития России. *Управленческое консультирование*. 2017;4(100):39–46.

Kovalev AA, Kudaikin EI. Interrelation of National Security and Strategy of the State Development of Russia. *Management Consulting*. 2017;4(100):39–46. (In Russ.)

3. Ковалев А.А. *Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты.* Монография. Москва: 2019. 301 с.

Kovalev A.A. *Topical Problems of National Security of Russia: Theoretical and Practical Aspects.* Monograph. Moscow: 2019. 301 p. (In Russ.)

4. Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. Кибербезопасность – подходы к определению понятия. *Вопросы кибербезопасности.* 2014;1(2):22–27.

Bezkorovainy MM, Tatuzov AL. Cybersecurity – Approaches to the Definition. *Voprosy kiberbezopasnosti (Cybersecurity Issues)*. 2014;1(2):22–27. (In Russ.)

5. Старовойтов А.В., Еремин В.В., Побываев С.А., Золотарев Е.В., Лапенкова Н.В. Интегральные и обобщенные показатели развития и обеспечения национальной безопасности страны. *МИР (Модернизация. Инновация. Развитие).* 2023;14(4):619–635. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.619-635

Starovoitov AV, Eremin VV, Pobyvaev SA, Zolotarev EV, Lapenkova NV. Integral and Generalized Indicators of Development and Ensuring the National Security of the Country. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023;14(4):619–635. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.4.619-635 (In Russ.)

6. Овчинников А.И. Формирование понятия «национальная безопасность» в истории государственно-правовой мысли. *Философия права*. 2014;5(66):15–19.

Ovchinnikov AI. Formation of "National Security" Idea in the History of the State and Legal Thought. *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*. 2014;5(66):15–19. (In Russ.)

7. Гвинтовкин М.В. Национальная безопасность как теоретико-правовая категория. *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2024;(1(62)):17–23.

Gvintovkin MV. National Security as a Theoretical and Legal Category. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2024;(1(62)):17–23. (In Russ.)

8. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(1):47–53. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53

Alekseeva MV, Filimonova EA. Topical Issues of Counteracting the Threats to National Security. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(1):47–53. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53 (In Russ.)

9. Манкиева А.В., Воропаев И.Г., Решетняк С.Р. Правовые основы и проблемы обеспечения национальной безопасности в современной России. *Социально-политические науки*. 2022;12(4):188–194.

Mankieva A.V., Voropaev I.G., Reshetnyak S.R. Legal Foundations and Problems of Ensuring National Security in Modern Russia. *Sociopolitical Sciences*. 2022;12(4):188–194. (In Russ.)

10. Небратенко Г.Г., Студеникина С.В. Россия как государственно-правовая и теоретико-историческая категория. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;1(1):90–101. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-90-101

Nebratenko GG, Studenikina SV. Russia as the State-Legal and Theoretical-Historical Category. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(1):90–101. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-90-101 (In Russ.)

11. Шободоева А.В. Стратегия национальной безопасности РФ и ее вклад в развитие понятийного аппарата общей теории национальной безопасности РФ. *Baikal Research Journal.* 2016;7(1):17. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(1).17

Shobodoyeva AV. Strategy of RF National Security and Its Contribution to Developing Conceptual Framework of General Theory RF National Security. *Baikal Research Journal*. 2016;7(1):17. https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(1).17 (In Russ.)

12. Мусаев С.М.И. Организационно-правовые основания национальной безопасности современной России. *Союз криминалистов и криминологов*. 2021;(2):58–62. https://doi.org/10.31085/2310-8681-2021-2-208-58-62

Musaev SMI. Organizational and Legal Bases of National Security in Modern Russia. *The Union of Criminalists and Criminologists*. 2021;(2):58–62. https://doi.org/10.31085/2310-8681-2021-2-208-58-62 (In Russ.)

Об авторах:

Инга Григорьевна Сагирян, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ScopusID, ORCID, sagiryan@yandex.ru

Антонина Сергеевна Петренко, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, SPIN-код, ScopusID, ORCID, takyin_d@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И.Г. Сагирян: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.С. Петренко: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

***Конфликт интересов*: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Inga G. Sagiryan, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ScopusID, ORCID, sagiryan@yandex.ru

Antonina S. Petrenko, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ScopusID, ORCID, takyin_d@mail.ru

Claimed Contributorship:
IG Sagiryan: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions
AS Petrenko: reviewing and analyzing the scientific sources, revising the text, correcting the conclusions

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 27.02.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

УДК 342.7

Оригинальное теоретическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52

EDN: SCHJSS

Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества

Е.А. Филимонова
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ lenarnd1008@mail.ru

Аннотация

Введение. Сегодня защита прав человека в открытом цифровом пространстве становится важнейшей задачей обеспечения личной безопасности граждан. Приватность частной жизни, конфиденциальность персональной информации могут оказаться под угрозой. В этой связи обязанность государства – удержать баланс между личными интересами граждан, общественным благом и полномочиями публичной власти, усовершенствовав законодательство в сфере управления персональной информацией и создав гибкую, быстро адаптирующуюся к новым вызовам систему кибербезопасности в российском сегменте Интернета. Цель исследования – выявить, какие угрозы и риски несет использование цифровых технологий для свободной реализации человеком права на неприкосновенность частной жизни, а также наметить пути решения проблем защиты частной жизни в условиях цифровой трансформации общества.

Материалы и методы. В процессе исследования использовался общефилософский диалектический метод познания объективной действительности, а также общенаучные и частнонаучные методы: логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и другие.

Результаты исследования. Установлено, что защита информационного пространства Российской Федерации является ключевым элементом общенациональной безопасности, обеспечивающим защиту интересов граждан, социальных структур. Доказано, что цифровая трансформация общества порождает необходимость принятия ряда мер для защиты и обеспечения естественных прав человека. Выявленные проблемы и угрозы в цифровой среде свидетельствуют о недостаточности предпринимаемых попыток совершенствования законодательства РФ и создания дополнительных подразделений правоприменительных органов. Необходим комплексный подход к защите права граждан на неприкосновенность частной жизни. Предложено разработать и закрепить на законодательном уровне новые основы управления персональной информацией.

Обсуждение и заключение. Вопросы защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации требуют пристального внимания со стороны государства и общества. Целесообразно ускорить процесс совершенствования правового регулирования данных общественных отношений для создания безопасной цифровой среды. Сформулированные в статье теоретические положения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровая трансформация, цифровизация, цифровое пространство, кибербезопасность

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Филимонова Е.А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):46–52. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52

Original Theoretical Research

Protection of the Right to Privacy in the Context of Digital Transformation of Society

Elena A. Filimonova ✉

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ lenarnd1008@mail.ru

Abstract

Introduction. Nowadays, protection of the human rights in the open digital environment is becoming an important objective within ensuring personal security of citizens. The confidentiality of private life and personal data may be under threat. Therefore, the duty of the state is to maintain a balance between the personal interests of citizens, public benefits and powers of public authorities, which can be achieved by improving the legislation on processing the personal data and creating in the Russian segment of the Internet a flexible quickly adjustable to new challenges cybersecurity system. The aim of the study is to identify the threats and risks the usage of digital technologies has to the unconstrained implementation of the person's right to privacy, as well as to propose the solutions to the problems of privacy protection in the context of the digital transformation of society.

Materials and Methods. The research was conducted using the general philosophical method of dialectical cognition of objective reality, as well as the general scientific and specific scientific methods: logical, dogmatic legal, comparative legal, system-structural and others.

Results. It has been found that protection of the information space of the Russian Federation is a crucial element of the national security ensuring protection of the interests of citizens and social structures. It has been proved that digital transformation of society induces the need to adopt a number of measures for protection and ensuring the natural rights of a person. The problems and threats revealed in the digital environment indicate insufficiency of the efforts on improvement of the Russian Federation legislation and creation of the additional divisions in the law enforcement agencies. A comprehensive approach to protection of citizens' rights to privacy is required. It has been proposed to develop and enshrine at the legislative level the new principles of personal data processing.

Discussion and Conclusion. The issues of protecting citizens' rights to privacy in the context of digitalization require close attention from the state and society. It would be expedient to accelerate the process of improving the legal regulation of these social relationships for creating a secure digital environment. The theoretical provisions formulated in the article can be used in further research on this topic.

Keywords: right to privacy, personal data, digital transformation, digitalization, digital environment, cybersecurity

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement, which contributed to significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Filimonova EA. Protection of the Right to Privacy in the Context of Digital Transformation of Society. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):46–52. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-46-52

Введение. Развитие современного общества и государства невозможно представить без применения искусственного интеллекта (ИИ), Big Data и других технологий. Непрерывный прогресс в науке и технике видоизменяет отношения между государством, обществом и индивидом. Цифровые принципы вынужденно внедряются в общественные процессы и правовую систему. В условиях технологических инноваций государственное регулирование оказывает влияние и на личные права.

Согласно Указу Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[1] к 2030 г. планируется увеличить до 97 % долю домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет. А это повлечет за собой и рост «цифровых следов» – информации, оставленной пользователем, которая сохраняется практически навсегда и в дальнейшем может анализироваться и использоваться неопределенным кругом лиц. Хотя, как правильно указал А.Н. Мочалов, «по своей природе и содержанию цифровые следы человека не одинаковы» [1, с. 175], формируемый таким образом цифровой профиль человека будет содержать самую разнообразную информацию, в том числе о его частной жизни. К сожалению, люди, использующие цифровые технологии, не имеют полного представления об объемах собираемой и обрабатываемой информации и тем более не обладают реальными механизмами контроля над ее распространением. Данной проблематикой обеспокоены

[1] *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года.* Указ Президента Российской Федерации № 474 от 21.07.2020. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (дата обращения: 10.01.2025).

как российские [2–4], так и зарубежные исследователи. Среди европейских ученых, например, ведется оживленная дискуссия относительно целесообразности отделения права на защиту персональных данных от права на уважение частной жизни [5–7]. Понятие «персональные данные», по мнению Европейского суда по правам человека, включает информацию не только о частной жизни (которая не должна трактоваться узко, поскольку уважение частной жизни включает право устанавливать и развивать отношения с другими людьми), но и о профессиональной и деловой деятельности человека [8].

Актуальность настоящего исследования обусловлена такими факторами, как угрозы для конфиденциальности персональной информации и отсутствие в РФ необходимой законодательной базы, регламентирующей механизм реализации и защиты данного права в цифровой среде. Цель исследования – выявить угрозы и риски использования цифровых технологий для свободной реализации человеком права на неприкосновенность частной жизни, а также наметить пути комплексного решения проблем защиты частной жизни в условиях цифровой трансформации общества.

Материалы и методы. В основе данного исследования лежит диалектический метод научного познания, позволивший изучить динамику влияния цифровых технологий на реализацию права человека на неприкосновенность частной жизни. Также были использованы общенаучные и частнонаучные методы: логический, формально-юридический, системно-структурный и другие. С помощью метода анализа были изучены научные труды российских и зарубежных ученых в сфере неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных. Сравнительно-правовой метод использовался для сравнения уровня правовой регламентации естественных прав человека с учетом цифровой трансформации государств. Методы правовой кибернетики и правового прогнозирования позволили определить эффективность правового регулирования и меры по совершенствованию законодательства РФ применительно к использованию цифровых технологий.

Результаты исследования. Цифровой прогресс наряду с положительными моментами несет с собой серьезные риски и угрозы. С одной стороны, благодаря использованию инновационных технологий расширяется спектр бытовых удобств (голосовые помощники, «умный дом», смарт-часы и т.п.), повышается эффективность публичного управления, ускоряются процессы предоставления государственных услуг. Внедрение систем видеонаблюдения в городах способствует эффективной работе полиции по предупреждению и раскрытию преступлений. С другой стороны, цифровизация угрожает соблюдению права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ[2]) вследствие упрощенного доступа к персональным данным. Поэтому одна из первоочередных задач государства в современных реалиях – обеспечение конфиденциальности, защита данных и сокращение рисков неправомерного вторжения в частную жизнь граждан. Для решения этой задачи должны быть объединены усилия как законотворческих органов, так и правоприменительных и правоохранительных органов. Применяя цифровые инновации, правовое государство обязано признавать, соблюдать и защищать личные права граждан, а гражданское общество должно иметь возможность контролировать этот процесс, требовать уважения к своей приватности и возражать против незаконного сбора данных о личности.

Для решения вопросов реализации и защиты конституционного права человека на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации следует в первую очередь обеспечить надлежащее правовое регулирование. В частности, на законодательном уровне установить легальные трактовки основных понятий, в том числе определение понятия «частная жизнь». До сих пор в юридической науке существует множество различных мнений по поводу того, какие основополагающие принципы составляют понятие частной жизни людей [9]. Доктринальное толкование термина весьма разнообразно [10–12].

Одним из аспектов защиты личного пространства в цифровом обществе является право на сохранение секретности. По мнению Г. Е. Волковой, это означает возможность требовать неразглашения от тех, кто узнал частные данные, а также избегать их сбора [13], ведь общеизвестно, что многие веб-сайты настаивают на предоставлении пользователем контактных и личных данных, таких как возраст, пол, номер телефона, реквизиты карты для транзакций, адрес электронной почты, домашний адрес и др. К.А. Иванова акцентирует внимание на необходимости усиленной защиты информации о местонахождении человека. Она утверждает, что защита геоданных требует отдельной проработки и закрепления в правовой документации, поскольку это связано со спецификой информации [14]. Описывая «вторичный рынок данных», она отмечает следующие моменты:

– личные данные о расположении людей систематически собираются и используются организациями, не имеющими непосредственных связей с данными людьми;

– информация о местоположении, не позволяющая идентифицировать личность или обезличенная, часто перерабатывается;

[2] *Конституция Российской Федерации.* Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 10.01.2025).

– сведения о местонахождении часто комбинируют с другими личными данными.

Потенциальная опасность передачи информации о местоположении и других персональных данных в третьи руки создает условия, при которых личная жизнь человека становится уязвимой, открытой для неопределенного круга лиц, в том числе злоумышленников и мошенников [15]. В условиях цифровизации общества ключевую роль играет осознанное стремление каждого участника правоотношения к ответственному поведению, под которым подразумевается не только строгое соблюдение законов, но и инициативное участие в жизни общества, постоянная самодисциплина и вклад в общее благо.

В эпоху цифровой трансформации возникают новые юридические понятия и категории [16]. Например, понятие «глобальные цифровые права человека» – это концепция, связанная с возможностью людей взаимодействовать с цифровым контентом: создавать, распространять и получать доступ к информации в Интернете или через другие сетевые технологии, используя различные устройства.

Понятие «цифровой ответственности» характеризуется следующими особенностями:

– личность нарушителя может оставаться неустановленной из-за анонимности, предоставляемой технологиями;

– иногда между человеком и государством нет прямых правовых связей при наложении санкций;

– влияние ИИ, программ и интернет-платформ налагает санкции не столько через традиционное применение законов, сколько через автоматизированные алгоритмические процессы;

– введение мер, характерных только для интернет-пространства, например, ограничение доступа к цифровым ресурсам или удаление информации.

Современное общество, органы публичной власти и законодательство страны не успевают за стремительным цифровым прогрессом, недооценивая возможные угрозы и конфликты интересов с IT-корпорациями и рискуя приватностью и цифровым суверенитетом государства. Согласно закону «О персональных данных»[3] (ст. 7) организации, имеющие доступ к личным данным, не должны передавать их сторонним лицам без разрешения владельцев данных [17]. Тем не менее случаи неправомерного обмена такой информацией встречаются повсеместно. К сожалению, «нечистоплотные» сотрудники таких организаций воспринимают человека не как личность, а как набор данных для анализа и последующего распространения с целью наживы. Чтобы предотвратить манипуляцию и дискриминацию на основе личной информации, недостаточно контролировать её сбор. Необходимы строгие ограничения на использование данных, связанных со здоровьем, семейными делами и другими личными аспектами человека. Запрещение анализа поведения и обработки «чувствительных сведений» станет важным шагом для защиты права личности на неприкосновенность частной жизни.

В России редко можно услышать новости о наказании за утечку и торговлю чужой персональной информацией. Цифровые преступники и инсайдеры, сотрудничающие с ними, зачастую избегают ответственности. Работник IT-сферы, замешанный в незаконной продаже данных, обычно может лишь потерять работу, до этого успев неплохо заработать. В 2022 г. в Минцифры РФ был создан Департамент обеспечения кибербезопасности, главная задача которого – создание надёжной защиты информационных систем и разработка отечественных ИТ-продуктов, способных конкурировать на глобальном рынке. Особое внимание Департамент уделяет защите персональных данных и защите государственных инфраструктур от хакерских атак. Тем не менее проблема утечки конфиденциальных данных в стране с каждым годом усугубляется. В 2022 г. было зарегистрировано 140 случаев утечки, в результате чего в сеть попали личные данные 600 млн россиян, по которым было направлено в суд 66 протоколов на общую сумму более 2,4 млн рублей[4]. В 2023 г. произошло 168 инцидентов с утечкой персональных данных граждан России, в ходе которых было скомпрометировано свыше 300 млн записей о россиянах. Судебные органы рассмотрели 87 дел, инициированных Роскомнадзором в связи с этими утечками, и вынесли постановления о штрафах на общую сумму свыше 4,6 млн рублей. По сравнению с 2021 г., когда было составлено всего 4 протокола на сумму 200 тыс. рублей, наказания увеличились в 23 раза.

Свободное использование злоумышленниками технологий слежения, ИИ для анализа персональных данных, информационного контроля в отношении неопределенного круга лиц и т.д. свидетельствуют о неэффективности защиты личной информации и необходимости выработки актуальных подходов к охране частной жизни. В Совете Федерации выступили с предложением установить обязательство для компаний создавать специальные фонды на случай утечек персональных данных граждан – эти ресурсы будут служить для компенсации потерь, которые могут возникнуть у индивидуальных владельцев данных. Предполагаемые изменения в Федеральный

[3] *О персональных данных.* Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006. URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108261 (дата обращения: 10.01.2025).
[4] Информационное агентство ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/19693845 (дата обращения: 10.01.2025).

закон «О персональных данных» коснутся организаций, работающих с информацией личного характера. Необходимо призвать заинтересованных участников правоотношений к ответственному хранению персональных данных, а также исключить ненужный сбор частной информации о лицах, не требуемой для их деятельности.

По данным, представленным Президентом РФ В.В. Путиным на прошедшей в Москве международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению AI Journey 2024, в России свыше 130 млн человек пользуются Интернетом. «Это приближается к количеству граждан Российской Федерации»,[5] – подчеркнул Президент, а значит, к числу активных пользователей следует отнести и детей. Дети, несмотря на их быструю обучаемость относительно использования новых технологий, относятся к группе наиболее уязвимых пользователей, так как находятся еще в процессе физиологического и психологического формирования.

Очень важно, чтобы государство и институты гражданского общества обратили внимание на то, что «в среднесрочной перспективе ожидается усиление рисков, связанных с развитием виртуальной реальности, искусственного интеллекта как инструмента преступной деятельности и технологии воспитания; ростом цифрового разрыва, информационных войн и цифровой изоляции; новыми угрозами приватности и персональным данным (цифровой след, биометрия)»[6]. Также в российском законодательстве пока что отсутствуют нормы, прямо регламентирующие наказание за кибертравлю. Очевидно, что сегодня необходимо выработать чёткие определения и классификацию таких противоправных действий, а также определить меры юридической ответственности для эффективной борьбы с ними.

Выявленные проблемы свидетельствуют о том, что, несмотря на предпринимаемые попытки совершенствования законодательства РФ (в частности, административного, уголовного права), создание дополнительных подразделений правоприменительных органов, проблема защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни остается острой. Для эффективных действий в этом направлении необходим комплексный подход. Итак, в ближайшее время в целях обеспечения реализации и защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации необходимо:

– определить границы (пределы) неприкосновенности частной жизни;

– обозначить четкие критерии допустимого и обоснованного (правомерного) вмешательства в частную жизнь;

– установить адаптированные к условиям цифровизации гарантии конфиденциальности и защиты права на неприкосновенность частной жизни;

– закрепить строгие требования (и санкции за их нарушения) по отношению к субъектам, обладающим правом на сбор, хранение, обработку и использование личных данных;

– усовершенствовать законодательство РФ, в частности, уточнить определения основных понятий в целях их единообразного понимания и устранения имеющихся противоречий;

– включить в разрабатываемый Цифровой кодекс РФ правовые нормы, регламентирующие весь спектр общественных отношений в информационной сфере, в том числе и относительно защиты частной жизни;

– активизировать деятельность государственных и общественных структур по повышению уровня правовой культуры и цифровой грамотности граждан РФ, уделяя особое внимание детям.

Обсуждение и заключение. Вопросы защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни требуют пристального внимания со стороны государства и общества. Целесообразно ускорить процесс совершенствования правового регулирования данных общественных отношений, чтобы обеспечить условия для безопасной цифровой среды. В целях защиты личных прав граждан РФ крайне важно досконально изучить вопрос, в том числе имеющийся зарубежный опыт, и затем разработать и закрепить на законодательном уровне новые механизмы управления персональной информацией.

Список литературы / References

1. Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. *Антиномии*. 2024;24(4):164–189. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_164

Mochalov AN. Human Digital Footprints and Privacy. *Antinomies*. 2024;24(4):164–189. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_164 (In Russ.)

2. Шадрин С.А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству. *Актуальные проблемы российского права.* 2018;9(94):208–217.

Shadrin SA. Scope of the Right to Privacy According to Russian and European Legislation. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;9(94):208–217. (In Russ.)

[5] Пленарное заседание международной конференции AI Journey 2024. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/12/2024/6759b4709a79472b45d8949e (дата обращения: 10.01.2025).

[6] *Исследование «Технологии защиты детей в интернете».* URL: https://www.company.rt.ru/social/cyberknowledge/kids-safety/ (дата обращения: 10.01.2025).

3. Букалерова Л.А., Остроушко А.В. Защита прав и интересов детей в информационной сфере требует внимания. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки.* 2019;(4(22)):57–65. https://doi.org/10.21777/2587-9472-2019-4-57-65

Bukalerova LA, Ostroushko AV. The Information Rights and Information Interests of Children to Pay Extra Attention. *Bulletin of Moscow Witte University. Series 2: Legal Sciences (Journal of Legal Sciences)*. 2019;(4(22)):57–65. https://doi.org/10.21777/2587-9472-2019-4-57-65

4. Ковалев С.Д. Правовые и социальные проблемы неприкосновенности частной жизни в сети Интернет. *Аграрное и земельное право.* 2024;(7(235)):147–150. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_7_147

Kovalev SD. Legal and Social Problems of Privacy on the Internet. *Agrarian and Land Law*. 2024;(7(235)):147–150. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_7_147 (In Russ.)

5. Justickis V. Balancing Personal Data Protection with Other Human Rights and Public Interest: Between Theory and Practice. *Baltic Journal of Law & Politics*. 2020;13(1):140–162. https://doi.org/10.2478/bjlp-2020-0006

6. Mangku DGS, Yuliartini NPR, Suastika IN, Wirawan IGMAS. The Personal Data Protection of Internet Users in Indonesia. *Journal of Southwest Jiatong University*. 2021;56(1):202–209. https://doi.org/10.35741/issn.0258-2724.56.1.23

7. Оганесян Т.Д. Право на защиту персональных данных: исторический аспект и современная концептуализация в эпоху Big Data. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2020;2:48–63.

Oganesyan TD. The Right to Personal Data Protection: Historical Aspect and Modern Conceptualization in the Age of Big Data. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2020;(2(81)):48–63. (In Russ.)

8. Амиров А.М. О некоторых подходах зарубежных государств к вопросу защиты персональных данных. *Международное право и сравнительное правоведение*. 2024;(2(32):253–261. URL: https://academy-rep.kz/uploads/1025-0a98c9ccbf8d88ecc5a683966aae94ba.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

Amirov AM. On Some Approaches of Foreign Countries to the Issue of Protection Personal Data. *International Law and Comparative Law.* 2024;(2(32):253–261. URL: https://academy-rep.kz/uploads/1025-0a98c9ccbf8d88ecc5a683966aae94ba.pdf (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)

9. Кузнецов А.А., Шахбазов Г.А. Проблемы реализации права на неприкосновенность частной жизни. *Тенденции развития науки и образования.* 2024;105–7:72–75. https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-336

Kuznetsov AA, Shakhbazov GA. Problems of Implementation of the Right to Privacy. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya (Trends in Development of Science and Education)*. 2024;105–7:72–75. https://doi.org/10.18411/trnio-01-2024-336 (In Russ.)

10. Карнаушенко Л.В. Неприкосновенность частной жизни граждан в современном «технологизированном» государстве: теоретико-прикладной анализ. *Философия права.* 2017;(2(81)):95–99.

Karnaushenko LV. The Immunity of Citizens' Private Life in the Modern “Technological” State: Theoretical And Applied Analysis. *Philosophy of Law*. 2017;(2(81)):95–99. (In Russ.)

11. Сафарзода Ш.И., Касимова Ф.А. Понятие и содержание права на неприкосновенность частной жизни по законодательству Республики Таджикистан. *Государствоведение и права человека.* 2020;3(19):43–51.

Safarzoda ShI, Kasimova FA. The Concept and Content of the Right to Privacy under the Legislation of the Republic of Tajikistan. *Gosudarstvovedenie i prava cheloveka (Political Science and Human Rights)*. 2020;3(19):43–51. (In Russ.)

12. Бунова И.И. Нарушение права на неприкосновенность частной жизни лица посредством разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, с использованием цифровых технологий. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право».* 2024;24(3):7–11. https://doi.org/10.14529/law240301

Bunova II. Violation of the Right to Private Life of a Person by Disclosing Information Containing Medical Secrets Using Digital Technologies. *Bulletin of South Ural State University. Series “Law”*. 2024;24(3):7–11. https://doi.org/10.14529/law240301 (In Russ.)

13. Волкова Г.Е. Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху. *Философия права.* 2022;(4(103)):174–180.

Volkova GE. The Right to Privacy in the Digital Age. *Philosophy of Law*. 2022;(4(103)):174–180. (In Russ.)

14. Иванова К.А. Право граждан на защиту геолокации и конфиденциальность в сети Интернет. *Актуальные проблемы российского права.* 2020;15(9(118)):32–38. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.032-038

Ivanova KA. Citizens’ Right to Protection of Geolocation and Privacy on the Internet. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(9(118)):32–38. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.032-038 (In Russ.)

15. Гарчева Л.П. О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки.* 2022;8(74)(1):13–19. https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19

Garcheva LP. On the Risks of Human Rights Violations in the Context of Digitalization. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki (Scientific Notes of the Crimean Federal University Named after V.I. Vernadsky. Legal sciences).* 2022;8(74)(1):13–19. https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-13-19 (In Russ.)

16. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации. *Век глобализации.* 2020;(3(35)):54–70.

Buryanov MS. Global Digital Human Rights in the Context of Digitalization Risks. *Vek globalizatsii (Age of Globalization)*. 2020;(3(35)):54–70.

17. Ширшиков А.С. Мошенничество как вид цифровой преступности. *Молодой ученый.* 2022;51(446):591–594.

Shirshikov AS. Fraud as a Type of Digital Crime. *Young Scientist*. 2022;51(446):591–594. (In Russ.)

Об авторе:

Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, lenarnd1008@mail.ru

Conflict of Interest Statement: **the author declares no conflict of interest.**

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 02.02.2025
Поступила после рецензирования / Revised 01.03.2025
Принята к публикации / Accepted 05.03.2025

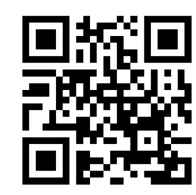
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

УДК 349.6

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-53-59

Оригинальное теоретическое исследование

EDN: UBHVTY

Эколого-правовые аспекты устойчивого развития: потенциал «Арктического гектара»

О.И. Шарно ✉
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
✉ sharnoksana@yandex.ru

Аннотация
Введение. Русская Арктика вызывает научный и практический интерес преимущественно в части экономического и социального развития, определения границ арктических регионов, взаимодействия и разграничения полномочий федерального центра и субъектов Российской Федерации. Однако для обеспечения безопасности страны и достижения национальных стратегий устойчивого развития не менее важны вопросы охраны окружающей среды арктической климатообразующей части России, проблемы землепользования, защиты прав и законных интересов коренных малочисленных народов, населяющих Арктику. Цель данного исследования заключается в поиске и обосновании эколого-правового потенциала программы «Арктический гектар» для устойчивого развития Арктической зоны России.
Материалы и методы. При проведении исследования применялись диалектико-материалистический, формально-юридический, логический методы научного познания, которые позволили сопоставить имеющиеся научные данные и результаты исследований с действующими положениями нормативных правовых актов относительно устойчивого развития Арктики.
Результаты исследования. Выявлено, что слабым местом устойчивого развития Арктической зоны является эколого-правовой аспект: несмотря на внушительный объем нормативных актов, до настоящего времени не устранены проблемы распределения территорий традиционного природопользования, рекультивации нарушенных тундровых земель, климатических рисков, защиты особо охраняемых природных территорий в границах распределения «Арктического гектара» и др. Обозначены актуальные вопросы эколого-правового характера для усовершенствования нормативного регулирования и успешной реализации программы «Арктический гектар».
Обсуждение и заключение. Исследование выявило недостатки правового обеспечения программы развития Русской Арктики, а именно уклон в социально-экономическую область. Потенциал «Арктического гектара» состоит в создании эффективного эколого-правового режима, регламентирующего использование и развитие данной территории с позиции ее природоохранного значения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG, Арктический гектар, Дальневосточный гектар, землепользование, экологическая безопасность, Арктика

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Шарно О.И. Эколого-правовые аспекты устойчивого развития: потенциал «Арктического гектара». *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(1):53–59. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-53-59

Original Theoretical Research

Legal Ecology Aspects of Sustainable Development: Potential of the "Arctic Hectare" Program

Oksana I. Sharno ✉

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
✉ sharnoksana@yandex.ru

Abstract
Introduction. The issues of economic and social development, determining the boundaries of the Arctic regions, interaction and differentiation of powers between the Federal centre and the subjects of the Russian Federation – these are the issues of prioritised scientific and practical interest whenever Russian Arctic is concerned. However, for ensuring the security of the country and reaching the goals of the national policy on sustainable development, the issues of environmental protection of the climate-forming Arctic part of Russia, the problems of land use, protection of the rights and legitimate interests of the Arctic scanty indigenous peoples are no less important. The aim of the study is to find and substantiate the legal ecology potential of the "Arctic hectare" program in the context of sustainable development of the Arctic Zone of Russia.
Materials and Methods. The study was carried out using the dialectical-materialistic, dogmatic legal, and logical methods of scientific cognition, which made it possible to compare the available scientific data and research results to the provisions of the acting regulatory legal acts on sustainable development of the Arctic.
Results. The legal ecology aspects were found to be the weak point in the Arctic Zone sustainable development: despite the bulk amount of the normative legal acts, the problems of distributing the territories of traditional nature management, reclamation of disturbed tundra lands, climate risks, preservation of the specially protected natural territories within the boundaries of the "Arctic hectare" allocation, etc. have not been solved yet. The topical legal ecology issues on improving the regulatory framework and successful implementation of the "Arctic hectare" program have been identified.
Discussion and Conclusion. The study has revealed the shortcomings in the legal framework of the Russian Arctic development program, namely its bias towards the socio-economic sphere. The potential of the "Arctic hectare" lies in creation of the efficient legal ecology regime regulating the use and development of this territory from perspective of its environmental significance.

Keywords: sustainable development, ESG, Arctic hectare, Far Eastern hectare, land use, environmental safety, Arctic

Acknowledgements. The author is grateful to the reviewer for critical evaluation of the material and suggestions for its improvement, which contributed to enhancement of the quality of the article.

For Citation. Sharno OI. Legal Ecology Aspects of Sustainable Development: Potential of the "Arctic Hectare" Program. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):53–59. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-53-59

Введение. Развитие Русской Арктики сталкивается с серьезными проблемами: сложные климатические и природные условия, таяние арктических ледников, масштабное освоение Севера, расширение Арктической зоны новыми районами и территориями в рамках реализации программ «Дальневосточный гектар» и «Арктический гектар», запуск новых проектов, сопровождаемых негативным воздействием на окружающую среду, – все это в совокупности предопределило контуры актуальных экономических и социальных реалий, привлекающих внимание с позиции экологической повестки. Анализ правового регулирования во многом обнаруживает признаки деэкологизации: освоение и застройка территорий, мероприятия по улучшению демографической ситуации и повышению экологической культуры, использование природных ресурсов, внедрение современных технологий происходят стихийно и не отвечают требованиям и целям устойчивого развития. Для устойчивого развития Арктики следует сбалансировать межотраслевые факторы (экологические, социальные, экономические), скоординировать действия в области управления и контроля, перейти с деградационного природопользования на рациональное, установить экологическую доминанту в вопросе обеспечения национальной безопасности с учетом национальных интересов, в том числе интересов коренных малочисленных народов.

В программе «Арктический гектар», реализуемой в рамках федерального законодательства[1], можно выделить следующие содержательные элементы:

[1] *Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.* Федеральный закон № 119-ФЗ от 01.05.2016 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 15.01.2025).

понятийный (это процедура предоставления земельных участков гражданам РФ в целях решения социально-экономических задач и развития арктических территорий);

организационный (особенности управления, кадастрового учета, формирования земельных участков, вовлечения неиспользуемых земель, закрепления межевых знаков в условиях вечной мерзлоты [1], выявления и определения территорий для предоставления гражданам [2]);

стоимостный (бесплатность выделения и предоставления земельных участков);

идентификационный (площадь земельных участков – 1 га, местоположение – в границах конкретных арктических субъектов, не подпадающих под программу «Дальневосточный гектар»);

целевой (использование земельных участков для жилищного строительства, преимущественно индивидуального, и бизнеса, в большей степени туризма, сельскохозяйственного производства, лесозаготовки, промысла);

правоустанавливающий (земельные участки предоставляются изначально на праве аренды с последующим оформлением в собственность в случае надлежащего освоения);

субъектный (выделение земельных участков гражданам РФ, с акцентом на социальную незащищенность и (или) множественность лиц (предоставление кооперативам, многодетным и т.п. вплоть до 10 га).

Приведенный перечень демонстрирует явный крен программы в сторону социально-экономического развития. Природоохранная составляющая в плане реализации «Арктического гектара» отсутствует, что и обуславливает цель данного исследования – поиск и обоснование эколого-правового потенциала устойчивого развития Арктической зоны России.

Материалы и методы. При проведении исследования применялся формально-юридический метод, который позволил увидеть многоаспектность категории «Арктический гектар», конкретизировать терминологию устойчивого развития, ESG, а также определить место экологической составляющей устойчивого развития Арктики. Диалектико-материалистический метод познания действительности и ее эволюционного преобразования обеспечил возможность обосновать причины и последствия применения средств эффективного развития Севера в социально-экономическом, демографическом и экологическом направлении. Метод описания и синтеза позволил выявить признаки ESG, определить место и назначение ESG в концепции устойчивого развития, отобразить ESG-повестку «Арктического гектара». Научный метод дал возможность сопоставить имеющиеся научные знания и результаты исследований с действующими положениями нормативных правовых актов и определить специфику триединого баланса устойчивого развития Арктики.

Результаты исследования. «Арктический гектар» рассматривается как мегапроект страны [3], программа внутреннего или стратегического развития Арктической зоны [4] посредством туризма [5], сельского хозяйства, расселения граждан из аварийных домов, через строительство индивидуальных и многоквартирных жилых объектов. В «Арктическом гектаре» усматривается механизм повышения эффективности развития Севера [6], в т.ч. демографический рост [7], при этом приоритет отдается социально-экономическому направлению [8, 9]. Подобный подход противоречит целям устойчивого развития, тенденциям повестки ESG (Environmental, Social, Governance), где ответственное отношение к окружающей среде, экологии (E), соответствует значению социальной ответственности, политике (S), качественному корпоративному либо государственному управлению, не исключающему частно-государственное партнерство (G). Следовательно, ESG-повестка «Арктического гектара» должна включать природоохранную составляющую в силу уникальности этого климатообразующего региона как трансграничной территории. Более того, сохранение экологического благополучия должно превалировать над экономическим развитием Арктической зоны, состав которой с 1989 г. неоднократно видоизменялся[2].

В итоге, в состав арктических субъектов включены: *республики* – Карелия (Беломорский, Лоухский, Кемский муниципальные районы), Саха (Якутия) (районы Абыйского, Аллаиховского, Анабарского национального (долгано-эвенкийского), Булунского, Верхнеколымского, Среднеколымского, Усть-Янского, Эвено-Бытантайского национального улусов, а также Верхоянский, Жиганский национальный эвенкийский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский эвенкийский национальный районы); *края* – Красноярский (город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район); *области* – Мурманская, Архангельская (города Архангельск и Новодвинск, Мезенский, Приморский и Онежский муниципальные районы, Новая Земля, Северодвинск); *автономные округа* – Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский. Помимо перечисленных сухопутных территорий, в состав арктического региона включены *земли, острова, группы островов*, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса с конкретизацией со времен СССР, в части уточнения конкретных границ - в пределах между меридианом 32 градуса 4 минуты 35 секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак

[2] Решение Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989. URL: https://arctic.narfu.ru/infologia-arktiki/gosudarstvennaya-politika-v-arktike (дата обращения: 15.01.2025).

на мысе Кекурский, и меридианом 168 градусов 49 минут 30 секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомида в Беринговом проливе[3], а также *внутренние морские воды, территориальное море*; *исключительная экономическая зона; континентальный шельф*.

Оценка эффективности устойчивого развития арктических регионов производится по различным показателям, например, посредством рейтинга «Полярный индекс», ESG-рейтинга и других критериальных инструментов, с учетом интересов основных участников. Эти практики используются и в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации[4]. Триада факторов устойчивого развития (баланс экологического, социального и экономического факторов) лежит в основе международного «мягкого» права и национальных нормативных актов, таких как Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Земельный, Лесной, Водный кодексы, законодательство о землеустройстве, обороте земель сельскохозяйственного назначения, мелиорации земель, иные правовые источники об освоении недр Арктики, развитии Северного морского пути и многочисленные подзаконные нормативные акты природоресурсного и природоохранного назначения, в т.ч. регламентирующие вопросы «Арктического гектара». Достаточно подробно их анализ приведен в соответствующих исследованиях [10].

Ориентация на международные стандарты, главным из которых остается Глобальная инициатива отчетности (Global Reporting Initiative, GRI), сохраняется. В ноябре 2023 г. Министерство экономического развития РФ представило новый стандарт ESG-отчетности, который использовал ключевые принципы европейского регулирования, например, принцип двойной существенности, состоящий во взаимообусловленном воздействии как внутригосударственного явления на внешний мир, так и факторов устойчивого развития на внутреннее положение, в том числе финансовое. В рамках принципов европейского регулирования уделялось внимание управлению и стратегии в области устойчивого развития, а также риск-менеджменту в этой сфере. Например, очевидно, что наличие климатических рисков, вытекающих из таяния грунтов многолетней мерзлоты, может повлечь экологические катастрофы и кризисы. Это, в свою очередь, потребует значительных экономических затрат, скажется на хозяйственной и иной антропогенной деятельности, включая реализацию программы «Арктический гектар». Аналогично учитывается применение CSRD (набор обязательных требований к ESG в виде Директивы корпоративной отчетности в области устойчивого развития) и ESRS (Европейские стандарты отчетности об устойчивом развитии), и вносятся соответствующие изменения в закон[5].

ESG-повестка «Арктического гектара» отражает вектор развития российского ESG, на который существенно влияет геополитическая ситуация в мире. Отечественный ESG ориентируется все больше на Восток, Юго-Восточную Азию, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, при этом европейское направление не утрачивает своего значения. Торговые партнёры Евросоюза, пересекаемые тренды ESG и климатические политики Китая, Индии и ряда европейских стран вносят изменения в регулирование в области устойчивого развития в соответствии с международными стандартами. Очевидно, что для развития Арктической зоны, местоположение которой предопределяет пересечение межгосударственных интересов, нужны проекты с конкурентными преимуществами. К таковым можно отнести и «Арктический гектар»: он не только расширяет доступ к международному капиталу для реализации соответствующих проектов, но и демонстрирует синтез межгосударственных «течений», отражает специфику баланса триады факторов устойчивого развития Арктики, включающую экологические ограничения наряду с экономическими и социальными потребностями.

Регуляторный механизм устойчивого развития Арктической зоны, арктических регионов и применяемого в этом направлении «Арктического гектара» в целом демонстрирует соответствие международным стратегиям устойчивого развития, а также достижение целей государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»[6]. Вместе с тем, несмотря на внушительный объем нормативных актов, до настоящего времени не устранены проблемы распределения территорий традиционного природополь-

[3] *О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации.* Федеральный закон № 193-ФЗ от 13.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 15.01.2025).

[4] *О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года*. Указ Президента Российской Федерации № 645 от 26.10.2020. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202010260033 (дата обращения: 15.01.2025).

[5] *Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*. Федеральный закон № 119-ФЗ от 01.05.2016. URL:http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=102456104&backlink=1&&nd=102396725 (дата обращения: 15.01.2025).

[6] *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»*. Постановление Правительства Российской Федерации № 484 от 30.03.2021. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349853&backlink=1&&nd=602136938 (дата обращения: 15.01.2025).

зования, рекультивации нарушенных тундровых земель, климатических рисков, защиты особо охраняемых природных территорий в границах распределения «Арктического гектара» и др. Доработки и регулярной актуализации требует и база данных «Арктического гектара»: нередки случаи, когда фактическое и юридическое местоположение выбранных дистанционно земельных участков отличалось, в т.ч. в разрезе природопользования и охраны окружающей среды. Также при выборе участков отсутствует информация о наличии природных объектов, особенностей ландшафта, форм рельефа, в результате предполагаемый способ использования земельных участков сложно впоследствии реализовать.

«Арктический гектар», в отличие от дальневосточной программы, направлен на предоставление земель вблизи городов, в которых сконцентрирована большая часть населения этих территорий. Поэтому здесь наблюдаются трудности с подъездом к выделенным земельным участкам, их электрификацией и инфраструктурой. К данной группе проблем следует также отнести: сложности закрепления межевых знаков в условиях вечной мерзлоты; выявление, определение, качественный кадастровый учет территорий для предоставления по запросу участников программы «Арктический гектар»; отсутствие утвержденного проекта межевания территории, в границах которой предстоит образовать земельный участок; предоставление земельных участков в собственность (особенно когда имеются коллизии по разрешенному использованию бывших земель лесного фонда, переведенных в земли населенных пунктов). Эти и другие проблемы эколого-правового характера существенно влияют на потенциал программы, мешая устойчивому развитию Арктики.

Обсуждение и заключение. Залогом успешной реализации государственной программы «Арктический гектар» является регулирование факторов устойчивого развития Арктики как природного объекта. Основываясь на опыте внедрения «Дальневосточного гектара» [11, 12], можно спрогнозировать трудности, с которыми столкнется арктический проект, чтобы своевременно устранить их, создав эколого-правовой режим, регламентирующий использование и развитие территории Арктики с позиции ее природоохранного значения. Если же приоритет будет отдан экономико-социальному развитию, это создаст в Арктике серьезные экологические угрозы и «очередные вызовы» окружающей среде [13], чего никак нельзя допустить.

Список литературы / References

1. Волкова Л.Н., Волков В.И. Совершенствование способов закрепления межевых знаков в условиях многолетнемерзлых грунтов. В: *Труды II Межвузовской научно-практической конференции «Современные тенденции в кадастрах, землеустройстве и геодезии» (17–18 марта 2022 г.).* Санкт-Петербург: СПбГАСУ; 2022. С. 24–39.

Volkova LN, Volkov VI. Improvement of Methods of Fixing Boundary Signs in the Conditions of Permafrost Soils. In: *Proceedings of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference "Modern Trends in Cadastres, Land Management and Geodesy" (March 17–18, 2022*). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering Publ.; 2022. P. 24–39. (In Russ.)

2. Самончик О.А. Определение территорий для предоставления «Арктических гектаров»: проблемы правового регулирования. *Аграрное и земельное право*. 2022;(12(216)):28–31. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_28

Samonchik OA. Definition of Territories for the Provision of "Arctic Hectares": Problems of Legal Regulation. *Agrarian and Land Law*. 2022;(12 (216)):28–31. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_12_28 (In Russ.)

3. Шендрик Ю.В., Терещенко Т.Ю. Арктический гектар – мегапроект страны: состояние и тенденции развития. *Московский экономический журнал*. 2022;7(12):2. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_708

Shendrik YuV, Tereshchenko TYu. Arctic Hectare – Mega Project of the Country: Status and Development Trends. *Moscow Economic Journal*. 2022;7(12):2. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_12_708 (In Russ.)

4. Пугина А.И. Реализация одной из программ внутренней политики по развитию Арктической зоны Российской Федерации «Арктический гектар». *Научный лидер*. 2021;(23(25)):17–20.

Pugina AI. Implementation of One of the Programs of Home Policy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation "Arctic Hectare". *Nauchnyi lider (Academic Superviser).* 2021;(23(25)):17–20. (In Russ.)

5. Терютина М.М. Развитие туризма в Арктике на фоне изменения климата: каковы перспективы «арктического гектара». *Аграрная наука*. 2021;(3):107–112. https://doi.org/10.32634/0869-8155-2021-346-3-107-112

Teryutina MM. Development of Tourism in the Arctic against the Background of Climate Change: What are the Prospects for the "Arctic Hectare". *Agrarian Science*. 2021;(3):107–112. https://doi.org/10.32634/0869-8155-2021-346-3-107-112 (In Russ.)

6. Соколов В.В., Волкова Я.А. Предоставление земельных участков как механизм повышения эффективности развития Севера Российской Федерации. *Московский экономический журнал*. 2022;7(3):10. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_166

Sokolov VV, Volkova JA. Provision of Land Parcels as a Mechanism for Increasing the Efficiency of Development of the North of the Russian Federation. *Moscow Economic Journal*. 2022;7(3):10. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_166 (In Russ.)

7. Сериков С.Г., Ганина Т.Н. Развитие российского Дальнего Востока и Арктики: демографический аспект. *Вестник университета*. 2021;(4):79–86. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-79-86

Serikov SG, Ganina TN. Development of the Russian Far East and the Arctic: Demographic Aspect. *Vestnik Universiteta (University Bulletin)*. 2021;(4):79–86. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-79-86 (In Russ.)

8. Варава А.О. Экономико-правовые аспекты развития Дальнего Востока и Арктики. В: *Труды III Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие регионов России: тенденции, проблемы, перспективы». Волгоград 2022.* |Москва: ООО «Сфера»; 2022. С. 115–118.

Varava AO. Economic and Legal Aspects of the Development of the Far East and the Arctic. In: *Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference "Socio-Economic Development of the Regions of Russia: Trends, Problems, Prospects". Volgograd 2022*. Moscow: "Sfera", LLC, Publ.; 2022. P. 115–118. (In Russ.)

9. Ларина В.Е., Бахтиозин Т.Д. Экономические перспективы освоения Арктического региона в условиях глобального потепления и достижения целей устойчивого развития. В: *Труды III Международной молодежной научно-практической конференции «Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию». Архангельск, 2022.* Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 2022. С. 90–93.

Larina VE, Bakhtiozin TD. Economic Prospects for Development of the Arctic Region under the Conditions of Global Warming and Achieving Sustainable Development Goals. In: *Proceedings of the III International Youth Scientific and Practical Conference "Arctic Research: From Extensive to Integrated Development. Arkhangelsk, 2022*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov Publ.; 2022. P. 90–93. (In Russ.)

10. Сиваков Д.О. Источники экологического права, применяемые в российской Арктике. *Черные дыры в российском законодательстве*. 2022;(1):95–102.

Sivakov DO. Sources of Environmental Law, Used in the Russian Arctic. *"Black Holes" in Russian Legislation*. 2022;(1):95–102. (In Russ.)

11. Куницына Ю.К. Программа «Дальневосточный гектар»: цели разработки и промежуточные итоги реализации. В: *Труды VII Всероссийской конференции с международным участием «Устойчивость региональных систем в условиях глобальных изменений». Архангельск, 02–03 декабря, 2022*. Архангельск: ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство»; 2023. Р. 145–150.

Kunitsyna YuK. The Far Eastern Hectare Program: Development Goals and Interim Results of Implementation. In: *Proceedings of the VII All-Russian Conference with International Participation "Sustainability of Regional Systems in the Context of Global Change". Arkhangelsk, December 02–03, 2022*. Arkhangelsk: "Consulting Information and Advertising Agency", LLC, Publ.; 2023. P. 145–150. (In Russ.)

12. Черных Е.В. Основные преимущества и недостатки программы «Дальневосточный гектар» на примере Сахалинской области. *Молодой ученый*. 2021;(42(384)):137–139.

Chernykh EV. The Main Advantages and Disadvantages of the Far Eastern Hectare Program on the Example of the Sakhalin Region. *Molodoi uchenyi (Young Scientist).* 2021;(42(384)):137–139. (In Russ.)

13. Алексеева Н.А. Правовое регулирование «Арктического гектара» – новые возможности развития региона или очередной вызов окружающей среде. В: *Труды онлайн круглых столов. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. Москва, 2021.* Жаворонкова Н.Г., Воронина Н.П. (ред.). Москва: РГ-Пресс; 2021. С. 297–302.

Alekseeva NA. Legal Regulation of the "Arctic Hectare" – New Opportunities for Regional Development or Another Challenge to the Environment. In: *Proceedings of Online Round Tables. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, 2021*. Zhavoronkova NG, Voronina NP (Eds.). Moscow: RG-Press Publ.; 2021. P. 297–302. (In Russ.)

Об авторе:

Оксана Игоревна Шарно, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-кт Университетский, 100), SPIN-код, ORCID, sharnoksana@yandex.ru

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Oksana I. Sharno, Cand.Sci.(Law), Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, sharnoksana@yandex.ru

***Conflict of Interest Statement:* the author declares no conflict of interest.**

***The author has read and approved the final manuscript*.**

Поступила в редакцию / Received 22.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 21.02.2025
Принята к публикации / Accepted 28.02.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 347.235:338.2
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-60-65

Оригинальное теоретическое исследование

EDN: UHZIMF

Цифровизация процесса торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с применением блокчейн-технологий

Б.Д. Фролов[1], **А.В. Чичкин**[2] ✉
[1] Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация
[2] Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Российская Федерация
✉ chichkin-ogau@yandex.ru

Аннотация
Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности управления государственными земельными ресурсами в Российской Федерации. Успешные примеры внедрения блокчейн-технологий в земельные отношения в других странах демонстрируют значительный потенциал таких решений, однако в России в настоящее время этот вопрос остается малоизученным. Цель статьи – рассмотреть возможности цифровизации процесса торгов по приобретению и аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с использованием блокчейн-технологий, выявить ключевые преимущества, проблемы и перспективы их внедрения.
Материалы и методы. В основу исследования положен компаративный подход, направленный на сравнение и анализ иностранного опыта внедрения блокчейн-технологий для проведения торгов по приобретению или аренде земельных участков. Также использован формально-юридический (догматический) метод.
Результаты исследования. Установлено, что цифровизация торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с использованием блокчейн-технологий существенно повышает прозрачность, безопасность и эффективность этих процедур. Применение новых технологий снижает коррупционные риски, ускоряет процессы и улучшает доступность информации для участников, что подтверждается успешным опытом Эстонии и ОАЭ. Подчеркнуто, что для внедрения блокчейн-технологий в России требуется разработка единых стандартов для цифровых платформ, используемых в этой сфере, что позволит обеспечить совместимость систем и унификацию данных. Предложено предусмотреть юридическое признание электронных сделок и документов, что упростит процесс оформления прав на земельные участки. Делается вывод, что обеспечение защиты данных участников торгов является важным аспектом, требующим принятия дополнительных мер в области кибербезопасности.
Обсуждение и заключение. Внедрение цифровых технологий может значительно упростить проведение земельных торгов, снизить коррупционные риски и ускорить сделки. Важно продолжать исследования, направленные на устранение существующих технических и правовых барьеров и адаптацию международного опыта к российским реалиям, чтобы обеспечить устойчивое развитие системы земельных торгов в будущем.

Ключевые слова: земельные торги, аренда земельных участков, цифровизация процесса торгов, блокчейн-технологии, государственная собственность, муниципальная собственность

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Фролов Б.Д., Чичкин А.В. Цифровизация процесса торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с применением блокчейн-технологий. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):60–65. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-60-65

Original Theoretical Research

Using Blockchain Technologies to Digitalize the Bidding Procedure for Acquisition or Lease of State or Municipal Land Plots

Bogdan D. Frolov[1], **Alexander V. Chichkin**[2] ✉

[1] Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Volgograd, Russian Federation
[2] Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russian Federation
✉ chichkin-ogau@yandex.ru

Abstract
Introduction. The relevance of the study is induced by the need to improve the efficiency of public land resource management in the Russian Federation. Successful examples of other countries on blockchain technology integration into the land regulation process indicate the major potential of such solutions, however, in Russia this issue currently remains poorly studied. The article aims to investigate the possibilities of digitalizing the bidding procedure for acquisition and lease of the state or municipally owned land plots using the blockchain technologies, to identify key advantages of these technologies, problems and prospects of their implementation.
Materials and Methods. The study was based on the comparative approach aimed at evaluating and analysing foreign experience on blockchain technology integration into the land acquisition or lease auction processes. The legalistic (dogmatic legal) method was also used.
Results. It has been found that digitalization of auctions for acquisition or lease of the state or municipally owned land plots using blockchain technologies significantly increases the transparency, security and efficiency of these procedures. The use of new technologies reduces risk of corruption, accelerates processes and improves the accessibility of information to the participants, which has been confirmed by the successful experience of Estonia and the UAE. It has been emphasized that implementation of blockchain technologies in Russia requires the development of uniform standards for digital platforms used in this sphere to ensure compatibility of systems and unification of data. It has been proposed to envisage legal recognition of the electronic transactions and documents, thereby, to simplify the process of registering the rights to land plots. The conclusion about the need to ensure bidders' data protection has been made, which is an important aspect requiring adoption of additional measures in the field of cybersecurity.
Discussion and Conclusion. Implementation of digital technologies can significantly simplify organisation of land auctions, reduce risk of corruption and accelerate the transactions. It is important to continue research on the ways of removing the existing technical and legal barriers and adapting the international experience to the Russian reality to ensure sustainable development of the land auction system in the future.

Keywords: land auctions, land plot lease, digitalization of bidding procedure, blockchain technologies, state property, municipal property

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the reviewer for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof, which enhanced the quality of the article.

For Citation. Frolov BD, Chichkin AV. Using Blockchain Technologies to Digitalize the Bidding Procedure for Acquisition or Lease of State or Municipal Land Plots. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):60–65. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-60-65

Введение. В последние десятилетия в России цифровизация государственных процессов стала одним из ключевых направлений развития информационных технологий. В сфере земельных отношений особенно актуальна цифровизация торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, так как этот процесс традиционно сопровождается бюрократическими сложностями, высокими временными затратами и возможными коррупционными схемами. Торги по продаже или аренде государственной земли представляют собой процедуру, при которой заинтересованные лица подают заявки и участвуют в аукционе, после чего победитель получает право собственности или аренды. В большинстве случаев такие торги проходят либо в офлайн-формате, либо с использованием традиционных электронных систем, которые не всегда обеспечивают достаточную степень защиты и прозрачности. Однако современные технологии, такие как блокчейн, могут радикально изменить этот процесс.

Блокчейн – это технология распределенного реестра, предлагающая принципиально новые возможности для организации земельных торгов. Неизменяемость данных, прозрачность, децентрализованный контроль и воз-

можность использования смарт-контрактов – вот его основные преимущества, позволяющие исключить ряд проблем, характерных для традиционных аукционов. Например, с помощью блокчейна можно исключить возможность манипуляций с заявками, обеспечить открытый доступ к информации о торгах и автоматизировать процесс заключения сделок. Есть успешные примеры внедрения блокчейн-технологий в земельные отношения за рубежом, однако в России этот вопрос остается пока малоизученным. Цель статьи – рассмотреть возможности цифровизации процесса торгов по приобретению и аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, с использованием блокчейн-технологий, выявить ключевые преимущества, проблемы и перспективы их внедрения.

Материалы и методы. При написании работы за основу был взят компаративный подход, направленный на сравнение и анализ зарубежного опыта внедрения цифровизации, в частности, блокчейн-технологий, для проведения торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в муниципальной или государственной собственности. Также использовался формально-юридический (догматический) метод при изучении релевантных юридических фактов и научных работ.

Результаты исследования. Внедрение цифровых технологий играет важную роль в управлении земельными ресурсами, позволяя автоматизировать регистрацию, мониторинг и проведение торгов. В докладе Всемирного банка за 2020 г.[1] подчеркивается, что цифровизация способствует увеличению прозрачности процессов и снижению уровня коррупции. В частности, в развивающихся странах внедрение цифровых технологий позволило сократить коррупционные риски на 30 %, что связано с минимизацией человеческого фактора. Цифровые платформы обеспечивают доступ к информации в режиме реального времени и упрощают контроль за соблюдением процедур. Н.А. Коржова отмечает, что «цифровая экономика – это инновационная экономика, основанная на использовании цифровых технологий во всех областях, включая управление земельными ресурсами и торговлю» [1, с. 53]. Таким образом, цифровизация становится инструментом повышения эффективности и доверия к процессам проведения земельных торгов.

Государственные органы играют ключевую роль в процессе цифровизации торгов по приобретению или аренде земельных участков, так как их участие необходимо для создания актуальной нормативно-правовой базы. Без утверждения соответствующего законодательства и стандартов внедрение цифровизации не будет эффективным. Вместе с тем, технологии распределенного реестра уже применяются в государственных структурах для повышения гарантий каналов поставок товаров и ведения земельного кадастра. В целом, в рамках цифровизации земельных торгов государственные органы выполняют множество функций: разрабатывают и внедряют платформы для проведения торгов, обеспечивая их доступность и удобство для пользователей; контролируют соблюдение правил и процедур, способствуя повышению прозрачности и справедливости торгов; информируют граждан и бизнес о возможностях использования цифровых решений, повышая уровень доверия к системе.

Современные технологии, используемые для цифровизации торгов, включают широкий спектр решений, направленных на автоматизацию и оптимизацию процессов. Одним из ключевых инструментов являются платформы для электронных аукционов, которые обеспечивают удобный доступ к торгам и повышают их прозрачность. В России функционирует портал «Росэлторг», позволяющий проводить электронные аукционы на приобретение или аренду земельных участков. Эти системы не только способствуют снижению уровня коррупции, но и упрощают доступ к участию в торгах для всех заинтересованных сторон. Важной особенностью современных технологий является их способность интегрироваться с другими национальными системами кадастра [2].

Блокчейн-технология представляет собой распределённую базу данных, состоящую из последовательных блоков информации, связанных с использованием криптографических методов. Впервые эта технология была предложена в 2008 г. Сатоши Накамото в контексте создания криптовалюты Биткойн. Основная идея блокчейна заключается в обеспечении прозрачности и безопасности данных за счёт хранения информации в децентрализованной сети, где каждый участник имеет доступ к идентичным копиям записей. Это исключает необходимость в центральном управляющем органе и способствует созданию доверия между участниками. Благодаря хронологической записи и публичному подтверждению транзакций всеми участниками сети, блокчейн обеспечивает невозможность фальсификации данных [3].

Специалисты утверждают, что блокчейн может трансформировать сферу недвижимости, предоставляя более прозрачные и эффективные механизмы для проведения торгов. Ключевыми принципами работы блокчейна являются децентрализация, неизменяемость записей и использование криптографических методов. Децентрализация подразумевает хранение данных на множестве узлов сети, что делает систему устойчивой к атакам и сбоям.

[1] Группа Всемирного Банка. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report (дата обращения: 01.02.2025).

Неизменяемость записей обеспечивается добавлением новой информации в виде блока, который связан с предыдущим с помощью криптографического хэша. Это делает невозможным изменение данных без согласия всех участников сети. Криптографические методы защищают данные от несанкционированного доступа, что делает блокчейн надежным инструментом для хранения и передачи информации. При этом источником информации для земельных ресурсов служат электронные цифровые карты, созданные на основе специальных программ [4].

Одним из ключевых преимуществ внедрения блокчейн-технологий в земельные торги является обеспечение прозрачности всех операций. Децентрализованная природа блокчейна и неизменяемость записей в реестре позволяют фиксировать каждую транзакцию, доступную для проверки всеми участниками системы. Это исключает возможность скрытия или изменения данных, что значительно снижает вероятность коррупционных действий. Согласно исследованию Transparency International, использование блокчейн-технологий может привести к снижению коррупционных рисков в государственных закупках на 30 % благодаря полной прозрачности транзакций. Таким образом, блокчейн становится мощным инструментом в борьбе с коррупцией и повышении доверия к системе земельных торгов.

Другим важным аспектом использования блокчейна в земельных торгах является упрощение и ускорение процессов. Традиционные методы оформления сделок включают множество этапов и требуют значительного времени на проверку и согласование данных. «С переходом к цифровым формам кадастровые данные стали более доступными и удобными для использования. Это позволило сократить время на обработку информации и снизить вероятность ошибок» [5]. Блокчейн позволяет автоматизировать многие процессы благодаря смарт-контрактам, обеспечивающим автоматическое выполнение условий сделки. Например, в ОАЭ внедрение блокчейн-системы для управления земельными торгами сократило время обработки сделок с нескольких дней до нескольких часов, что демонстрирует потенциал технологии в повышении эффективности и удобства для всех участников[2].

Среди существующих платформ для цифровизации торгов заслуживает внимания решение, продемонстрировавшее свою эффективность в Эстонии. Платформа e-Land Registry управляет земельными ресурсами страны и проводит торги в цифровом формате, что обеспечило повышение прозрачности процессов на 25 % и сокращение времени на проведение торгов на 40 % – весомые доказательства успешности [6]. При этом важно учитывать, что «данная технология продолжает развиваться и приобретает все больший интерес для правительства и компаний, в том числе жилой и нежилой недвижимости». Подчеркнем, что государственные органы Эстонии активно участвовали в разработке, внедрении и последующем сопровождении системы e-Land Registry.

Традиционные подходы к проведению земельных торгов обычно включают использование бумажных документов и централизованных систем управления данными. Это делает процесс уязвимым к человеческому фактору, что в свою очередь создает риск ошибок и злоупотреблений [7]. В отчёте Всемирного банка за 2018 г.[3] указано, что в 70 % стран процессы земельной регистрации характеризуются непрозрачностью, что увеличивает вероятность коррупции. При этом такие системы часто требуют значительных временных и финансовых затрат на проверку и обработку данных, что замедляет проведение торгов и снижает их эффективность. Системы, основанные на блокчейне, способны повысить эффективность процессов закупок, логистики и платежей, а также сократить ручную обработку импортной и экспортной документации [3].

Внедрение цифровых технологий и блокчейн-платформ в процесс торговли земельными участками сталкивается с рядом технических сложностей и ограничений. Одной из главных проблем является отсутствие стандартов и унифицированных подходов к разработке и интеграции блокчейн-решений, что затрудняет их масштабирование и адаптацию к различным условиям. В среднем около 90 % проектов по внедрению блокчейна не достигают стадии реализации именно из-за этих факторов. Высокая стоимость разработки и поддержки таких систем также может стать непреодолимым барьером, особенно для развивающихся стран. Кроме того, необходимость обеспечения кибербезопасности и защиты данных требует дополнительных ресурсов и технических знаний. То есть успешная реализация блокчейн-решений в сфере торговли земельными участками должна учитывать как экономические, так и образовательные аспекты.

Внедрение цифровых технологий и блокчейна в процесс земельных торгов сталкивается не только с техническими сложностями, но и с социально-экономическими, институциональными и психологическими барьерами. Исследование международной Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подчеркивает, что успешное внедрение цифровизации требует значительного повышения уровня цифровой грамотности среди государственных служащих и конечных пользователей, что особенно актуально в странах с недостаточно разви-

[2] Nick Ismail. *All land transactions in Dubai to be conducted through the blockchain.* URL: https://www.information-age.com/land-transaction-dubai-government-blockchain-8171/ report (дата обращения: 01.02.2025).
[3] Группа Всемирного Банка. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report (дата обращения: 01.02.2025).

той цифровой инфраструктурой и образованием, население которых сталкивается с технологическими и психологическими трудностями в освоении новой реальности [8]. Тормозят внедрение инноваций и институциональные барьеры, включая сопротивление изменениям внутригосударственных структур и недостаточную координацию между различными ведомствами, и отсутствие четкой нормативно-правовой базы для регулирования цифровых процессов.

Одной из основных проблем цифровизации земельных торгов является недостаточная интеграция существующих кадастровых систем. Данные о земельных участках, их правовом статусе и текущих торгах разрознены между различными ведомствами, что создает неудобства для участников торгов и снижает прозрачность процессов. Кроме того, пробелы в стандартизации данных приводят к ошибкам и задержкам при их обработке. Важно отметить, что изменения земельных ресурсов должны оперативно наноситься на электронно-цифровые карты, что обеспечивает современный уровень учета земель [4].

Для успешной цифровизации земельных торгов необходимы изменения в законодательной базе. В первую очередь требуется разработка и внедрение единых стандартов для цифровых платформ, используемых в этой сфере, что обеспечит совместимость систем и унификацию данных. Следует также предусмотреть юридическое признание электронных сделок и документов, что упростит процесс оформления прав на земельные участки. Обеспечение защиты персональных данных участников торгов является важным аспектом, требующим принятия дополнительных мер в области кибербезопасности.

Обсуждение и заключение. Исследование подтвердило, что цифровизация процесса торгов по приобретению или аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, является ключевым фактором повышения прозрачности и эффективности данных процедур. Внедрение инновационных технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, необходимо для развития общества и государства. А.П. Анисимов и С.В. Рыбак, безусловно, верно отмечают, что в любом случае, вне зависимости от итогов идущих правовых или этических дискуссий, «будущее – именно за нейросетью как принципиально новым информационным ресурсом. А с нами или без нас – это уже решать нам самим» [9].

Дальнейшие исследования в области цифровизации земельных торгов должны быть направлены на устранение существующих технических и институциональных барьеров, а также на разработку универсальных решений, подходящих для различных регионов страны. Важным направлением является изучение влияния глобальных трендов на локальные практики и адаптация успешных международных подходов. Особое внимание следует уделить развитию кадрового потенциала и совершенствованию законодательной базы, что станет основой для успешного внедрения новых технологий. Перспективы цифровизации земельных торгов открывают значительные возможности для повышения доверия к процессам управления земельными торгами и их устойчивого развития.

Список литературы / Reference

1. Коржова Н.А., Филимонов А.А. Цифровая экономика в бухгалтерском учете. *Научное обозрение. Педагогические науки.* 2019;(4(4)):53–55.

Korzhova NA, Filimonov AA. Digital Economy in Accounting. *Scientific Review. Pedagogical Science*. 2019;(4(4)):53–55. (In Russ.)

2. Люлькина Н.М. Развитие муниципального рынка аукционных продаж земельных участков для жилищного строительства. *Фундаментальные исследования.* 2015;(6–2):375–376.

Lyulkina NM. Development of the Municipal Market Auction Sale Land for Housing. *Fundamental Research*. 2015;(6-2):375–376. (In Russ.)

3. Головенчик Г.Г. Перспективы и направления использования цифровых технологий на современном этапе экономического развития. *Новости науки и технологий.* 2018;(3(46)):10–11.

Golovenchik GG. Prospects and Directions of Using Digital Technologies at the Present Stage of Economic Development. *News of Science and Technologies*. 2018;(3(46)):10–11. (In Russ.)

4. Карабаева Т. Картографирование земельных ресурсов с использованием ГИС в Узбекистане. *ИнтерКарто. ИнтерГИС.* 2015;21:204–206. https://doi.org/10.24057/2414-9179-2015-1-21-204-206

Qoraboeva T. Mapping of Land Resources Using GIS in Uzbekistan. *InterCarto. InterGIS*. 2015;21:204–206. https://doi.org/10.24057/2414-9179-2015-1-21-204-206 (In Russ.)

5. Алексеева М.В., Подройкина И.А. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2023;1(4):9–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-9-15

Alekseeva MV, Podroykina IA. Modern Tools of the State Governance Transformation in the Digital Economy Settings. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(4):9–15. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-9-15 (In Russ.)

6. Peep V. *Land Administration in Estonia: A Synthesis of Old Institutions and Modern Technology*. URL: https://www.bk-agarwal.com/post/land-administration-in-estonia-a-synthesis-of-old-institutions-and-modern-technology (accessed: 01.02.2025).

7. Вычерова Н.В. Вопросы проведения аукционов по продаже и аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. *Таврический научный обозреватель*. 2016;(12(17)):113–116.

Vycherova NV. Issues of Holding Auctions for the Sale and Lease of State or Municipal Land Plots. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel' (Tavrichesky Scientific Observer)*. 2016;(12(17)):113–116. (In Russ.)

8. Маркушевский Д., Рябова Н., Кухарчик В. *Технологии блокчейн для электронного правительства. Краткий аналитический обзор*. URL: http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/brif_issledovaniya_vozmozhnostey_primeneniya_tehnologii_blockchain_v_gosupravlenii (дата обращения: 01.02.2025).

Markushevsky D, Ryabova N, Kukharchik V. *Blockchain Technologies for E-Government. Brief Analytical Review*. URL: http://sympa-by.eu/sites/default/files/library/brif_issledovaniya_vozmozhnostey_primeneniya_tehnologii_blockchain_v_gosupravlenii (accessed: 01.02.2025). (In Russ.)

9. Анисимов А.П., Рыбак С.В. О некоторых тенденциях и перспективах использования нейросетей в юридической науке. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(4):9–16. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-9-16

Anisimov AP, Rybak SV. About Some Trends and Prospects of Using the Neural Networks in Juridical Science. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(4):9–16. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-9-16 (In Russ.)

Об авторах:

Богдан Дмитриевич Фролов, аспирант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8), ORCID, advokat@bfrolov.ru

Александр Владимирович Чичкин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Оренбургского государственного аграрного университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18), SPIN-код, ORCID, chichkin-ogau@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Б.Д. Фролов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.В. Чичкин: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Bogdan D. Frolov, Postgraduate Student, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (8, Gagarin Str., Volgograd, 400005, Russian Federation), ORCID, advokat@bfrolov.ru

Alexander V. Chichkin, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Jurisprudence Department, Orenburg State Agrarian University (18, Chelyuskintsev Str., Orenburg, 460014, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, chichkin-ogau@yandex.ru

Claimed Contributorship:

BD Frolov: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

AV Chichkin: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию / Received 03.02.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 28.02.2025

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 349.2

Оригинальное теоретическое исследование

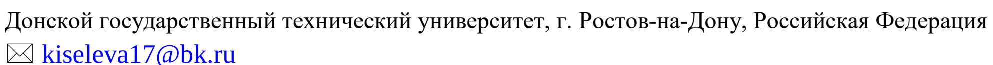
https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-66-74

EDN: UXPTEZ

Дисциплинарная ответственность работников: анализ действующего законодательства и направления для его совершенствования

А.Ж. Киселева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

kiseleva17@bk.ru

Аннотация

Введение. Динамичное развитие трудовых отношений и введение новых форм занятости, таких как дистанционный формат работы, на данном этапе жизненного цикла нашего государства стимулирует законодателя к постоянному совершенствованию нормоположений, регламентирующих взаимоотношения работника и работодателя. Так, в последние два года существенно обновились нормы, связанные с вопросами регламентации труда отдельных категорий работников, оформления трудовых отношений, организации и оплаты работы наставников и т.д. При этом один из немаловажных институтов трудового права – дисциплина труда, и в частности, вопросы привлечения работников к дисциплинарной ответственности, – остается неизменным на протяжении достаточно длительного времени. И, к сожалению, это не свидетельствует о том, что данные нормы совершенны и их практическое применение не вызывает затруднений. Цель данного исследования – анализ нормативной базы и формирование на его основе направлений для совершенствования Трудового кодекса РФ в части дисциплинарной ответственности работников по аналогии со специализированным законодательством, регламентирующим трудовую деятельность отдельных категорий работников (судей, государственных служащих, полицейских и др.).

Материалы и методы. В рамках данной работы автором применялись: общенаучный метод, сравнительный анализ и формально-логический подход к изучению законодательства, регулирующего вопросы применения дисциплинарных взысканий.

Результаты исследования. Недостаточно разработанная в ТК РФ регламентация вопросов дисциплины труда создает проблемы для обеих сторон трудовых правоотношений: работников могут привлечь к дисциплинарной ответственности несправедливо, а работодатели могут подвергнуться риску судебной отмены решения о применении к работнику дисциплинарного наказания и последующего взыскания компенсации морального вреда (а в случае увольнения – еще и взыскание зарплаты за время вынужденного прогула). Автором проанализировано специализированное законодательство, подробно регламентирующее трудовую деятельность судей, прокуроров, сотрудников правоохранительных органов и т.д., и предложены корректировки действующих норм по аналогии с рассмотренными: установление четкой последовательности действий для работодателя при наложении дисциплинарного взыскания; определение на уровне закона, какой конкретно вид ответственности должен быть применен за соответствующий дисциплинарный проступок. Предложено дать легальное определение понятия «ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей» с целью исключения дискриминационной трактовки со стороны работодателя.

Обсуждение и заключение. В свете приведенных примеров четкой нормативной регламентации дисциплинарной ответственности для отдельных категорий работников автором намечены тенденции совершенствования законодательства РФ. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить такие формулировки общих правил применения ответственности к работнику, которые послужат действенной гарантией его защиты от трудовой дискриминации, а для работодателя станут гарантией применения к работникам указанных мер в соответствии с четкими и понятными процедурами, которые в дальнейшем позволят избежать судебных споров.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, взыскание компенсации морального вреда, трудовые отношения, работник, работодатель, прокуратура, судьи, органы внутренних дел

Благодарности. Выражаю большую благодарность редакции журнала за помощь в подготовке данного материала, а также искреннюю признательность главному редактору за возможность размещения исследования в данном журнале.

Для цитирования. Киселева А.Ж. Дисциплинарная ответственность работников: анализ действующего законодательства и направления для его совершенствования. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(1):66–74. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-66-74

Original Theoretical Research

Disciplinary Liability of Employees: Analysis of Acting Legislation and Directions for Its Improvement

Anna Zh. Kiseleva ✉

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ kiseleva17@bk.ru

Abstract
Introduction. The dynamic development of labour relationships and implementation of the new forms of employment, such as distant work, taking place in our state at the present stage of its life cycle, stimulate the legislators to constantly improve the legal norms of employee-employer relationship regulation. Thus, in the last two years, the legal norms regulating labour of the certain categories of employees, the issues of documenting labour relationships, managing and arranging payment for mentors, etc. have been significantly updated. At the same time, one of the important institutions of labour law – labour discipline, and in particular, disciplinary liability of employees – has not been changed for quite a long time. Unfortunately, this does not mean that the norms it is regulated by are perfect and easy to implement in practice. The present research aims to analyse the regulatory framework and take it as the grounds to formulating the directions for improvement of the Russian Federation Labour Code referred to disciplinary liability of employees in analogy to the special laws regulating labour of the certain categories of employees (judges, officers of state, police officers, etc.).
Materials and Methods. The general scientific method, comparative analysis and dogmatic legal approach were used by the author to study the legislation regulating the issues of awarding disciplinary penalties.
Results. Insufficiently well-developed labour discipline regulating provisions in the Labour Code of the Russian Federation cause problems for both parties of labour relationships: employees may be unfairly held disciplinary liable, and employers risk to face the rescission of disciplinary punishment judgment awarded to an employee and subsequent claim for compensation for moral damage (and in the case of dismissal – reimbursement of wages for the period of forced absenteeism). Special laws providing detailed regulation of labour for judges, prosecutors, law enforcement officers, etc. have been analysed, and amendments to the acting legal norms have been proposed in their analogy, i.e.: establishing a clear algorithm for an employer to award a disciplinary penalty; determining at the statutory level the type of liability corresponding to the certain disciplinary offense. It is proposed to provide a juridical definition of a concept of "improper performance of labour duties" to exclude the discriminatory interpretation by an employer.
Discussion and Conclusion. Based on the provided examples of precise regulation of disciplinary liability of the certain categories of employees, the trends for improvement of the Russian Federation legislation have been outlined. Further research is needed to formulate the general norms on application of the employee liability in such a way that would ensure employee the efficient protection from labour discrimination, and employer – possibility to apply the above mentioned penalties in accordance with the precise and understandable procedures saved from subsequent litigation.

Keywords: disciplinary liability, disciplinary offense, disciplinary penalty, claim for compensation for moral damage, labour relationships, employee, employer, prosecutor's office, judges, internal affairs agencies

Acknowledgements. The author would like to express deep gratitude to the editorial board of the journal for assistance in preparing this material, and sincere appreciation to the editor-in-chief for the opportunity to publish the present research in this journal.

For Citation. Kiseleva AZh. Disciplinary Liability of Employees: Analysis of Acting Legislation and Directions for Its Improvement. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(1):66–74. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-66-74

Введение. Право на труд является одной из основных конституционных гарантий для граждан и базой для стабильного развития экономики государства. Основой эффективности любого производства являются качественно подобранные работники, нацеленные на соблюдение установленных работодателем правил и распорядка при осуществлении своей трудовой деятельности. По сути, эти правила и распорядок и призваны обеспечивать стабильную деятельность людей в рамках отдельно взятого предприятия. Любой работодатель сталкивается с тем, что для нормальной работы предприятия необходимо не только создать систему правил, регулирующих поведение людей, но и организовать их неукоснительное соблюдение. Для этих целей закон предоставляет работодателям возможность привлекать работников к дисциплинарной ответственности.

В научной среде вопрос обеспечения нормативного регулирования этой части трудового взаимодействия вызывает значительный интерес. В частности, несмотря на наличие законодательной регламентации в Трудовом кодексе Российской Федерации[1] (далее – ТК РФ), достаточно четко сформировалась точка зрения о необходимости уточнить ряд моментов в регулировании процедур применения дисциплинарной ответственности, в том числе уточнить категории или перечень проступков, за которые будет применен тот или иной вид наказания в сфере труда. Некоторые правоведы (к примеру, В.С. Руденко, М.О. Буянова и др.) даже полагают, что по этому вопросу назрела потребность в принятии специального федерального закона, который бы включил в себя все нормы и детально урегулировал порядок применения дисциплинарного наказания [1–3]. Относясь критически к этой точке зрения, хотелось бы отметить, что она, безусловно, имеет право на существование в рамках научной доктрины. Однако на мой взгляд, законодатель, определяя, что трудовой закон будет существовать в кодифицированной форме, тем не менее не исключил право регионов и муниципалитетов самостоятельно регулировать некоторые вопросы трудовой деятельности, в том числе в некоторых случаях определять порядок применения дисциплинарной ответственности. В любом случае, базовые нормы ТК РФ являются своего рода «конституцией» для федерального, регионального и муниципального нормотворчества, которое должно подчиняться им в полном объеме.

Говоря о регулировании трудовых отношений, нельзя не сказать о такой его особенности, как наличие локальных нормативных правовых актов, которые принимает работодатель единолично либо с учетом мнения работников, и которые имеют силу своего рода закона с пространством действия в рамках конкретной организации и ее трудового коллектива. Эти нормы тоже участвуют в процедурах обеспечения дисциплинарной ответственности. Как правило, такие акты принимаются в форме правил внутреннего трудового распорядка или, если речь об отдельных категориях работников или служащих, – в форме специальных уставов, приказов, регламентов и распоряжений.

Таким образом, дисциплинарный вид ответственности играет, наряду с административной и уголовной ответственностью, немаловажную роль в регулировании правоотношений работодателя и работника, и в настоящее время этот институт трудового права нуждается в обновлении.

Цель данного исследования – анализ действующей нормативной базы и формирование на его основе практических предложений по совершенствованию ТК РФ в части дисциплинарной ответственности работников по аналогии со специализированным законодательством, регламентирующим трудовую деятельность отдельных категорий работников (судей, прокуроров, полицейских, государственных служащих и др.).

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, включая анализ, синтез, индукцию и дедукцию, а также специально-юридические методы, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой анализ. Использованы различные литературные источники (монографии, научные статьи и т.д.), опубликованные в научных базах данных (Elibrary, Scopus и др.), а также нормативные правовые акты, размещенные в справочно-правовой системе КонсультантПлюс.

Результаты исследования. Согласно действующим трудовым нормам, основанием для применения дисциплинарной ответственности всегда является правонарушение работника, связанное с нарушением требований дисциплины труда, то есть дисциплинарный проступок. Безусловно, такой проступок является нарушением правил, определенных работодателем для своей организации или учреждения, а также может быть связан с нарушением общих норм об обязанностях работника и качестве их исполнения, закрепленных ТК РФ. Здесь хотелось бы подробнее остановиться на формулировке «добросовестное исполнение трудовых обязанностей». Несмотря на то, что трудовое законодательство строго формализовано и является, по сути, сводом нерушимых правил, призванных защитить обе стороны трудовых отношений от произвольной трактовки понятий, закон, определяя основания для дисциплинарной ответственности, говорит о «неисполнении или ненадлежащем исполнении» своих трудовых обязанностей. При этом первой обязанностью работника согласно ст. 21 ТК РФ является «добросовестное исполнение своих трудовых обязанностей, возложенных на него трудовым договором» [4]. Таким образом,

[1] *Трудовой кодекс Российской Федерации.* Кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.01.2001. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.01.2025).

мы можем наблюдать включение в норму такого оценочного понятия, как «добросовестность», – увы, без конкретизации, что именно вложено в это слово. В итоге получается, что оценка добросовестности исполнения трудовых обязанностей работником отдается на усмотрение работодателя.

Так, Конституционный Суд РФ отказался принять к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав работодателем, пояснив, что «требования добросовестно выполнять свои трудовые обязанности и соблюдать трудовую дисциплину предъявляются ко всем работникам»[2]. И поскольку данные требования могут конкретизироваться в локальных нормативных актах, руководитель организации, имеющий полномочия применять дисциплинарные взыскания, с помощью локального регулирования определяет самостоятельно, что означает «добросовестно исполнять трудовые обязанности». Ограничения связаны только с тем, чтобы эти акты не ухудшали правового положения подчиненного лица, которое определено законом. На мой взгляд, целесообразно изменить формулировки ст. 21 ТК РФ, исключив термин «добросовестно», поскольку предоставление работодателю права апеллировать оценочным понятием при определении оснований для применения дисциплинарной ответственности может существенно нарушить интересы противоположной стороны трудового отношения.

На основании ст. 192 ТК РФ за совершение дисциплинарного проступка работодатель имеет право применить дисциплинарные взыскания. Указанной нормой закреплено определение понятия «дисциплинарный проступок». Такой проступок обуславливается неисполнением или ненадлежащим исполнением работником по его вине возложенных трудовых обязанностей [5]. Исходя из этого, поводом для дисциплинарного взыскания может стать только выявление работодателем фактов умышленных действий (бездействия) работника, приведших к негативным последствиям – неисполнению или ненадлежащему исполнению трудовых обязанностей. Между тем, закон не регламентирует, что такое неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей должно причинить какой-либо вред непосредственно работодателю либо его имуществу – эти вопросы относятся к сфере материальной ответственности работника, выражающейся в возмещении причиненных убытков.

Представляется, что под неисполнением обязанностей нужно понимать такие действия работника, как, например, отсутствие на рабочем месте в течение времени, установленного его режимом работы. Либо это может быть невыполнение своих прямых функций, отраженных в трудовом соглашении, регламенте или инструкции, либо же определенных в ст. 21 ТК РФ обязанностей. Что касается вопроса о ненадлежащем исполнении, то здесь подразумевается, что обязанности исполняются, но не в полном объеме, некачественно либо несвоевременно. Фактически при ненадлежащем исполнении оценка качества и результативности трудовой деятельности работника опять-таки остается за работодателем, который при решении вопроса о дисциплинарной ответственности должен будет определить, соответствует ли исполнение обязанностей работником тем требованиям, которые закреплены в его должностной инструкции (регламенте) [6]. При этом надо полагать, что если ненадлежащее исполнение обязанностей работником носит сознательный характер либо совершается при неосторожности, то есть в результате легкомысленного отношения к неблагоприятным результатам своих действий (бездействия), то такая ситуация также рассматривается как дисциплинарный проступок (например, употребление алкоголя на рабочем месте). Однако в случае, когда работник неумышленно, а в силу каких-то внешних факторов исполняет свои обязанности некачественно либо не в полном объеме, мы опять сталкиваемся с оценочными понятиями, которые будут трактоваться исключительно по воле работодателя.

С учетом данных рассуждений на практике часто возникает вопрос – справедливо ли работодатель оценил качество работы своего сотрудника, либо же здесь есть личные мотивы с его стороны? На мой взгляд, было бы логично сформулировать нормы, которые внесли бы объективность в применение дисциплинарных наказаний в том случае, когда речь идет именно о некачественной работе, которая повлекла определенные негативные последствия для работодателя в виде нарушения нормального функционирования организации или предприятия. Это необходимо сделать, поскольку есть разные ситуации. Одно дело, когда работник неправильно использовал какой-либо прибор на производстве и это повлекло его поломку, – здесь все предельно просто: независимо от того, умышленно он совершил этот проступок или нет, работник должен нести материальную ответственность (как материально ответственное лицо) и дисциплинарную (как сторона трудового правоотношения), так как имеются негативные последствия для работодателя [7]. Однако в ситуации, когда работник, например, опоздал на работу на час по причине поломки автобуса или личного транспорта, и это не повлекло каких-либо негативных последствий для работодателя, но формально является нарушением режима работы, вопрос о его привлечении к дисциплинарной ответственности обусловлен исключительно волей работодателя и его личным отношением к данному работнику.

[2] *Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киселева Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав абзацами вторым и четвертым части второй статьи 21 и пунктом 5 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации.* Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 2063-О от 24.12.2013. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=158185/ (дата обращения: 20.01.2025).

Законодательством предусмотрены разные виды дисциплинарного взыскания – замечание, выговор и увольнение. Для отдельных видов трудовой деятельности (государственная служба, служба в органах прокуратуры и следственного комитета, трудовая деятельность судей и т.д.) перечень дисциплинарных взысканий расширен специальными федеральными законами или иными актами. Однако закон не содержит перечень дисциплинарных проступков в соотнесении с видами ответственности, которые будут применяться за их совершение [8]. То есть работодатель волен сам определить, применять ли ему за той или иной проступок замечание, выговор либо увольнение. По этому поводу Верховный суд РФ разъяснил, что «обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дел об оспаривании дисциплинарного взыскания или о восстановлении на работе и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение им при применении к работнику дисциплинарного взыскания, вытекающих из статей 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции РФ[3] и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно и дисциплинарной, ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм». Таким образом, суд, рассматривая спор о законности дисциплинарного взыскания, может сделать вывод о несоразмерности избранной меры наказания работодателем.

По этому поводу в научной среде широко распространено мнение о том, что трудовое законодательство должно определять, за какие конкретно проступки могут применяться те или иные виды дисциплинарных взысканий. На мой взгляд, с учетом уже сформировавшейся судебной практики [9], целесообразно включить в законодательство нормы, которые определили бы, что за незначительные проступки (не повлекшие негативных последствий) нельзя применить взыскание строже замечания. Это повысило бы уровень защиты трудовых прав работника, поскольку в случае применения строгого наказания за незначительный проступок восстановление нарушенного права может осуществляться на уровне профсоюзов и государственных трудовых инспекций, сократив процессуальные издержки, которые возникают при рассмотрении таких споров в суде.

Как я уже отмечала, для отдельных категорий работников на основании федеральных законов установлены специальные правила внутреннего трудового распорядка, а также иные виды дисциплинарных взысканий. К примеру, для судей установлены специальные правила служебного поведения, которые определены повышенными требованиями к личным и деловым качествам, в связи с принятыми для них гарантиями и статусом неприкосновенности. Эти правила служебного поведения (среди них запрет на использование служебного положения в личных интересах, моральная чистота и неподкупность, прозрачность полученных доходов и имущества и т.д.) являются обязательными для судей, а их нарушение влечет за собой повышенную дисциплинарную ответственность [10]. Примечательно, что согласно Кодексу судейской этики[4] на судей возложена обязанность придерживаться основополагающего принципа беспристрастности. Любое нарушение этого может повлечь за собой ряд специальных дисциплинарных мер (понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий и др.).

Особый порядок и меры ответственности предусмотрены для прокурорских работников, что также обусловлено их особым положением в системе государственной службы РФ и широтой их надзорных полномочий. Прокурорские работники могут быть подвергнуты дисциплинарной ответственности в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) своих служебных обязанностей, а также за совершение действий, порочащих честь прокуратуры. К ним могут быть применены замечание, выговор, строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудного знака «За безупречную службу в прокуратуре Российской Федерации», лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», предупреждение о неполном служебном соответствии и увольнение из органов прокуратуры. Однако генеральный прокурор РФ не имеет полномочий уволить работника, назначенного указом президента РФ, либо понизить в присвоенном президентским указом классном чине (речь идет о классных чинах, начиная с государственного советника юстиции 3 класса и выше).

Говоря о порядке привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности, можно отметить наличие определенных, четко регламентированных процедур. Рассмотрим несколько основных отличий в привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудника прокуратуры от общего порядка. Итак, во-первых, решение о привлечении к соответствующей ответственности принимается представителем нанимателя, однако сама инициатива должна исходить от непосредственного руководителя. Для примера: начальник отдела в прокуратуре субъекта передает прокурору субъекта рапорт о выявленных нарушениях в работе подчиненного сотрудника, согласованный со всеми вышестоящими руководителями (начальником управления, в составе которого

[3] *Конституция Российской Федерации.* Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=2875/ (дата обращения: 20.01.2025).

[4] *Кодекс судейской этики.* Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (ред. от 01.12.2022). URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=433844/ (дата обращения: 20.01.2025).

находится отдел, и курирующим это подразделение заместителем прокурора субъекта). После рассмотрения рапорта прокурор субъекта назначает проведение служебной проверки, процедура которой закреплена приказами генерального прокурора России и прокурора субъекта. Во-вторых, служебная проверка проводится в строго определенные сроки, чтобы соблюсти установленный трудовым законодательством месячный срок привлечения с момента обнаружения проступка. В-третьих, если проступок связан с несоблюдением антикоррупционных обязательств, то соответствующую проверку проводит специально для этого созданная комиссия, в состав которой входят сотрудники кадрового подразделения, службы безопасности и иные уполномоченные лица. Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности прокурорских работников более четко регламентированы соответствующие правила принятия решения об ответственности, нежели это закреплено в общих правилах ТК РФ, что обусловлено повышенными требованиями к моральным и деловым качествам прокурорских работников.

Работа в Следственном комитете РФ (далее – СК РФ) требует от сотрудников соблюдения официальных обязанностей и определённых этических нормативных установок, определённых законодательными положениями. Любое нарушение этих требований может привести к дисциплинарному взысканию. В целом процедура и правила применения дисциплинарной ответственности к сотрудникам СК РФ не особо отличаются от сформированных законодательством в отношении работников органов прокуратуры [11] и преследуют аналогичные цели – поддержание высокого уровня исполнительности и беспристрастности при исполнении обязанностей, духовного уровня сотрудников, обеспечивая тем самым эффективное исполнение служебных обязанностей и сохранение репутации при прохождении этого вида службы.

Некоторые особенности применения дисциплинарной ответственности определены законодателем для сотрудников органов внутренних дел. Виды ответственности и правила ее применения отражены в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные нормативные правовые акты Российской Федерации»[5]. Увольнение – самый строгий вид ответственности – применяется, если сотрудник пренебрегает установленными служебными запретами и ограничениями, нарушает распорядок прохождения службы или не исполняет должным образом свои служебные функции, его действия несут в себе угрозу жизни или здоровью граждан [12].

Российское законодательство устанавливает отличные от общих правила и для некоторых других категорий работников, сфера деятельности которых не связана с прохождением государственной службы. Специальные правила, например, определены для работников железнодорожного транспорта. С учетом особого положения железнодорожного транспорта в транспортной инфраструктуре нашего государства, нормативно закреплены требования о строгом соблюдении трудовой дисциплины в целях обеспечения своевременной, полной и качественной доставки грузов и пассажиров. Судебные инстанции, рассматривая подобные споры, исходят из того, что это вид трудовой деятельности, требующий четкого соблюдения трудовых правил. Принимая решение о том, что действия работника содержат в себе состав дисциплинарного проступка, суды при необходимости рассматривают также вопрос о взыскании материального вреда, причиненного проступком работника [13].

Сопоставляя рассмотренные нормы с общими правилами ТК РФ, следует отметить, что кодекс в общих чертах определяет процедуру привлечения работника – истребование письменного объяснения от работника, а в случае его непредставления – составление соответствующего акта. Определяет сроки привлечения к ответственности (1 месяц со дня обнаружения и 6 месяцев со дня совершения, кроме специально предусмотренных исключений), обязывает работодателя вручить в течение трех дней приказ под подпись, а также разъясняет порядок его обжалования в государственную инспекцию труда либо в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров. Также закрепляет правило о том, что за каждый проступок может быть назначено только одно дисциплинарное взыскание. Таким образом, процедура проведения расследования проступка отдается на откуп работодателю, что, с одной стороны, не связывает его жесткими требованиями, а с другой – увеличивает его риски быть самому привлеченным к ответственности в случае неправильного оформления события проступка либо доказательств его совершения.

Подробнее о рисках, которым подвергается работодатель. Во-первых, при любых нарушениях порядка применения дисциплинарного взыскания работодатель может быть привлечен к административной ответственности согласно ч. 1, 2 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях[6], которая устанавливает достаточно

---

[5] *О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.* Федеральный закон № 342-ФЗ от 30.11.2011. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=482658&dst=100006,2/ (дата обращения: 20.01.2025).

[6] *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.* Кодекс Российской Федерации № 195-ФЗ от 30.12.2001. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=483238/ (дата обращения: 20.01.2025).

серьезные штрафы как для должностных (до 20 тыс. руб.), так и для юридических лиц (до 70 тыс. руб.). При повторном нарушении порядка должностное лицо может быть также дисквалифицировано на срок от 1 года до 3 лет. Указанное административное наказание подразумевает увольнение руководителя предприятия и дальнейший запрет на определенный судом в указанных пределах срок выполнять административно-хозяйственные и управленческие функции в организациях всех форм собственности. Во-вторых, в тех случаях, когда работодатель превысил меру наказания работника за проступок, применив увольнение, по итогам рассмотрения судебного спора, как правило, следует восстановление в должности уволенного, оплата ему времени вынужденного прогула и компенсации морального вреда, а также услуг представителя работника [14]. Уголовная ответственность для работодателя в таких случаях действующими законами не предусмотрена, за исключением случаев увольнения в качестве дисциплинарной меры беременной женщины или матери ребенка в возрасте до 3 лет, и при наличии доказательств, что такое увольнение связано не с некачественной работой, а продиктовано личными мотивами (ст. 145 УК РФ[7]). Однако, несмотря на то, что такие факты имеют место быть, судебная и правоприменительная практика по этому составу практически ничтожна.

Таким образом, отсутствие четко регламентированного законодательством порядка привлечения к дисциплинарной ответственности приводит к тому, что права и работника, и работодателя могут быть нарушены [15]. На мой взгляд, данная проблема может быть решена путем включения в ТК РФ ряда процедурных норм по аналогии с рассмотренным специализированным законодательством, регламентирующим трудовую деятельность отдельных категорий работников. Порядок рассмотрения проступка работника работодателем должен быть закреплен законодательным актом, а не только регламентацией работодателя. Необходимо определить ключевые моменты, например, фиксацию проступка работника в виде акта – аналогично тому, как суды принимают в качестве доказательства прогула акт об отсутствии работника на рабочем месте в рабочее время. В тех ситуациях, когда речь идет о крупной организации, где функционируют несколько структурных подразделений, необходимо нормативно урегулировать порядок и форму уведомления работодателя о проступке работника, так как это, в свою очередь, позволит более четко соблюдать требование о месячном сроке привлечения к ответственности с момента обнаружения проступка.

Достаточно эффективной, по моему мнению, будет регламентация порядка уведомления работника о предоставлении объяснения по поводу совершенного проступка. В частности, закон может определить письменную форму, в которой работник поставит подпись о том, что он ознакомлен с требованием работодателя предоставить письменное объяснение. При дистанционной работе такое уведомление может быть направлено по электронной почте, которая является официальным каналом связи между работником и работодателем. С целью усиления гарантий прав работников можно также предусмотреть порядок и форму разъяснения работнику способов и сроков обжалования приказа или распоряжения о привлечении его к дисциплинарной ответственности. Это, кстати, будет способствовать сокращению числа незаконных взысканий, так как со стороны работодателя будет меньше искушений нарушать права работника.

Обсуждение и заключение. Трудовое законодательство РФ динамично меняется с учетом изменений в экономике государства, его внутренней и внешней политике. Между тем, отдельные нюансы трудовых правоотношений, на которые обращает внимание сложившаяся правоприменительная и судебная практика, требуют корректировки и совершенствования. Так, ТК РФ не содержит специальных, четко прописанных процедур по поддержанию и соблюдению дисциплины труда. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ практически по всем затронутым в данной работе проблемам дал разъяснения, которыми руководствуются нижестоящие суды, законодательство обошло их стороной. На мой взгляд, эффективность любого закона заключается в соответствии существующим реалиям, и в этой связи регламентация института дисциплинарной ответственности должна включать в себя не только корректировку понятийного аппарата, используемого законодателем, но и создание процедурных норм, которые снизят риски как работника, так и работодателя.

Список литературы / References

1. Буянова М.О. Проблемы законодательного установления порядка увольнения работников за нарушение трудовой дисциплины. *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал.* 2014;(3):96–104.

Buyanova MO. Problems of Legislative Estabishment of the Order of Dismissal for Labor Discipline Violation. *Business in Law*. 2014;(3):96–104. (In Russ.)

[7] *Уголовный кодекс Российской Федерации.* Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=495411/ (дата обращения: 20.01.2025).

2. Руденко В.С. Дисциплинарный проступок как основание привлечения к дисциплинарной ответственности. В: *Труды Международной научно-практической конференции «Евразийская юридическая конференция» (Пенза, 23 мая 2018 года).* Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»; 2018. С. 230–233.

Rudenko VS. Disciplinary Offense as a Ground of Disciplinary Action. In: *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Eurasian Legal Conference" (Penza, May 23, 2018).* Penza: MCNS "Science and Education" Publ.; 2018. P. 230–233. (In Russ.)

3. Ломакина Л.А. Совершенствование российского законодательства о дисциплинарной ответственности на государственной гражданской службе. *Журнал российского права.* 2016;(7(235)):112–120. https://doi.org/10.12737/20154

Lomakina LA. The Improvement of Russian Legislation on Disciplinary Responsibility during State Civil Service. *Journal of Russian Law*. 2016;(7(235)):112–120. https://doi.org/10.12737/20154 (In Russ.)

4. Рычева М.А. Дисциплинарное взыскание: как велит закон. *Медицинский совет.* 2013;(5):10–13.

Rycheva MA. Disciplinary Sanction: as the Law Dictates. *Meditsinskii Sovet (Medical Council).* 2013;(5):10–13. (In Russ.)

5. Смоленский М.Б. Сохранение тайны в трудовых отношениях: способы защиты тайны, анализ проблем и предложения по совершенствованию законодательства. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(4):37–43. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-37-43

Smolenskiy MB. Preserving Secrecy in the Frame of Labour Relationships: Methods of Secrets Protection, Analysis of the Problems and Proposals to Improve the Legislation. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(4):37–43. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-37-43 (In Russ.)

6. Карпова Н.В. Чем грозят работодателю нарушения трудового законодательства. *Налоговая проверка*. 2021;(3):15–20.

Karpova NV. What are the Consequences for Employers of Violating Labor Laws? *Nalogovaya proverka (Tax Audit)*. 2021;(3):15–20. (In Russ.)

7. Липинский Д.А. *Проблемы юридической ответственности.* Санкт-Петербург; 2021. 228 с.

Lipinsky DA. *Problems of Legal Liability*. Saint Petersburg; 2021. 228 p. (In Russ.)

8. Соболев С.А. *Системность трудового права России как социальной науки.* Монография. Москва: Проспект, 2021. 255 с.

Sobolev SA. *Consistency of Labor Law in Russia as a Social Science*. Monograph. Moscow: Prospect Publ., 2021. 255 p. (In Russ.)

9. Шкитин А.В. *Социальное государство: проблемы формирования и ресурсы существования.* Дис. канд. филос. наук. Москва; 2021. 135 с.

Shkitin AV. *Social State: Problems of Formation and Resources for Existence.* Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation. Moscow; 2021. 135 p. (In Russ.)

10. Адриановская Т.Л. Понятие специальной дисциплинарной ответственности и ее отличие от общей дисциплинарной ответственности. *Право и государство: теория и практика.* 2024;(9(237)):221–223.

Adrianovskaya TL. The Concept of Special Disciplinary Responsibility and Its Difference from General Disciplinary Responsibility. *Law and State: The Theory and Practice*. 2024;(9(237)):221–223. (In Russ.)

11. Ломакина В.Ф., Хаманева Н.Ю. Юридическая ответственность государственных служащих: правовое регулирование дисциплинарной ответственности. *Государство и право.* 2008;(9):13–22.

Lomakina VF, Khamaneva NYu. Legal Liability of State Officials: Legal Regulation of Disciplinary Liability. *Gosudarstvo i pravo (State and Law).* 2008;(9):13–22. (In Russ.)

12. Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Представительство инициаторов ответственности процедуры дисциплинарной ответственности судей: особенности и пути модернизации. *Власть. Человек. Закон.* 2013:(2(113)):80–84.

Tuganov YuN, Aulov VK. Representative Body of Initiators of Liability of Disciplinary Liability Procedure for Judges: Features and Ways of Modernization. *Vlast. Chelovek. Zakon (Power. Man. Law).* 2013:(2(113)):80–84. (In Russ.)

13. Людвикевич О.Н. Компенсация морального вреда при незаконном привлечении к дисциплинарной ответственности. В: *Труды международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н.Г. Юркевича «Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества» (Минск, 20–21 апреля 2018 года)*. Минск: Белорусский государственный университет; 2018. С. 363–366.

Ludvikevich ON. Compensation for Moral Damage in Case of Unlawful Disciplinary Liability. In: *Proceedings of The International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor N.G. Yurkevich "Theoretical and Applied Problems of Implementation and Protection of Subjective Rights in the Context of Innovative Socio-*

Economic Development of Society” (Minsk, April 20-21, 2018). Minsk: Belarusian State University; 2018. P. 363–366. (In Russ.)

14. Мирюк В.А. Досрочное прекращение полномочий судьи как вид дисциплинарной ответственности. В: *Труды Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Молодежная наука» (Иркутск, 17 февраля 2024 года).* Иркутск: Российский государственный университет правосудия; 2024. С. 387–391.

Miryuk VA. Early Termination of the Powers of a Judge as a Type of Disciplinary Liability. In: *Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference “Young People Science” (Irkutsk, February 17, 2024).* Irkutsk: Russian State University of Justice; 2024. P. 387–391. (In Russ.)

15. Исакова Ю.И., Сараев Н.В., Ильясов Д.Б. Особенности формирования правосознания в современных условиях и его влияние на состояние законности. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2024;2(3):18–31. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-3-18-31

Isakova YuI, Saraev NV, Ilyasov DB. Features of Forming the Legal Consciousness in the Modern Settings and Its Influence on the State of Lawfulness. *Legal Order and Legal Values.* 2024;2(3):18–31. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-3-18-31 (In Russ.)

Об авторе:

Анна Жунусовна Киселева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, ScopusID, kiseleva17@bk.ru

Конфликт интересов: **автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Anna Zh. Kiseleva, Cand.Sci.(Law), Associate Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, ScopusID, kiseleva17@bk.ru

Conflict of Interest Statement: **the author declares no conflict of interest.**

***The author has read and approved the final manuscript*.**

Поступила в редакцию / Received 27.01.2025
Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2025
Принята к публикации / Accepted 27.02.2025